

**Межгосударственное образовательное учреждение высшего
профессионального образования "Российско-Таджикский (славянский)
университет"**

Солихов Фируз Шодиевич

**Функционально-семантическое поле модальности предположения и
способы его выражения в разносистемных языках
(на материале английского, русского и таджикского языков)**

**Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание**

**Диссертация
на соискание ученой степени кандидата филологических наук**

**Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент Шамбезода Х.Д.**

Душанбе - 2015

Оглавление

Введение	4
Глава I. Базовые основы исследования функционально-семантического поля модальности предположения в английском, русском и таджикском языках на основе их сопоставления	
1.1. Теория поля и полевой подход к описанию категории модальности предположения	13
1.2. Основополагающие принципы определения категории модальности.....	19
1.3. Пути и способы выражения модальных значений в языке	44
1.4. Лингвистический аспект определения ФСП предположения	56
Глава II. Основные средства выражения модальности предположения в английском языке	
2.1. ФСП предположения в английском языке.....	66
2.2. Модальные глаголы.....	73
2.3. Модальные слова.....	86
2.4. Модальные частицы	92
Глава III. Основные средства выражения модальности предположения в русском языке	
3.1. Модальные частицы.	97
3.2. Вводно-модальные слова.....	104
3.3. Модальные глаголы.	114
3.4. Вводные модальные фразы	118
3.5. Модальные синтаксические конструкции.....	124
Глава IV. Основные средства выражения модальности предположения в таджикском языке	
4.1. Модальные глаголы в сопоставляемых языках	141

4.2. Глагольные конструкции в таджикском и английском Языках	146
4.3. Формы и функции наклонения модальных глаголов в таджикском языке	153
4.4. Сопоставительно-контрастивный анализ вводных модальных единиц в таджикском, русском и английском языках.....	157
Заключение.....	165

Библиография:

А. Литература на русском и таджикском языках.....	174
Б. Литература на иностранных языках.....	191
В. Справочная литература.....	193
Г. Словари.....	194
Д.Использованная художественная литература.....	196

ВВЕДЕНИЕ

Теория поля является важнейшим объектом изучения в современной лингвистике. Особенный интерес вызывает структура организации, а также типология отдельных полей в пределах одного языка, и сопоставление их в различных языках. Функциональный подход к проблемным вопросам лингвистики позволяет признать начальным пунктом исследования некое общее значение, а далее устанавливать различные языковые средства его выражения как в пределах одного из мировых языков, так и в инако язычных лингвистических конструкциях. В этих сравнительных изысканиях особую актуальность представляет исследование практического действия функционально-семантического поля (ФСР) в конкретном языке.

Известный ученый А.И. Смирницкий посвятил изучению данной проблематике ряд работ, в том числе «К вопросу о слове. (Проблема «отдельности» слова)» (1952 г.), «Лексическое и грамматическое в слове» (1955), «Морфология английского языка» (1956). Особое внимание он акцентировал на том, что при исследовании лексики нужно применять комплексный подход: «...лишь подойдя к лексике как к системе и изучив ее как систему, можно должным образом выделить в ней существенное и характерное...» (Смирницкий, 1956:7). Исходя из данного принципа, нам предстоит применить комплексный подход к рассмотрению категории модальности предположения в английском, русском и таджикском языках.

Объектом исследования данной диссертационной работы является изучение модальности предположения, а также основные лексико-грамматические средства ее выражения в английском, таджикском и русском языках. При применении метода системного анализа выявляются семантические и функциональные особенности морфологических, синтаксических и лексических средств, выражающих модальность предположения в исследуемых языках.

Предмет исследования. Произвести системный анализ лексических и грамматических средств выражения модальности предположения в современном английском языке, методом сопоставления исследовать аналогичные функционально-семантические категории в русском и таджикском языках.

Актуальность исследования заключается в нижеследующем:

1. Вопрос о статусе функционально-семантической категории модальности предположения и основных средствах её выражения на современном этапе развития лингвистики остается дискуссионным и недостаточно изученным.

2. До сих пор в науке о языке не существует однозначных критериев, которые четко определяют семантические особенности и принципы разграничения понятий модальности предположения и модальности достоверности.

Научная дискуссия по данной проблеме ведется десятилетиями, продолжается она и в процессе развития современной лингвистики. Исследованию глубинной сущности и определению места в современном языкознании категории модальности посвящено множество научных работ. Это объясняется тем, что в изучении категории модальности присутствует ряд спорных вопросов, в том числе и проблема определения статуса и объема категории модальности в языке. В лингвистике существуют два направления определения модальности, которые можно охарактеризовать как логический и так называемый языковой. К первому направлению относятся исследовательские работы В.З. Панфилова, Г.В. Колшанского и других авторов. Второе направление представлено трудами таких ученых, как Ш. Балли, А.В. Бондарко, В.В. Виноградов, Г.А. Золотова, М.В. Ляпон и др. Дискуссия между представителями двух вышеназванных направлений заключается в том, что у них существуют разногласия в вопросе о том, какие значения можно считать модальными, а какие – нет. Адепты функционально-семантического подхода к рассмотрению языковой семантики, в том числе и к категории модальности, приводят

веские аргументы, логически подтверждающие данный метод применения в лингвистике (В.Г. Адмони, Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс, А.В. Бондарко и др.). Нам предстоит изучить эти доводы и, определить суть расхождения во мнениях ученых, и установить, какие подходы к изучению функционально-семантического поля и определению категории модальности предположения будут являться основным инструментом исследования в данной работе, выявить методику этого сопоставительного анализа.

Цель и задачи исследования:

- произвести детальное исследование функционально-модальных глаголов, слов и частиц, вводных слов и словосочетаний, используемых в английском, русском и таджикском языках;

- осуществить сопоставительный анализ вышеназванных категорий, выражающих различные оттенки предположения в английском, русском и таджикском языках.

Для достижения обозначенной **цели** в настоящей работе предстоит решить следующие конкретные **задачи**:

- дать определение ФСП предположения и его общую характеристику;

- определить в современной лингвистике английского, русского и таджикских языков реальный семантический объем применения категории модальности предположения;

- определить общеупотребительные варианты использования в вышеназванных языках применения модальности предположения;

- определить наиболее употребляемые варианты словосочетаний, глаголов и иных семантических средств для подчеркивания нюансов категории модальности предположения в выбранных для настоящего исследования языках;

- разработать методику сопоставительного изучения ФСП предположения в сопоставительно-типологическом аспекте;

- выделить и изучить лексико-грамматические средства выражения предположения в английском, таджикском и русском языках.

Осуществление намеченных целей и задач актуально в современной лингвистике и предполагает практическое применение в следующих направлениях:

- усовершенствование процесса преподавания на уроках по изучению английского, русского и таджикского языков;

- совершенствование процесса перевода произведений мировой литературы, научных и методических работ с одного из вышеназванных языков на другой;

- расширение возможностей исследования лексики и грамматики английского, русского и таджикского языков;

- предлагаемые в данной работе методы исследования категории модальности предположения могут использоваться при изучении других функционально-семантических полей в английском, русском и таджикском языках.

Научная новизна диссертации состоит в следующем:

- исследователем предлагаются новые подходы изучения модальности предположения на основе сопоставительного анализа использования этой категории в английском, русском и таджикском языках;

- производится детальный анализ структуры категории модального предположения в трёх языках – английском, русском и таджикском;

- в составе функционально-семантических полей выделяются микрополя, которые характеризуются различной степенью употребляемости категории модальности предположения в английском, русском и таджикском языках;

- анализируется объем лексических и грамматических средств применения категории модальности предположения методом выявления и сопоставления этих средств в трёх рассматриваемых языках.

Теоретической основой исследования явилось изучение научных работ известных лингвистов В.Г. Адмони, М.Е. Алексеева, Ш. Балли, Е.И. Беляевой, А.А. Бокарева, А.В. Бондарко, В.В. Виноградова, М.Т. Джабаров, П. Джамшедова, М.Н. Касымовой, С.Д. Кацнельсона, А.Е. Кибрика, Г.А. Климова, Н. Масуми, Т.М. Ломтева, М.В. Ляпона, Ф. Пальмера, В.З. Панфилова, В.С. Расторгуевой, Н.Розенфельд, А.И. Смирницкого, Ю.С. Степанова, А.С. Чикобава, Н.Ф. Шведовой, В.Н. Ярцевой и многих других. В фундаментальных трудах этих авторов не только представлен детальный анализ исследуемого материала, но и ведется научная дискуссия о некоторых аспектах выражения функционально-семантического поля в языке.

Теоретическая значимость работы состоит в следующем: автор полагает, что внесет определенный вклад в изучение категории модальности. Сравнительный анализ применения данной категории в трех языках позволяет заострить внимание на проблеме дискуссионности в научной литературе и повседневной практике преподавания и применения этих языков, и достичь некоторых результатов в поиске компромиссных вариантов в определении модальности предположения.

При исследовании проблемы модальности предположения разработана методика её сопоставительного изучения в английском, таджикском и русском языках. Выводы данного исследования могут найти практическое применение в дальнейшей разработке теоретических проблем английского, таджикского и русского языков; при ведении курсов изучения этих языков как иностранных; выявлении коммуникативно-прагматического содержания категории модальности предположения. Они могут быть также полезны в дальнейших изысканиях по сопоставительному лингвистическому анализу.

Практическая ценность исследования заключается в том, что полученные автором выводы сопоставительного анализа могут быть полезны в повседневной практике факультетов филологии высших

учебных заведений и курсов по углубленному изучению языков в качестве методического пособия по следующим направлениям:

- сопоставительная грамматика английского, русского и таджикского языков;
- перевод с одного из вышеназванных языков на другой;
- теоретическая подготовка специалистов по общему языкознанию и стилистике;
- проведение семинаров и практических занятий по переводу и интерпретации иноязычного текста;
- при создании учебных материалов по темам «Модальность», «Глагол»;
- при проведении спецкурсов и спецсеминаров по различным проблемам ФСП модальности сопоставляемых языков;
- в преподавании грамматики английского, русского, таджикского языков как иностранных.

Материалом исследования послужили тексты, содержащие исследуемые языковые единицы, в частности, из научных трудов по лингвистике и произведений художественной и научной литературы на английском, русском, таджикском языках. Также были использованы разнообразные источники из интернета общим объемом приблизительно в 3000 страниц, в основном, авторов XX и XIX веков и др. Исследованные единицы обладают высокой частотностью, поэтому общее число употреблений составляет более десятка тысяч. После исключения аналогичных контекстов анализу было подвергнуто около 600 микроконтекстов, включающих искомые языковые единицы. Использовались в данной работе также толковые, энциклопедические, фразеологические, двуязычные словари.

Методы лингвистического исследования продиктованы теми целями и задачами, которые автор поставил перед собой в данной работе. Основные методы, используемые исследователем – это сопоставительный анализ аналогичных лингвистических конструкций,

применяемых в английском, русском и таджикском языках. Применены также методы описательного характера и компонентного анализа. Кроме прочего, использован метод полевого анализа для выделения тематических разрядов, распределения языкового материала по подгруппам на основе их идентификации; метод сравнения с целью выявления категориально-грамматических и семантических отношений в системе модальности предположения; описание, включающее в себя приёмы наблюдения; конкретные приёмы контекстологического, идентификационного анализа, необходимые для разработки классификации языкового материала. В процессе начальной подготовки материала применялся метод интервьюирования на заданную тему, что обеспечивает достоверность полученных данных.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Функционально-грамматическая категория модальности организуют строгую систему на основе тех отношений, которые выявляются между компонентами, составляющими эту категорию в языке. Одним из основных микрополей ФСП модальности в языке является микрополе предположения, основанием для выделения которого как самостоятельной категориальной единицы модальности в языке служит наличие разноуровневых средств языка – морфологических, синтаксических и других, которые характеризуют их общность, а также степень взаимодействия их семантических функций. Специфику ФСП категориальной семантики предположения как раз и составляют эти вышеназванные факторы.

2. Языковые средства категории модальности предположения образуют особое функционально-семантическое микрополе, следовательно, необходимо рассматривать их именно в рамках этого поля.

3. Исследуемая в настоящей работе категория модальности предположения присутствует во всех существующих языках, в том числе тех, которые выбраны нами как базовые – английском, русском и таджикском. Средства передачи данной категории действуют в рамках

образуемого ей ФСП.

4. В свою очередь, в структуре функционально-семантического поля образуются микрополя (уверенного или неуверенного предположения, сомнения).

5. Предположения (уверенные и неуверенные) в английском, русском и таджикском языках выражаются посредством лексического словарного запаса и грамматическим оформлением, а также употребляемыми различными частями речи, служебными и вводными словами и т.д.

6. В сопоставляемых в данной работе языках некоторые вышеназванные лексико-грамматические средства имеют сходство, но, в то же время, наблюдаются и различия, связанные с грамматической структурой одного из трех рассматриваемых языков.

Апробация работы. Содержание диссертации излагалось по частям в форме отчетных выступлений на заседаниях кафедры иностранных языков Академии наук РТ, кафедры теории и методики преподавания иностранных языков Кургантюбинского государственного университета и в виде докладов на ежегодных научных конференциях названного университета (2010-2014 гг.), на Международных конференциях «Глобальные научные публикации» (Нью-Йорк, США, 2012 г.), в Ассоциации англоговорящих - программа обмена студентов и публичных выступлений («Малайзия, Куала-Лумпур 2009», Сингапур, 2009, «Франция, Париж, 2009», «Великобритания, Лондон, Оксфорд, 2006-2014 гг.), на республиканской научно-практической конференции (Душанбе, 2010) и др. Ключевые фрагменты исследования неоднократно обсуждались на заседаниях кафедры теории и методики преподавания иностранных языков Кургантюбинского государственного университета (2010-2014 гг.).

Основные положения работы нашли свое отражение в публикациях, три из которых осуществлены в изданиях, рекомендованных ВАК МОН РФ, и в монографии (список приведен в конце работы).

Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры английской филологии Российско-Таджикского (Славянского) университета от: 31 октября 2014 г., протокол № 3 .

Объем и структура диссертации. Данная работа состоит из введения, четырех глав и заключения. Приложения содержат: библиографический список наименований; список литературы на русском, таджикском и иностранных языках; список используемых в исследовании словарей и справочной литературы, использованных при подготовке настоящей диссертации; перечня использованных произведений художественной литературы.

ГЛАВА I

БАЗОВЫЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ МОДАЛЬНОСТИ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ НА ОСНОВЕ ИХ СОПОСТАВЛЕНИЯ

1.1. Теория поля и полевой подход к описанию категории модальности предположения

Базовые основы исследования ФСП модальности предположения в разных языках заключаются в изучении языковых единиц, аналогичных по своему применению. При этом используется сопоставительный метод, который дает возможность произвести системный анализ этих лингвистических явлений в английском, русском и таджикском языках. Кроме того, такие критерии определяет теория поля и полевой подход к изучению универсальных для нескольких языков значений.

Именно такой подход предполагают выводы лингвистов Ф. де Соссюра о превалировании элементов конкретного языка и В. Гумбольдта о существующей так называемой «внутренней форме» языка.

Лингвисты А.А. Потебня, М.М. Покровский, Р. Мейер, Г. Шпербер в своих работах, изданных еще в конце XIX – начале XX веков, указывали на системный подход к изучению лексического состава языка и неизменности смысловой связи между общеупотребляемыми словами.

Г. Ипсен в 1924 году ввел в науку о языке такой термин, как семантическое «понятийное поле», имея в виду совокупность слов, обладающих общим значением. Известный немецкий филолог Й. Трир утверждал, что семантическому полю соответствует лексическое поле (т.е. словесное поле). Поддерживая и разделяя новации В.Гумбольдта и Ф. де Соссюра, этот выдающийся ученый из Германии приходит к выводу, что язык является, по существу, стабильной системой, имеющей

тенденцию к развитию и модификации.

Утверждая о существовании «поля понятия», Й. Трир подчеркивает, что следует анализировать одновременно и словесные (знаковые) поля, состоящие из таких компонентов, как понятия и слова конкретного языка.

Фундаментальные труды лингвистов открыли новые горизонты в дальнейшем исследовании важнейших вопросов языкознания.

Однако А.И. Кузнецова в своей работе «Понятие семантической системы языка и методы её исследования» обращает внимание на то, что «идентификация понятийного и словесного полей приводит к тому, что возникает изоморфизм планов содержания слова и средств его выражения» (Кузнецова, 1963: 12-13). Таким образом, А.И. Кузнецова считает выводы немецкого ученого Й. Трира о схожести «поля понятия» и «словесного поля» ошибочными, указывая, что они явились источником неверных выводов у последователей ученого.

К аналогичным выводам приходит и известный лингвист А.А. Уфимцева в работе «Опыт изучения лексики как системы» (1962).

Несмотря на то, что исследования Й. Трира вызвали бурную дискуссию в среде специалистов, нужно признать, что они послужили своеобразным толчком к более углубленному изучению теории поля во всем мире. И если такие ученые, как О.С. Ахманова, А.И. Кузнецова и А.Л. Уфимцева опровергали неверные, по их мнению, выводы, то другие исследователи – Г. Филер, Т.Шнейдер и М. Трелле – поддерживали учение Й. Трира и создавали на его основе свои работы.

Таким образом, труды немецкого ученого вызвали не только бурные споры в среде лингвистов всего мира, но и явились отправной точкой многих научных изысканий. В результате было выработано два разных подхода к дальнейшему изучению поля и всей лексико-семантической системы языка, представленные в трудах Л. Вейсгебера, К. Ройнинга, В.Порцига.

Среди последователей научной школы Й. Трира наиболее близка к его идеям теория словесного поля Л. Вейсгебера. Он не считал значение

слова автономной единицей лексики и самостоятельной частью словесного поля, а представлял его естественной составляющей структуры лексики. Словесное поле ученый относил к смысловой системе языка, а поле понятия – к средству коммуникации между его носителями.

Новацией Л. Вейсгебера явилось то, что он ввел в языкознание понятие однослойных и многословных словесных полей. Это явление также исследовала в своих работах А.И. Кузнецова. Суть его состоит в том, что однослойное языковое поле представляет собой какую-либо определенную точку зрения на признак языковой единицы (например, числа или обозначение родства). Многослойное же языковое поле предполагает неоднозначные точки зрения на конкретный предмет или явление.

В лингвистическом энциклопедическом словаре дано такое определение: «Под полем понимается совокупность языковых (лексических) единиц, объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное свойство обозначаемых явлений» (Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 380).

Теория поля получила теоретическую разработку в трудах отечественных языковедов С.Д. Канцельсона, А.А. Уфимцевой, Ф.П. Филина, Г.С. Щура и других ученых. Ими был введен термин «лексико-семантическая группа», который подразумевает словесное поле как обозначение объединенных общим семантическим признаком языковых единиц. Под тем же понятием Ф.П. Филин имеет в виду «лексические объединения с однородными, сопоставимыми значениями». Именно эта формулировка была использована в дальнейшем в большом количестве исследований по теории поля.

С.Д. Канцельсон применяет в отношении лексико-семантических групп определение «понятийное поле», под которым подразумевает «противоположение понятий, ищущее выражение в языке».

Все вышеназванные явления относятся к лексико-семантической

системе языка. Одновременно с исследованиями этой сферы шли научные изыскания в области грамматики, которые отразились в работах В.Г. Адмони, Е.В. Гулыги, Е.И. Шендельс, М.М. Гухман, А.В. Бондарко. В частности, В.Г. Адмони в своем системном анализе определял части речи как поля, которые обладают основной (центральной) и неосновной функциями, и они взаимодействуют с другими полями.

В работе «Семантика русского языка» Л.А. Новиков дает следующее определение семантического поля: это «иерархическая структура множества лексических единиц, объединенных общностью (инвариантным значением) и отражающих в языке определенную понятийную сферу» (Новиков, 1991: 3).

А.В. Бондарко первым в лингвистике ввел понятие «функционально-семантическое поле» в своей работе «Теория морфологических категорий» (1974) в контексте таких категорий языка, как время, залог, вид и т.д. В его концепции заложено определение ФСП как гармонического единства грамматики языка и его лексического содержания, которые постоянно находятся во взаимодействии.

Общность семантики образует логическую систему соотношения лексико-грамматических свойств с иными единицами языка и является базовой основой функционально-семантического поля. Согласно выводам А.В. Бондарко, центральное место здесь имеют компоненты структуры поля, которые нужно рассматривать в процессе их взаимного расположения и влияния друг на друга. Причем, если речь идет о конкретном языке, то эти компоненты взаимодействуют на семантической основе. Если же производится сравнительный анализ разных языков, что свойственно данной научной работе, то необходимо определять свойственные этим языкам присущие им как языковые, так и понятийные средства.

П.В. Чесноков в своей работе «Два типа ФСП» (1998) определяет существование двух типов функционально-семантического поля.

Первый из них – это лексико-грамматическое поле, функции которого детально описаны в научных трудах Е.И. Шендельс и Е.В. Гулыги. В этом поле все микрополя характерны тем, что они предполагают различия в смысловом содержании при тождественности семантики.

Второй же тип функционально-семантического поля отличается отсутствием различия смыслового содержания, все лексические единицы в нём констатируют существующие факты объективной реальности. Но при этом наблюдаются семантические различия форм мыслительного процесса, связанные с ментальностью разных народов и особенностями грамматического строя различных языков, которые предполагают разновариантность синтаксических конструкций. По существу, ФСП второго типа представлены синтаксическими синонимами, различие между которыми состоит в форме осмысления представленного в поле значения слова.

Целью данной диссертации состоит исследование функционально-семантического поля модальности предположения методом сопоставительного анализа английского, русского и таджикского языков. Категория модальности предположения может рассматриваться в ФСП обоих типов. Как уже было определено выше, в данной категории модальности выделяются микрополя уверенного и неуверенного предположения, а также микрополе сомнения. И если в ФСП первого типа все микрополя характеризуются различиями смыслового содержания языковой единицы при тождественности семантики, то в функционально-семантическом поле второго типа модальность предположения выражена в аналогичности смыслового содержания, но при разных семантических формах, продиктованных грамматическими особенностями сопоставляемых нами языков. Здесь нужно акцентировать внимание на том, что при всех имеющихся различиях микрополя в своей совокупности выражают общее значение единого функционально-семантического поля.

Носители сопоставляемых нами языков проживают в различных ландшафтно-климатических условиях, представляют разные слои

общества. В языках, которыми они обладают, существуют существенные различия; точно так же в них присутствуют разнообразные поля – системы, которые отображают эту нетождественность. В исследованиях лингвистов разных стран и континентов, естественно, отображены эти различия.

Например, при изучении работ В. Порцига обращает на себя внимание то, что описываемые им синтагматические поля в наибольшей степени отражают сущностные свойства модальности как системной организации понятийной структуры высказывания. В этой структуре выделяются устойчивые лексические или грамматические сочетания слов, имеющие различные свойства или категории. И здесь можно выделить два типа подобной сочетаемости. К первому типу относятся слова, которые объединяются в общее синтагматическое поле на основе смысловых (семантических) признаков, таких, как «субъект плюс предикат», «предикат плюс атрибут» и т.п. На основе лексической и синтаксической сочетаемости образуются синтагмы первой группы типа «снег – белизна», «огонь – горячо», «смех – веселье» и т.п., то есть использование существительного и прилагательного, глагола и наречия.

Второй тип характеризуется группировкой единиц языка, которые составляют формальные синтагматические поля. Но в двух типах сочетаемости есть общее начало – они состоят из центра и периферической области, между которыми существует четкое разграничение семантической нагрузки.

Это общее начало, характеризующее синтагматические поля, отмечено исследователями Е.В. Гулыгой и Е.И. Шендельс в работе «Грамматико-лексические поля в современном немецком языке», которые констатировали: «В большинстве полей выделяется доминанта, т. е. конститuent поля: а) наиболее специализированный для выражения данного значения; б) передающий его наиболее однозначно; в) систематически используемый» (Гулыга, Шендельс, 1969: 84). Ученые подчеркивают, что доминантой поля может быть морфологическое или лексическое средство языка.

Мы уже упоминали, что в категории модальности выделяются микрополя уверенного и неуверенного предположения, а также микрополе сомнения. Эти микрополя характеризуются тем, что каждое из них обладает только ему присущим значением и формой средств их выражения. По существу, это отдельные образования, самостоятельные по своему содержанию и средствам выражения. Нам предстоит определить, как организовано семантическое содержание микрополя в английском, русском и таджикском языках, и какие лексико-грамматические средства выражения модальности предположения используются в каждом из этих языков.

Совершив экскурс в протяженное по времени изучение вопроса обоснования теории поля, автор диссертации пришел к выводу, что под понятием функционально-семантического поля следует признать установленную в работе «Функциональная грамматика» А.В. Бондарко «систему разноуровневых средств языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, а также комбинированных – лексико-синтаксических и т. п.), объединенных на основе общности и взаимодействия их семантических функций» (Бондарко, 1984: 43). На базе этого постулата мы и будем производить сравнительный анализ ФСП и выражение в его пределах категории модальности предположения.

1.2. Основополагающие принципы определения категории модальности

Изучение истории языкознания показывает, что само понятие модальность имеет много аспектов, его в разные времена разные ученые трактовали неоднозначно. Определение категории модальности породило в научном сообществе дискуссию, в которой было высказано немало, в том числе спорных, а порой и ошибочных мнений. Но, тем не менее, разброс и спорность выводов стимулировали дальнейшее развитие науки в этом направлении.

Необходимо отметить, что исследования по данному вопросу

проводились не только в узкопрофессиональной среде лингвистов. В своих выводах ученые опирались на разработки в областях философии, семиотики, логики и психологии, ибо изучались процессы логики мышления, специфики средств выражения той или иной мысли. Таким образом, находясь на стыке нескольких наук, понятие модальности получало различные трактовки, и по настоящее время исследования в этом направлении не прекращаются.

Эта неоднозначность отражена в работе «О категории модальности и модальных словах в русском языке» академика В.В. Виноградова: «Трактовка модальности в современной лингвистике необычайно широка, к тому же трудно найти двух авторов, которые бы понимали модальность одинаково» (Виноградов, 1975: 54). Это действительно так, и нам необходимо соблюдать баланс мнений, глубоко изучать их, чтобы не прийти к ложным выводам.

Модальность базируется на отражении реалий жизни и окружающей среды, она может выражать различное отношение к тому, о чем сообщает носитель языка. Например, твердую убежденность о правильности собственной интерпретации событий, или предположение о том, как трактовать тот или иной факт. С другой стороны, человек может говорить о своем намерении или готовности разрешить возникшую проблему. Или, скажем, утверждать, что он обязан выполнить ту или иную задачу, и способен выбрать правильный вариант её разрешения.

Каждый исследователь должен учитывать, что варианты смысловых средств каждого языка разнообразны, и чтобы верно определить соответствие сути высказываемого предположения, утверждения или сомнения лексическо-семантическим нормам конкретного языка (например, английского, русского и таджикского), нужно в первую очередь изучить правила и законы, по которым он применяется. То есть, следует проанализировать форму высказывания о каком-либо явлении и определить смысловое значение его соответствия в одном из языков. Эта задача значительно усложняется, если речь идет

о сопоставительном анализе разных языков. Поэтому исследователи нередко сталкиваются с такой проблемой: при попытке определить модальность конкретного выражения они приходят к выводу, что оно не соответствует разнообразным способам его трактовки. Иными словами, модальные значения могут быть широкого спектра действия, и это создает некоторые трудности в определении данной семантической категории в пределах одного языка.

Тем не менее, модальность обладает универсальным значением, и поэтому возможно применение данной категории при изучении как английского, русского, таджикского, так и иных языков. Именно поэтому интерес специалистов по языкознанию к категории модальности неизменно высок. К настоящему времени имеется обширная база источников российских и зарубежных авторов по данной проблеме. Надо особо отметить возросший интерес к сопоставительному исследованию модальности. Из изученных автором диссертаций, монографий, учебных пособий, статей по этой теме можно сделать вывод, что определение и проявление модальности в разных языках разнообразно и не во всех случаях однозначно, и ученые продолжают искать компромиссный подход к унификации данной категории.

Языковые единицы, относящиеся к категории модальности, помогают человеку оформить ясное, логичное по смыслу и сути высказывание в точном соответствии с семантикой и грамматикой языка. Причем высказываемая фраза может иметь разное построение и значение. Например, говорящий может зафиксировать любой реально существующий факт:

- Зимой раньше наступают сумерки;
- Термос сохраняет чай горячим.

В выражении также может быть выражена яркая экспрессия:

- Не люблю зимние сумерки!
- В термосе чай горячий, но невкусный!

В то же время в высказывании, построенном из аналогичных

языковых единиц, могут содержаться иные эмоции, например:

- Как жаль, что зимой сумерки наступают рано;
- Хорошо, что у нас есть термос.

Мы видим, что смысл каждой фразы и ее грамматическое построение продиктованы индивидуальным отношением к реальному явлению или событию. Из этого можно сделать вывод, что семантическое содержание высказывания определяется особенностями мышления и восприятия действительности индивидуально каждым носителем языка.

Как уже упоминалось, довольно долгое время в лингвистике отсутствовало четкое, единое понимание категории модальности, как в смысловой составляющей, так и в способах грамматического оформления. Изучение специальной литературы по данной тематике позволяет выделить три особенно часто встречающиеся теории, которые выдвигали разные группы лингвистов.

Согласно одной из них, категория модальности, как правило, в устной и письменной речи формулируется через эмоции говорящего, его личностного отношения к теме. Говорящий или пишущий сообщают свое отношение к происходящим событиям при помощи разных форм наклонения такой части речи, как глагол.

Другая группа ученых оперируют такими понятиями, как объективность и субъективность. Первое из них выражается в том, что автор высказывания производит его в лаконичной форме, отражая только реалии окружающего мира. Такое высказывание не предполагает проявления отношения индивидуума к происходящему событию или выражения экспрессии, собственного мнения о сообщаемом факте, то есть речь идет только о его констатации. Например, фраза: «Солнце светит и греет» передает объективную суть природного явления.

Иная семантическая и смысловая ситуация складывается, когда человек оценивает происходящее. Здесь уже высказывается субъективная точка зрения, которая меняет тональность и

эмоциональный фон предложения: «От солнца слепит глаза и стоит невыносимое пекло».

Есть и третье мнение ученых, которые утверждают, что категория модальности универсальна, то есть они не поддерживают идею о такой специфике модальности, как ее размежевание по принципу: «объективизм-субъективизм».

В Лингвистическом словаре О.С. Ахмановой впервые была дана объемная формулировка определения модальности, которая трактует ее как «понятийную категорию со значением говорящего к содержанию высказывания и отношения содержания высказывания к действительности ... выражающуюся различными лексическими и грамматическими средствами, такими как форма, наклонение, модальные глаголы и т.д.» (Ахманова, 1969: 488).

Эту формулировку можно отнести к базовым принципам выражения категории модальности в языке. В вышеназванном издании также зафиксированы виды модальности: гипотетическая (предположительная), глагольная, ирреальная (парадоксальная), отрицательная (не соответствующая реальности). Эти виды можно выразить в следующих фразах:

- Наверное, снег холодный;
- Идет холодный снег;
- Горячий снег 41-го;
- Снег не холодный.

В этих примерах зафиксированы виды модальности; от применения каждого из них зависит семантическое наполнение высказывания.

Знакомство с дальнейшими исследованиями в этом направлении диктует убежденность, что выводы О.С. Ахмановой были восприняты как основополагающие. Так, в Русском словаре иностранных слов зафиксировано: «Модальность... – различие между логическими суждениями в зависимости от характера устанавливаемой ими достоверности – от того, выражают ли они необходимую или только

вероятную связь между логическим подлежащим и сказуемым» (Словарь иностранных слов, 1996: 523). Это очень ярко прослеживается в русских народных пословицах:

- Под лежащий камень вода не течет;
- Капля камень точит;
- Не всё то золото, что блестит.

Надо заметить, что в пословицах, поговорках, жанрах фольклора разных народов часто представлены реальные, ирреальные или парадоксальные явления действительности.

Как мы уже упоминали, определение категории модальности происходило на стыке нескольких наук. Так, в науку о языкознании был заимствован термин «пропозиция» из логики. А.А. Худяков трактовал его как «содержание веры», имея в виду отношение человека к мысли истинной или ложной. В качестве примера можно привести такие высказывания:

- Уверен, что фрукты и овощи в ежедневном рационе питания полезны;
- Вряд ли есть большая польза от постоянного употребления фруктов и овощей.

На первый взгляд, обе фразы логичны, но первая из них абсолютно соответствует предписаниям специалистов по здоровому питанию, а вторая содержит значительную долю скепсиса к советам диетологов.

Весьма продуктивно и интересно наблюдать способы проявления модальности в рамках одного из языков, где выявляются очевидные отличия ее применения в той или иной форме – при использовании богатого словарного запаса, изменении тональности высказывания или на грамматическом уровне. Но при сравнительном анализе этих проявлений в разных языках их спектр представляет широкое поле варьирования и дает богатейший материал для исследования, так как модальность в разных языках проявляется неоднозначно. Это можно наблюдать в процессе использования модальных глаголов (например, в

русском языке: *может, должен*; английском: *must, can*; таджикском: *тавонистан, боистан*). Имеются отличия при применении других модальных слов (например, в русском языке: *кажется, пожалуй*; таджикском: *ба хаёлам, мумкин*; английском: *perhaps, likely*). Проявляются существенные различия также в тональности высказывания.

Кстати, именно тональность, то есть средство проявления чувств и эмоций человека, зачастую относят к категории модальности. И это тоже дискуссионный вопрос в лингвистике, на который до настоящего времени не выработано однозначного мнения. Это связано с тем, что оценка конкретных фактов действительности осуществляется разными людьми неодинаково, что объясняется присущими им темпераменту, глубиной владения всей палитрой языковых средств отдельного индивидуума, способам мышления. Каждое отдельное высказывание может нести в себе разную окраску, трактовку события. Например:

- Я люблю свою работу (констатация);
- Мне хотелось бы поменять сферу деятельности (желание);
- Нужно поменять место службы (необходимость).

Именно вот таким широким спектром чувств, эмоций, возможностей интересно исследование модальности. И этим объясняется разный подход лингвистов к определению данной категории языка, разброс их мнений. Ничем иным невозможно объяснить различия оценок в применении модальности у разных авторов, которые занимались изучением данной проблемы – В.Г. Адмони, Т.Б. Алисовой, Ш. Балли, П. Джамшедова, В.В. Виноградова, В.Г. Гака, Г.А. Золотова, А.П. Некрасова, А.А. Шахматова и многих других. Несовпадения мнений в их работах объясняются различным подходам к вопросу средств выражения категории модальности и других ее параметров.

После долгих поисков выявился общий подход к модальности как к способу сообщения, которое выражает личностное отношение к смысловому содержанию фразы, ее идентичности или расхождению с

действительностью. Например, сравним фразы:

- Лето – жаркое время года;
- Зимой теплее, чем летом.

Первая из них отражает установленный климатический факт, вторая парадоксальна и не соответствует действительности.

В.В. Виноградов в своем фундаментальном труде «О категории модальности и модальных словах в русском языке» дает четкую формулировку: «Каждое предложение включает в себя, как существенный конструктивный признак, модальное значение, т. е. содержит в себе указание на отношение к действительности» (Виноградов, 1975: 53). В этой же работе он подчеркивает, что «категория модальности принадлежит к числу основных, центральных языковых категорий, в разных формах обнаруживающихся в языках разных систем» (там же, с. 58).

Как мы уже отмечали выше, категория модальности изучалась на стыке лингвистики и логики. Именно поэтому она отображает логический строй человеческого мышления. Однако в своем истоке это явление языка было изучено в логике, и основоположником данного направления был Аристотель. Большое внимание проблеме понимания и толкования модальности уделил философ Э. Кант, который выделил три ее типа: модальность возможности, действительности или необходимости. Данные типы можно легко определить по фразам:

- Эту задачу вполне вероятно решить (возможность);
- Я решил данную задачу (действительность);
- Нужно решить сложную задачу (необходимость).

Такой подход полностью совпадает с выводами лингвиста В.Г. Колшанского, отраженными в его труде «К вопросу о содержании категории модальности»: «Лингвистическая проблема модальности может решиться только в общей логической и семантической интерпретации» (Колшанский, 1961: 94). Иными словами, автор констатирует необходимость изучения лингвистики на стыке двух наук – языкознания и логики.

В этой же плоскости следует рассматривать работу В.З. Панфилова «Взаимоотношения языка и мышления», в которой он обращается, в том числе, и к исследованию значений модальности по принципу «объективизм-субъективизм». Автор отмечает: «Объективная, или онтологическая модальность отражает характер объективных связей, наличных в той или иной ситуации, на которую направлен познавательный акт, а именно связи возможные, действительные, необходимые. Субъективная, или персуазивная, модальность отражает оценку степени познанности этих связей, т. е. она указывает на степень достоверности мысли, отражающей данную ситуацию, и включает проблематическую, простую и категорическую достоверности» (Панфилов, 1971: 232). То есть, фактически В.З. Панфилов признает прямую связь языкознания и логики.

Спустя буквально два года Г.А. Золотова в своем труде «Очерк функционального синтаксиса русского языка» совершает попытку разделить сферы двух наук и полностью адаптировать категорию модальности к языкознанию. Она пишет: «Задача состоит в определении статуса модальности в системе лингвистических категорий и в последовательном описании способов их выражения в языке» (Золотова, 1973: 351). Это явилось поступательным шагом в дальнейшем развитии языкознания.

Справедливости ради нужно отметить, что задачи двух наук – логики и лингвистики – абсолютно разные, но при помощи первой из вышеназванных дисциплин удалось выделить круг проблем, относящихся к категории модальности, ее способов употребления в лингвистике. Опираясь на понятия логики, языковеды определили основополагающие принципы действия категории модальности в языке, способы ее выражения. Это, безусловно, являлось одной из приоритетных задач лингвистики. В подтверждение этого вывода можно привести простой пример. Так, с точки зрения логики следует построить следующую фразу так: «Ток доставляется по проводам через линии электропередачи». С точки зрения законов лингвистики она

может звучать таким образом: «Ток течет по проводам», и смысл этого высказывания доступен для понимания даже тех, кто далек от специфики электрификации. Иными словами, алгоритм мышления позволяет упростить сложную логическую конструкцию при помощи богатых лексических средств. Следует обратить внимание, что в приведенных примерах отсутствует личностное отношение к высказыванию, нет в нем и эмоциональной окраски – здесь просто зафиксирован реально существующий факт.

Между тем, Ш. Балли в труде «Общая лингвистика и вопросы французского языка» отмечает, что категория модальности содержит объективное или субъективное отношение автора к своему высказыванию. В частности, он пишет: «Каждое высказывание состоит из двух частей: диктума, т. е. части, которая несет информацию о субъективной интерпретации говорящим действительности, и модуса, т. е. субъективной оценки информации» (Балли, 1955: 372). Если следовать выводам лингвиста, то вышеприведенный пример будет звучать так: «Я знаю, что ток течет по проводам» или «Вероятно, электричество передается через провода». Это наглядно демонстрирует, что модальность передается посредством синтаксического оформления высказывания.

В то же время многие ученые считают, что категория модальности выявляется в законченном предложении не только для выражения сути и смысла произносимой или записанной фразы, но и непосредственными эмоциями человека, его оценкой происходящих событий. Если мы вернемся к приведенному нами примеру, то он уже будет выглядеть следующим образом: «Я рад, что узнал сегодня о принципах электропроводимости» или «Очевидно, что ток передается линией электропередачи».

В.З. Панфилов в работе «Взаимоотношения языка и мышления» отмечает: «Коммуникативная установка и модальность по их языковой природе и роли в конструировании предложения настолько различны, что объединять их в пределах одной грамматической или лексико-

грамматической категории модальности не представляется возможным» (Панфилов, 1971: 43).

Не вполне солидарен с этим выводом В.Г. Адмони, который обращал внимание на то, в многочисленных трудах лингвистов слишком размыты границы между понятием модальности и конечной сутью высказывания. То есть ученый призывал продолжать более углубленный и критический анализ категории модальности, исследовать сферы ее применения в языке.

Именно этот процесс и происходил в языкознании. Т.Б. Алисова в своем труде «Дополнительные отношения модуса и диктума» отмечает: «Рассматривая модальность предложений, различных по коммуникативной направленности, следует отметить их специфичную структуру, их многослойность. При этом обнаруживается определенная связь между модальностью и целевой установкой говорящего, или коммуникативной функцией высказывания» (Алисова, 1971: 56).

Исследователь определила, что при общении двух субъектов возникает формирование фразы, которая может содержать в себе констатацию факта, вопрос или побудительный стимул. В качестве примера приведем следующие высказывания:

- Сегодня очень холодно (констатация факта);
- Я весь день провел в теплом помещении, скажи, а как на улице – холодно? (вопрос);
- Весна не за горами, перетерпим последние морозы (побудительный стимул).

Рассматриваемая нами категория модальности способствует тому, что человек может осмыслить и сообщить о фактах объективной действительности в простой, легкой для понимания форме. Но, с другой стороны, для донесения до собеседника своих соображений используется предикативность. Особенности этих категорий рассмотрены в работе Е.И. Беляевой «ФСП модальности в английском и русском языках» следующим образом: «Одни ученые рассматривают модальность как составную часть предикативности, т. е.

предикативность понимается как более широкая категория, чем модальность. Другие трактуют модальность как категорию более широкую, чем предикативность, на том основании, что в целом ряде предложений, например, в междометных, ни предикативности, ни тем более предиката нет, тогда как в них находит отражение модальное значение» (Беляева, 1985: 180).

Следовательно, при исследовании категорий языка нужно соблюдать тонкую грань сходства и различий между модальностью и предикативностью. Эту задачу блестяще разрешает Е.В. Милосердова в работе «Семантика и прагматика модальности» следующим выводом: «Сходство модальности и предикативности состоит в том, что как одно, так и другое понятие соотносят определенное содержание с действительностью, благодаря чему и формируется предложение. Основное же отличие их связано с тем, что тот элемент субъективности, который лежит в основе всех категорий модальности, отсутствует в понятии предикативности» (Милосердова, 1991: 194).

Изучая специальную литературу, в которой рассматривается категория модальности, невольно обращаешь внимание на такой парадокс: одни авторы предлагают расширять количество модальных значений, а другие, наоборот, сокращать его. По существу, только В.В. Виноградов и принадлежащие к его школе ученые придерживаются мнения о широком диапазоне этого явления в языке. Многочисленные же исследователи то приходят к похожим выводам, то опровергают друг друга. Это характеризует рассматриваемый нами вопрос как один из основных и спорных в лингвистике и призывает к дальнейшему, более углубленному его изучению.

И, конечно, нельзя игнорировать тот очевидный факт, что язык является средством коммуникации, общения между людьми. Если, предположим, при составлении официального документа необходимо придерживаться строгой языковой и грамматической системы, использовать только необходимый, соответствующий этой форме лексикон, то в свободном общении возникает большой простор для

проявления эмоций, оценочных соображений. Например, если сухим языком отчета будет сказано: «В текущем году собран рекордный урожай зерновых культур», то в диалоге человек, работающий в сфере сельского хозяйства, произнесет: «Если бы вы знали, каким потом и кровью достался нам этот рекорд!». А потребитель заметит: «Это отличная новость, значит, не будет недостатка в хлебе».

Этой проблеме уделил внимание А.В. Бондарко в своем труде «Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии». Он, безусловно, констатировал, что личностное отношение к произносимому сообщению играет заметную роль, но при этом обращал внимание на то, что «оценочность целесообразно рассматривать как особую семантико-прагматическую сферу, взаимодействующую с модальностью. Разумеется, четких граней здесь нет, и отнесение качественной и эмоциональной оценки к модальности нельзя исключить, однако речь может идти лишь о периферии модальности, где специфические признаки данной категории размыты» (Бондарко, 1983: 264).

С этим выводом ученого трудно полностью согласиться. Мы все знаем по многочисленным примерам мировой литературы, как важна именно оценка героем происходящих событий, насколько она бывает яркой в описаниях природы, интерьера, окружающего ландшафта, этнографических деталей в литературном произведении. То же самое можно отнести и к диалогам действующих лиц рассказа, повести или романа. Ведь именно в трактовке конкретных фактов зачастую кроется фабула, контекст или подтекст литературного произведения. Как справедливо отметила в труде «Смысловая организация предложения и проблема модальности» Т.В. Шмелева: «Оценочность является единственным модусным значением, выразить которое «право», а не «обязанность» говорящего» (Шмелева, 1984: 78). Автор настоящей работы разделяет этот вывод.

Однако мнения лингвистов по данному аспекту не совпадают. Отдельные ученые (например, А.В. Бондарко), как мы отметили выше,

выносят эмоциональность высказывания, его оценочность «на периферию модальности». Другие же исследователи, как М.В. Ляпон, считают, что модальность прочно взаимосвязана с этими явлениями речи. В частности, в своей работе «К вопросу о языковой специфике модальности» он в довольно категоричной форме высказывает следующее мнение: «Семантическую сторону категории модальности образует категория оценки» (Ляпон, 1971: 235).

В своей ежедневной языковой практике мы постоянно убеждаемся, как много зависит от тональности произносимой фразы, выражении своего отношения к теме беседы. Сравним, например, оценочный фактор двух предложений:

- Считаю, что у тебя отличная идея для реферата!
- Не думаю, что твой реферат будет интересен.

Высказаны две диаметрально противоположные оценки, и этим определено абсолютно разное содержание высказывания.

Если речь заходит о познании, то здесь личное отношение к теме выходит на первый план. Например:

- Прочитал о средиземноморской диете, хочу попробовать, мне кажется, это оптимальный способ питания;
- Не признаю никаких диет, думаю, они только вредят здоровью.

Речь в двух выражениях идет о сбалансированном питании, но насколько разные мнения высказывают собеседники об этой проблеме! Выверенно и очень точно об этом явлении рассуждает Т.В. Колшанский в работе «О соотношении объективных и субъективных факторов в языке». Он отмечает: «Познавательный акт как некий фрагмент мыслительной деятельности человека уже по своей природе содержит так называемый оценочный момент, который и есть ничто иное, как произведенная субъектом мыслительная операция над предметом высказывания, что представляет собой «оценку» в самом широком понимании. Оценка содержится, таким образом, повсюду, где происходит какое бы то ни было соприкосновение субъекта познания с объективным миром» (Колшанский, 1975: 231).

Действительно, любое явление вызывает у индивидуума собственное мнение о его содержании и смысле. Так, один человек скажет: «Весной природа возрождается, как приятно наблюдать за этим процессом», а другой: «Ненавижу весеннюю слякоть и распутицу». Здесь выражается разное отношение к одному и тому же времени года, что точно подмечено в работе В.М. Вольфа и Н.А. Ладомирского «Пересечение модальностей: способность и возможность», которые определили, что «к модальности относится качественная оценка дескриптивного содержания по признакам «плохо/хорошо» (Вольф, Ладомирский, 1988: 6).

Как мы уже отмечали, в определении категории модальности огромное значение имеет эмоциональная составляющая. Любому человеку свойственно выражать свое отношение к явлениям и фактам действительности. Он может сказать:

- Эх, не повезло, автобус отъехал от остановки, я не успел в него попасть;

- Как хорошо, что вовремя появилась маршрутка, я не опоздал на лекцию.

На эмоциональной окраске высказывания акцентирует внимание И.А. Филипповская в своей работе «Модальность предложения» следующим образом: «Возможны точки соприкосновения между выражением эмоций воли и модальной оценкой высказывания... Наряду со средствами, служащими только для выражения эмоций (междометия) или только для выражения модальности (модальные слова) есть знаки, имеющие гибридный характер» (Филипповская, 1978: 51).

С выводами этого автора выражает согласие и М.В. Ляпон в труде «К вопросу о языковой специфике модальности»: «Гибридный характер некоторых модальных знаков не всегда позволяет провести четкую грань между эмоциональным и чисто логическим типом оценки в естественном языке» (Ляпон, 1971: 236).

Возьмем, к примеру, два высказывания:

- Хорошо, когда в доме есть собака или кошка;

- От домашних животных в квартире шерсть и беспорядок.

Мы наглядно убеждаемся, что эти, по сути, справедливые высказывания отличает только оценочная составляющая. В первом случае речь идет о мироощущении, чувствах, эмоциях человека, во втором звучат прагматизм и реальная оценка. Именно этими мотивами, на наш взгляд, продиктован разброс мнений ученых на определение выражения эмоций и логики в языке.

Например, В.З. Панфилов и М. Грепл отрицательно относятся к использованию эмоциональности в качестве одного из значений модальности. Как считает другой лингвист, Е.М. Милосердова в работе «Семантика и прагматика модальности», это важный фактор в языке: «Эмоциональность - широкая психологическая категория, связанная с любым проявлением реакции человека на те или иные внешние или внутренние раздражители» (Милосердова, 1987: 194).

С одной стороны, это адекватное утверждение, которое мы наблюдаем в языке, например:

- Мой сосед обварился кипятком и испытывает невыносимую боль;

-

- Новость о смене руководства компании меня чрезвычайно расстроила.

То есть люди выражают языковыми средствами свое чувственное отношение к явлениям действительности. С другой же стороны, именно человеческие эмоции помогают оформить во фразе то, как они относятся к реальным фактам – выражают сожаление, печалются, радуются. Например:

- Увы, но мы не сможем сегодня встретиться;

- Сочувствую, что здоровье твоей мамы ухудшилось;

- Как хорошо, что тебе удалось побывать в санатории и т.п.

Другая языковая ситуация складывается, когда речь приобретает экспрессивную окраску. Произнесенное высказывание может быть алогичным, не соответствующим действительности, что особенно ярко проявляется в пословицах и поговорках, например:

- Что ты уставился, как баран на новые ворота?

- Не так страшен черт, как его малюют.

В таких языковых конструкциях присутствует иносказание, смысловой подтекст. Наиболее ярко экспрессивность проявляется в повседневной бытовой речи, когда люди, увлеченные спором или эмоциями раздражительности, гнева позволяют себе экспрессивные высказывания, выходящие порой за пределы нормативной лексики.

В сборнике научных статей «Теория функциональной грамматики» есть прямое указание на это явление: «Экспрессивность несет в себе изобразительные качества речи, отличающие ее от обычной (стилистически нейтральной), и придает ей образность. Экспрессивность – одна из наиболее «размытых» областей исследования, которая в настоящее время распределяется между стилистикой, семантикой и прагматикой речи» (Теория функциональной грамматики, 1991: 396).

Соответственно, экспрессивность и эмоциональность оказывают существенное влияние на формирование речи. И для ученых эта сфера представляет интерес, является поводом к научным изысканиям в области семантической и грамматической составляющих систем построения выражения. Но, видимо, не следует напрямую соединять чувственные, настроенческие элементы в речи с категорией модальности. Хотя все процессы в языке взаимосвязаны, все-таки вышеозначенные проблемы, видимо, являются предметом отдельного, более углубленного специализированного изучения.

Множество пробелов в исследуемой в данной работе категории объясняется неоднозначным подходом к ней ученых, которые в поисках истины на протяжении десятилетий ищут общие точки соприкосновения между противоречивыми мнениями на вопрос интерпретации категории модальности. Противоречия же в основном зависят от принадлежности конкретного автора или группы ученых к так называемым «узком» или «широком» понимании категории модальности. Узкое отношение основывается на принятии в качестве аксиомы определения модальности в рамках понятия реальность – нереальность. Широкое же

отношение предполагает наличие разнообразного арсенала оценочных значений, формирования в речи говорящего характеристики явлений окружающей действительности и т.д., в том числе и спорную позицию эмоциональной окраски высказываемого суждения.

Приверженность к той или иной школе проявляется в выводах, к которым приходят ученые в своих исследованиях. Так, А.М. Пешковский в работе «Русский синтаксис в научном освещении» пишет: «Утверждение и отрицание составляют разные виды модальности предложения» (Пешковский, 1956: 479).

Приняв как базовый постулат реальность – нереальность, в дальнейшем лингвисты продолжили поиск оттенков и дополнений к этому определению. В.Г. Адмони в работе «Введение в синтаксис немецкого языка» указывает: «Во всех типах предложения, во всех формах выявления предикативности утверждается связь между двумя предметами или явлениями и признаками объективной действительности и выражается определенная оценка реальности связи» (Адмони, 1958: 242). Здесь можно констатировать, что в определение категории модальности вводится оценочный подход.

Однако не все лингвисты согласны с таким расширением понятия категории модальности. Так, в автореферате диссертации на соискание степени доктора филологических наук «Категория модальности, ее объем и средства выражения в современном русском языке» Б.В. Хрычиков пишет: «Ш. Балли и его последователи понимают модальность как все то, чем окружает мыслящий субъект высказывание в процессе формирования предложения. Такое понимание сущности модальности фактически лишает ее объективных языковых признаков и выводит из разряда грамматических категорий» (Хрычиков, 1986: 36).

Естественно, что апологеты «узкого» и «широкого» понимания семантики категории модальности искали точки соприкосновения двух этих подходов, предлагали компромиссные решения. Производилось это путем введения оценочных понятий и интонирования нюансов, характеристики явлений окружающей действительности.

Довольно часто при определении семантической стороны категории модальности в языке ученые выбирают компромиссный вариант решения проблемы широкого и узкого понимания природы модальности. Как пример такого подхода можно привести цитату из учебника «Русская грамматика»: «Отношение сообщаемого к действительности понимают в плане реальности – нереальности этого сообщаемого с точки зрения говорящего. Однако отношение говорящего к сообщаемому здесь никак не ограничивается. Кроме большой группы оценочно-характеризующих значений к этому виду модальных отношений причисляют и не менее разнообразные собственно оценочные значения: согласие – несогласие, принятие – непринятие, разные виды волеизъявления и т. п. (Русская грамматика, 1980: 285).

Как известно, авторство теории модальности принадлежит В.В. Виноградову, который и ввел данный термин в лингвистику. Ученые в своих исследованиях приняли данную теорию как базовую. Но надо отметить, что даже автор теории иногда противоречил сам себе. Так, в работе «О категории модальности и модальных словах в русском языке» на 53-й странице он указывает, что нужно «проводить принципиально четкую грань между разными эмоциональными формами реакций на действительность и модальной оценкой отношения высказывания к действительности». А на 87-й странице вышеназванной работы при определении модальных средств языка он причисляет к ним такие, которые «выражают эмоциональное отношение говорящего» (Виноградов, 1975: 53-87).

Итак, мы установили, что приверженцы «узкого» понимания категории модальности апелировали к таким понятиям, как отношение говорящего к действительности в плане реальность – нереальность. При этом в высказывании субъекта может присутствовать уверенность – неуверенность. При формировании фразы выражается возможность, необходимость или желательность. Но такое ограничение в определении категории модальности не дает полной картины ее применения в языке.

Так, Г.А. Золотова в работе «О модальности предложения в русском языке» обращает внимание на то, что «значения возможности и необходимости составляют в языке другой уровень модальных отношений, и на этом основании отделяет их от значений реальности и нереальности. Значения различных степеней уверенности говорящего функционируют различно... Лингвистику как науку интересует субъективное восприятие сообщаемого в плане уверенности или неуверенности самого говорящего. В связи с этим строятся различные иерархии структур, в которых один и тот же набор значений распределяется неодинаково, от чего категория модальности приобретает в каждой концепции свои особенности как в плане выбора средств реализации модальных значений, так и в плане функционирования этой категории в языке» (Золотова, 1962: 12-20).

Изучая научную литературу по интересующей нас тематике, можно выделить определенные временные периоды в исследовании категории модальности. Так, в шестидесятые годы прошлого столетия объектом изучения в основном были формы наклонения глагола. Спустя десятилетие мнение лингвистов склонилось к тому, что модальность следует рассматривать как одну из характеристик предложения. Далее сформировалось мнение о модальности как о характеристике текста, в частности, в работе И.Р. Гальперина «Текст как объект лингвистического исследования» (1981). Но к единому, общему определению категории модальности, как в сфере синтаксиса, так и лексики языка, ученые так и не пришли, оставив открытыми для последующих исследований многие вопросы изучения данной категории.

В частности, в работе «Дополнительные отношения модуса и диктума» Т.Б. Алисова рассматривает такие типы модальности, как «коммуникативную и субъективно-оценочную» (Алисова, 1971: 54). То есть автор признает в общении субъектов наличие оценочной категории.

Между тем, в труде Т.В. Шмелевой «Смысловая организация

предложения и проблемы модальности» предлагается «рассматривать все категории, служащие для передачи субъективных значений, как разные типы модальных категорий, одной из которых является модальность» (Шмелева, 1984: 78).

Но для того, чтобы выделить категорию модальности, исследователям пришлось более глубоко изучать все другие нюансы способа и сути объективного и субъективного формирования смысла законченной фразы. И если с объективным содержанием выражения между учеными найдено согласие – речь идет о реальном факте действительности, то со второй позицией дело обстоит сложнее. Дело в том, что каждый человек по-своему осмысливает отдельное явление о событие, и это неминуемо отражается в его речи.

М.А. Дмитриовская в работе «Логический анализ. Знание и мнение» отмечает, что «наблюдается тенденция к смещению акцента «пропозиция - реальный мир» в сторону рассмотрения «субъект – пропозиция» (Дмитриовская, 1988: 7). Такой подход расширяет понятие модальности, охватывает многообразие ее проявлений в языке и неминуемо приводит к тому, что субъективность находится в прямой зависимости с оценочной категорией, свойственной речи каждого отдельного индивидуума. Естественно, что применение лексических единиц зависит от уровня интеллекта, объема знаний, индивидуального эстетического вкуса, владения всей богатой палитрой речи и т.д.

Рассмотрим пример следующего диалога:

- Не правда ли, полевые цветы прекрасны?
- Не разделяю твоего восторга, они простенькие, садовые цветы куда красивее.
- Ну, посмотри, они милые, пахнут лугом.
- Я все-таки предпочитаю розы и гвоздики.

Объектом беседы служит реальный факт природы, субъективное отношение к этой реалии высказано диаметрально противоположное. При этом используется различное лексическое и грамматическое оформление фразы.

В работе В.З. Панфилова «Взаимоотношения языка и мышления» этому явлению уделено значительное место: «Объективная и субъективная модальности тесно переплетаются в каждом высказывании и образуют сложную гамму модальных оттенков, формирующих общий модальный фон высказывания. Различием между субъективной и объективной модальностями является не только их разное отражение действительности, но и их языковое оформление. Грамматический характер выражения объективная модальность получает лишь в формах наклонения глагола. Субъективная модальность выражается на уровне логико-грамматического членения предложения, которое обусловлено активностью познавательного процесса, направленного на то или иное явление действительности» (Панфилов, 1974: 40-41).

В живом русском языке реальность не подлежит сомнению, но способы сообщения о ней чрезвычайно разнообразны. К примеру, простое высказывание: «Сегодня холодно» можно выразить множеством способов:

- Стоят крещенские морозы;
- Какая невыносимая стужа;
- Минусовое значение температуры воздуха;
- Резкое понижение градуса;
- Метет пурга с пронизывающим студеным ветром и т.д.

В труде Г.А. Золотовой «Очерк функционального синтаксиса русского языка» данное явление находит четкое отражение: «Под объективной модальностью, рассматриваемой как необходимый конструктивный признак каждого предложения, понимают отношение содержания высказывания к действительности. Объективная модальность выражается эксплицитно. Эта сфера охватывает те явления и процессы реального мира, которые не зависят от мыслей, чувств и желаний говорящего... Значением субъективной модальности может быть отношение говорящего к содержанию высказывания» (Золотова, 1973: 142). То есть те же фразы, отражающие реальную

действительность, при значении субъективной могут быть произнесены таким образом:

- Стоят крещенские морозы, значит, зима свою силу показывает;
- Какая невыносимая стужа, невозможно спокойно прогуливаться;
- Минусовое значение температуры воздуха, возможно, способствует росту случаев простудных заболеваний;
- Резкое понижение градуса, вероятно, связано с приходом антициклона;
- Метет пурга с пронизывающим студеным ветром, стало быть, лучше не выходить из дома.

Итак, мы выяснили, что значение субъективной модальности заключено в личностном отношении субъекта к сообщению, употреблении им тех или иных эпитетов, или, как справедливо отметил В.З. Панфилов, оно указывает на «степень достоверности мысли, отражающей данную ситуацию». То есть она содержится не в пропозиции, а в интерпретации произносящего фразу человека конкретной ситуации, действия или явления.

По определению А.П. Калашяна, субъективность и объективность взаимосвязаны, они проявляются в диалоге. В автореферате «Коммуникативные аспекты модальности» он пишет: «Подразумеваемая под модальностью процесс субъективации, объективизирующий через становление нового онтологического модуса, выделяется межсубъектная модальность – тип модальных отношений, который обеспечивает соотнесение и взаимосвязывание субъектов диалога. Субъективная модальность рассматривается лишь в качестве одного из аспектов общей субъективно-объективной категории модальности, обладающей двуединой сущностью» (Калашян, 1992: 22).

Такой же точки зрения придерживались ученые, которые считали, что модальность имеет тесную связь с логикой (Г.В. Колшанский, Т.Н. Дешериева). В.З. Панфилов был не согласен с мнениями этих исследователей, но в работе «Взаимоотношения языка и мышления» ищет компромисс между точками зрения на разделение и взаимосвязь

модальности в плане ее определения как субъективной и объективной: «Между значениями субъективной и объективной модальности и способами их языкового выражения не существует резкой грани. Суждения о возможных, действительных и необходимых связях также могут фиксировать различные ступени человеческого познания одного и того же явления» (Панфилов, 1971: 45).

Тем не менее, в отечественной и зарубежной лингвистике, после долгих споров и дискуссий, отношение к типологизации модальности в плане разделения ее на субъективную и объективную заняло главенствующее положение. Причем все, что имеет отношение к объективной модальности, практически не имело противоречий среди ученых. Но что касается субъективной модальности, то здесь присутствовали разные точки зрения. Дело в том, что довольно сложно определить степень достоверности субъективности высказывания каждого индивидуума, которое он вкладывает в свою фразу о, несомненно, объективном, реальном явлении. По сути, каждый говорящий транслирует свою, индивидуальную точку зрения на предмет разговора. И в этом субъективном мнении отражается много факторов: объем знаний о данном предмете, мироощущение человека, владение им логическим мышлением и т.д. Именно в поиске согласия, соприкосновения разных точек зрения на эту категорию модальности, исследователи давали ей разные названия. К примеру, «эпистемическая модальность» (Е.И. Беляева), «модальность достоверности» (М. Грепл), «свободная модальность» (М.В. Ляпон), «персуазивная модальность» (В.З. Панфилов).

Произведя тщательный анализ мнений и выводов ведущих специалистов по лингвистике на основе изучения первоисточников, автор данной работы приходит к выводу, что базовые основы категории модальности в языке находятся в пределах функционально-семантического поля. При определении данной категории следует в первую очередь рассматривать значение лексем и способы их функционирования в языке. Далее применяется оценочное отношение

реального объекта действительности и субъективного способа его выражения. Здесь важно, как мы уже упоминали, учитывать уровень знания респондента о предмете или явлении, а также степень интерпретации его признаков.

Глубока и интересна работа Ю.Н. Караулова «Общая и русская идеография», в которой автор сообщает о необходимости «разделить различные сферы словарного состава на семантические поля (например, поле «радость»), лексико-семантические группы (например, группа слов со значением «изменение»), тематические группы (например, «наименования птиц»), синонимические ряды (например, ряд с инвариантным значением «храбрый»), ономаσιологические группы (например, выражение понятия «время» существительными в русском языке)» (Караулов, 1976: 314).

Изучение базовых основ категории модальности должно основываться как на живом языке общения между субъектами (устной речи), так и на примерах употребления письменного языка (литературных произведений). Иными словами, здесь речь идет о разноуровневом употреблении лексических единиц, их взаимодействии в плоскости единой семантической функции и плоскости функционально-семантических полей.

Обратимся к фундаментальному изданию «Большой энциклопедический словарь. Языкознание» (главный редактор В.Н. Ярцева), в котором ёмко констатируется: «Субъективная модальность создается специфическими модальными словами, частицами, междометиями... Объективная модальность создается, прежде всего, формами склонения глаголов и словами, выражающими значение утверждения, возможности, пожелания, приказаня» (БСЭ, 1998: 415). Здесь необходимо добавить, что языковые средства, используемые в выражении модальности, гораздо шире, чем обозначены в вышеприведенной цитате: это краткие прилагательные, наречия, частицы, союзы, вводные слова и т.д. Этот обширный арсенал лексических средств позволяет каждому говорящему наиболее полно

выразить свое отношение к явлениям действительности. Конечно, он пользуется при этом и возможностями фонетики, то есть интонирует свое высказывание, придавая ему более глубокий, проникновенный смысл.

Предельно лаконично, обширно по значению определение, данное О.С. Бочковой в работе «Модальный аспект художественного текста: на материале произведений В.Ходасевича». Автор указывает: «Модальность в тексте реализуется на лексическом, грамматическом, фонетическом, графическом, пунктуационном и других уровнях языка» (Бочкова, 2008: 4). Конечно, в названной работе речь идет о письменном литературном тексте, но необходимо заметить, что и в устной (разговорной) речи многоуровневое использование средств модальности аналогичное (кроме, естественно, графического уровня).

Резюмируя выводы ученых, можно сделать вывод, что категория модальности представляет собой сложную многоуровневую категорию, не изученную в полном объеме на сегодняшний день. Определение ее является одним из самых сложных и противоречивых вопросов языкознания. До настоящего времени не обозначены четкие границы определения этой категории. Не приведены к общему знаменателю также вопросы употребления объемов лингвистики и семантики, а также всеобъемлющих средств выражения категории модальности в языке.

Учитывая эти факторы, сложной, но интересной представляется научная проблема сопоставительного анализа категории модальности в английском, русском и таджикском языках.

1.3. Пути и способы выражения модальных значений в языке

Как уже отмечалось, отечественные и зарубежные лингвисты определили следующие виды модальности в языке: объективная (онтологическая), субъективная и внутрисемантическая. Для того чтобы определить пути и способы выражения модальных значений, нами

избран в данной работе метод сопоставительного анализа использования категории модальности в английском, русском и таджикском языках.

Основными лексическими показателями объективной модальности являются наклонения глагола. Также могут использоваться различные модальные глаголы. В английском языке к ним можно отнести слова: *may, must, shall, should, will, ought, need*. В русском языке используются слова и словосочетания, выражающие действительность, возможность или необходимость, в частности: *это так и есть, может быть, нужно*. Аналогичные понятия применяются и в таджикском языке: *ҳақиқатан, мумкин, даркор, лозим, бояд*.

Наклонение глагола, взаимосвязанное с предикативной сущностью высказывания, является основным лексическим средством выражения объективной (онтологической) модальности. Поэтому модальные глаголы и словосочетания, являясь самостоятельными словами предложения, выступают как полноправные части содержания высказывания.

Проведем сопоставительный анализ трех основных форм категории наклонения, представленных в английском и русском языках: изъявительное (Indicative), сослагательное (Conjunctive), повелительное (Imperative).

В таджикском языке представлен другой ряд категории наклонения, отличный от русского и английского языков: *сиғаи хабарӣ* (изъявительное), *сиғаи шартӣ – хоҳишмандӣ* (сослагательное), *сиғаи амрӣ* (повелительное), *сиға эҳтимоли* (предположительное).

Сопоставительный анализ показывает, что изъявительное наклонение (Indicative, *сиғаи хабарӣ*) выражается как категория, которая определяет аналогию между реально существующими фактами действительности и содержанию фразы. В работе «Синтаксис немецкого языка» В.Г. Адмони пишет: «Изъявительное наклонение, по сложившейся традиции, определяется как категория, выражающая соответствие между содержанием высказывания и действительностью».

Эта форма обозначает сказуемое отношение, выраженное в глаголе, как реальное с точки зрения говорящего.

Такое значение имеют все формы времен и залогов изъявительного наклонения по всей его парадигме» (Адмони, 1973: 143).

Поскольку изъявительное наклонение (Indicative, сигаи хабарӣ) относится к реальным явлениям действительности, его также иногда обозначают как нейтральное (амодальное) наклонение.

Индикатив (форма глагольного наклонения, служащая выражением представления о реальности) в английском языке, как правило, противопоставляется конъюнктиву и императиву (глагольная форма, служащая выражению представления о нереальности). На это обращает пристальное внимание В.Г. Адмони в труде «Дополнительные отношения модиуса и диктума»: «Конъюнктив претерита в плане оценки реальности сказуемого отношения в предложении выражает различные степени нереальности этого отношения. Введение ирреальности в элементарное предложение всегда связано с наличием каких-либо семантических компонентов (либо в контексте, либо в самом этом предложении), которые, так или иначе, мотивируют введение соответствующей ирреальной характеристики сказуемого отношения в предложении» (Адмони, 1986: 37).

Надо отметить, что основные случаи употребления конъюктива для выражения ирреальности действия обусловлены наличием тех или иных связей, которые указывают, что предполагалось сообщить о реальном явлении, но это желание не было реализовано в связи с появлением дополнительных причин. Поэтому возникло высказывание, не соответствующее реальному явлению, то есть содержащее ирреальность. При всем прочем это явление возникает тогда, когда существует или отсутствует возможность выверенного составления конкретной фразы, как в лексическом, так и в семантическом плане.

Как уже было отмечено, базовую основу реальности или ирреальности составляет категория глагольного наклонения. Но взаимодействуя с категорией времени, она создает дополнительные

модальные возможности предложения. Такие сочетания категорий способны выражать субъективно-объективные отношения в языке. Так, употребление слова глагольного наклонения в настоящем времени является определяющей константой в отношении сказуемого, могущего носить такие оттенки содержания, как неполное утверждение или одна из форм сомнения.

Впрочем, вопрос о применении повелительного наклонения в соответствии с целью высказывания до настоящего времени не нашел единодушной оценки лингвистов и остается в языкознании спорным. Так, императив является, по существу, побудительным стимулом к действию и отражает совет или просьбу, с которым в диалоге обращается один носитель языка к другому. Императив несет в себе не конкретное действие, а лишь призыв к нему, сообщает о пожелании. Именно на таком функционировании глагольной формы настаивал Д.А.Штелинг. Это явление лежит в плоскости, скорее, субъективной, а не объективной модальности.

В таджикском языке форма конъюнктива является формой выражения объективной модальности. С функционированием других позиций связана реализация различных оттенков семантики субъективной модальности.

Глаголы сослагательного наклонения (сиғаи шартӣ – хошишмандӣ) обозначают действие, реализация которого связана с определенным условием, при наличии такого определенного условия. Одним из основных форм и признаков данного наклонения в таджикском языке является аорист.

Глаголы повелительного наклонения (сиғаи амрӣ) выражают просьбу, приказание и волеизъявления субъекта действия.

Глаголы предположительного наклонения (сиғаи эҳтимолӣ) выражают действие, которое указывает на предположение, допустимость, сомнение говорящего в осуществлении какого-либо действия или состояния. В отличие от английского и русского языков, глаголы данного наклонения имеют все возможные временные формы.

Все эти явления подробно отражены в учебнике «Грамматика таджикского языка» (Грамматикаи забони тоҷикӣ, 1982: 205-209).

В научной литературе по лингвистике не определен единый подход к причастности определенной языковой категории в целом к одной из форм модальности – объективной или субъективной. Хотя, повторимся, что категория наклонения является базовой парадигмой объективной модальности, но границы между видами модальности в русском языке зачастую размыты и неопределены.

В.З. Панфилов в своей работе «Роль модальности в конструкции предложения и суждения» пытался свести это противоречие к общему знаменателю. В частности, он писал: «В пределах объективной модальности различается алетическая и деонтическая модальности. Алетическая модальность выражает в предложении возможность и необходимость с точки зрения реальных условий и состояний. В случае деонтической модальности в предложении выражается возможность или необходимость с точки зрения общественных норм, этических принципов. И тот, и другой вид объективной модальности выражается в языке как лексическими, так и грамматическими средствами. При этом, хотя один и тот же способ может использоваться для выражения и того, и другого вида, наблюдается тенденция к их специализации» (Панфилов, 1977: 40). Однако эта попытка ограничилась призывом приобщить наметившуюся тенденцию к нормам языка, но не решила проблему четкого разграничения даже в рамках объективной модальности. Поэтому автор добавляет следующее определение: «Грамматические средства (система наклонений) используются в основном для выражения алетической разновидности объективной модальности. Деонтическая модальность формами наклонения выражается сравнительно редко» (там же, стр. 41).

Более устойчивой прослеживается тенденция определения модальности в английском языке. Возможно, это объясняется тем, что в этом языке наблюдается стройная иерархия модальных глаголов. Например,

глагол *shall* (быть должным, обязанным) содержит в себе определенную меру ответственности индивидуума перед собой и обществом. А глагол *dare* (иметь разрешение) содержит значение необходимости выполнить свой долг перед социумом. В то же самое время глаголы *can*, *may* (иметь возможность) и *must* (быть должным) уже выражают как возможность, ответственность, так и необходимость выполнения определенных обязательств. Одновременно с вышеназванными значениями, глагол *can* в некоторых случаях может быть использован в функции глагола *dare*, а глагол *may* – глагола *shall*. Это происходит в ситуациях, когда возможность и необходимость не являются осознанными, а могут выражать диктат руководства, социума, определенного человека.

Способом передачи модальности предположения в русском языке являются модальные глаголы, а в английском языке – сочетание модального глагола и инфинитива, которое встречается и в русском языке (глагольное сказуемое). В учебнике «Основы русской грамматики» (авторы И.П. Распопов и А.М. Ломов) указано: «В русском языке данное сочетание образует тесное единство и трактуется как один член предложения - составное (или сложное) глагольное сказуемое, в котором инфинитив находится в субординативной связи с глаголом, определяемый как сильное примыкание» (Распопов, Ломов, 1970: 351). А в учебнике «Грамматика английского языка» (Л.С. Бархударов, Д.А. Штелинг) приводится следующая трактовка: «В английском языке сочетание модальный глагол плюс инфинитив трактуется двояко: а) как составное (или сложное) глагольное сказуемое; б) как сочетание глагола с дополнением» (Бархударов, Штелинг, 1963: 310).

Следовательно, если в русском языке категория предположительности проявляется модальным глаголом или глагольным сказуемым, то в английском для полного выражения данной категории необходимо наличие инфинитива. Это положение конкретизирует в своем труде «Грамматика текста» О.И. Москальская: «Если предположить, что грамматизация представляет собою процесс с

наличием последовательных ступеней и переходных форм, то на данном этапе сочетание модального глагола и инфинитива возможно определить как устойчивые словосочетания с грамматической направленностью» (Москальская, 1981: 186).

Как известно, вопросом взаимодействия лексем в составе предложения углубленно и последовательно занимался известный лингвист В.В. Виноградов. В частности, этим автором введен в языкознание термин «типизированное словосочетание», которое в труде «Исследования по русской грамматике» он рассматривает «на стыке лексики и грамматики, так как они выражают грамматические значения лексическими средствами» (Виноградов, 1975: 558).

Рассмотрим несколько примеров модального предположения:

- Я могу сам решить эту проблему;
- Я хочу научиться водить машину;
- Я умею вышивать гладью;
- Думаю, что быть в состоянии постоянного поиска – это увлекательно;
- Иметь право доступа к документам в архиве – это возможность изучить предмет более глубоко;
- Иметь возможность двигаться – огромное благо.

Проанализировав эти примеры, приходишь к выводу, что категорию предположения представляют как модальные глаголы, так и глагольно-именные элементы языка.

В работе «К вопросу о делении суждений по модальности» А.В. Исаев дает следующее определение: «Группу слов, выступающих в функции модификаторов модальных отношений между субъектом и признаком, составляют слова типа *надо, нельзя, должен, можно, намерен*, называемые предикативными наречиями или предикативами. По своим лексико-семантическим особенностям предикативы распадаются на несколько разрядов, одним из которых является разряд модальных предикативов» (Исаев, 1961: 85). Проследим, как используются эти лексемы в живом языке:

- Надо выполнить это задание;
- Нельзя есть невымытые фрукты;
- Студент должен быть внимательным;
- Можно рассмотреть этот вопрос с другой точки зрения;
- Я намерен написать реферат к следующему семинару.

Мы привели ряд предложений, в которых использованы модальные предикативы. Из приведенных примеров можно сделать вывод, что модальные предикативы, в основном, сочетаются с инфинитивом и обладают обобщенным характером лексического значения, который выражает различные оттенки отношений между модальным предикативом и инфинитивом. С другой стороны, модальный предикатив является, по сути, значением, которое определяет уровень отношений между субъектом высказывания и признаком конкретного предмета или явления.

В речи прослеживается прямая зависимость модального предикатива от существительного в именительном или дательном падеже. Приведем несколько примеров:

- Я должен заботиться о своих немолодых родителях;
- Я готов к предстоящему экзамену;
- Это можно отложить на завтра;
- Надо подумать, как лучше воспользоваться этой возможностью.

Из анализа данных примеров мы убеждаемся, что в аспекте вышеназванной зависимости можно охарактеризовать модальные предикативы как личные или безличные, которые относятся или к области утверждения, или предположения.

Проводя сопоставительный анализ определения модальности предположения в русском и английском языках, выявляется, что тяготеющим к глаголу модальным предикативам в русском языке аналогичны модальные глаголы *can, may* в английском. Из этого можно сделать вывод, что модальные предикативы по способам употребления в языке абвивалентны модальным глаголам, и они выражают различные степени модальности возможности, предположительности или

необходимости в высказывании. В то же самое время, модальные глаголы имеют специфические морфологические, синтаксические и семантические признаки, позволяющие относить их к отдельным группам по своим языковым значениям. Они выявляют связи, по которым явление, действие или состояние имеет отношение к реальной действительности, и выражают такие модальные категории, как предположение, возможность, желательность, необходимость и т.д., то есть, по сути, представляют собой вспомогательные глаголы.

Логично, последовательно и конкретно данные особенности рассмотрены в работе «Теоретическая грамматика английского языка» О.Г. Почепцова: «Специфика модальных глаголов (МГ) состоит в том, что они отличаются резко выраженной потребностью в обязательном, при этом четко определенном по своей морфологической структуре окружении. Обязательным окружением для МГ служит инфинитив, являющийся неотъемлемой характеристикой данных элементов в синтагматической цепи. Именно в синтаксическом поведении проявляется семантическое своеобразие МГ, которые, будучи глаголами неполной предикации, «притягивают» инфинитив для получения законченного смысла» (Почепцов, 1971: 267).

Следуя этим выводам, можно констатировать, что в английском языке такие модальные глаголы, как *can*, *may*, *must*, *dare* используются для выражения какого-либо состояния, продиктованного объективными причинами. Например, во фразе «The young man might go in for sport», подлежащее (*the young man*) выражает состояние некоего действия, а не конкретные действия того, кто произнес эту фразу. В работе «Очерк функционального синтаксиса русского языка» ее автор Г.А. Золотова акцентирует внимание именно на такую позицию модального глагола: «Такие значения не представляют собой разновидности основного модального значения предложения, но образуют особый аспект модальных «внутрисинтаксических» отношений в высказывании» (Золотова, 1973: 84).

Сравнительный анализ показывает, что в русском и английском

языках существует широкий круг языковых средств, выражающих категорию модальности. К ним можно причислить также глагольные сочетания, выраженные словами: *иметь намерение, быть не вправе, to have not to* и т.д.

Модальность же предположения, которую мы рассматриваем в данной работе, может выражаться служебными словами: *предположим, возможно, вероятно, наверное, полагаю, допустим* (в основном, в письменной практике). В устной речи эта категория проявляется просторечными выражениями, словосочетаниями и междометиями: *небось, видать, кажется; есть такое соображение, может быть; так что, вряд ли* и т.д.

Рассмотрим примеры использования этих слов:

- Предположим, это может произойти;
- Возможно, так и случится;
- Вероятно, ты ошибся в расчетах;
- Наверное, так и будет произведено это действие;
- Полагаю, это не требует объяснений;
- Допустим, что ты излагаешь точные факты;
- Небось, ты и сам не уверен, что это действительно существует;
- Видать, погода-то изменится;
- Кажется, я уже читал эту статью;
- Есть такое соображение, но не знаю, верно ли оно;
- Может быть, так будет лучше;
- Еще ничего не известно, так что подождем;
- Вряд ли из этого будет толк.

Вышеприведенные фразы имеют модальные глаголы, предикативы, в них также используются модальные глаголы с инфинитивом. Они, по существу, одинаковы по лексическому значению и обладают похожими синтаксическими функциями и составляют, по определению П. Адамца, «лексико-грамматический класс модальных модификаторов». В своей работе «Порядок слов в современном русском языке» этот ученый ввел в лингвистику упомянутый термин и уточнил

его понятие: «Модальные модификаторы исполняют роль усложнителей структуры сказуемого и берут на себя функции выражения связи с подлежащим. Модальные модификаторы не являются обязательным признаком предложения, в котором регулярно выражается только внешнесинтаксическое модальное отношение высказывания к действительности в плане реальности/нереальности,... и выражают одновременно объективную модальность (формой наклонения) и предметную модальность (лексическим значением)» (Адамец, 1968: 96).

Например, во фразе «Александр может сам написать реферат» содержится сочетание возможности и реальности. Предложение «Александр мог бы сам написать реферат» трактуется совсем иначе: в нем содержится возможность и нереальность. Речь идет о том, что индивидум может справиться с поставленной задачей, или о сомнении в его способности к этому. Итак, мы можем сделать вывод, что модальные модификаторы по сфере их применения разнообразны, они подчеркивают смысловые оттенки лексических единиц и весьма широко распространены в английском и русском языках. Модальные модификаторы подчеркивают тончайшие нюансы реальности, ирреальности, возможности, достоверности, уверенности, сомнения и т.д. Участник диалога может выразить разнообразными средствами языка уровень познаний, отношение к предметам, явлениям действительности. В той же мере он может выразить недоверие, скептическое отношение к теме беседы, неуверенность в высказанном утверждении.

В процессе изучения, ознакомления с каким-либо предметом или явлением действительности, индивидум проявляет такие способности мышления, которые свидетельствуют о степени достоверности, соответствия высказывания реальной действительности. В таких случаях применительна категория субъективной модальности. Причем, высказанное мнение может находиться далеко от истины и выражать только личностное отношение. Формально-грамматическое выражение такие ситуации в русском языке проявляется в интонировании речи и

использовании модальных служебных слов, таких, как *вероятно*, *несомненно*, *конечно* и т.д., которые, как правило, подчеркивают категоричность или проблематичность высказывания. Приведем примеры использования вышеназванных модальных служебных слов:

- Вероятно, мы еще встретимся (возможность);
- Несомненно, этот вывод верный (реальное утверждение);
- Конечно, завтра будет дождь (ирреальное утверждение).

Необходимо отметить, что степень достоверности в русском языке имеет большой диапазон применяемых значений, выраженной в тональности, интонации высказывания, – от полной уверенности, предположения до легкого сомнения. Например: *абсолютно точно*, *весьма возможно*, *вполне вероятно*. Рассмотрим фразы с этими примерами:

- Ты сделал абсолютно точный вывод (уверенность);
- Весьма возможно, что ты прав (предположение);
- Вполне вероятно, что это решение верное (сомнение).

В английском языке действие рассмотренных нами выше служебных модальных слов в предложении аналогично русскому. Они так же передают состояние уверенности, неуверенности, предположительности и трактуют мнение респондента о желательности или нежелательности тот или иного действия. Для достижения тех же лексико-семантических смыслов используются формы будущего времени Future I (Future Indefinite) и Future II (Future in the Past).

Исследование категории предположения затрудняет то, что границы между значениями объективной и субъективной модальности размыты, а для их выражения могут быть применены похожие или одинаковые лексико-семантические средства. По существу, их определяет степень познания индивидуумом одного и того же предмета или явления действительности и способ выражения объективной модальности возможности или субъективной модальности проблематичности посредством применения глагольных форм. Например, высказывание «Михаил может снять изображение на

видеокамеру» можно трактовать двояко: как суждение возможности или проблематичности, то есть, что Михаил действительно может выполнить работу видеооператора, или он, вполне возможно, сделает эту работу.

Абсолютно идентичны и способы применения модальных глаголов *dare, can, shall, may* в английском языке. Они служат для выражения объективной модальности, выполняя при этом грамматическую функцию, но, в то же время, в отдельных случаях применяются и для семантического выражения субъективной модальности проблематичности. Именно на этот фактор обращает внимание в работе «Роль модальности в конструкции предложения и суждения» В.В. Панфилов: «Значение простой достоверности на уровне логико-грамматического членения выражается формой изъявительного наклонения глагола, которая, следовательно, в случае совпадения синтаксического и логико-грамматического членения предложения, наряду с этим, выражает также одно из значений объективной модальности, а именно, указывает на действительную связь» (Панфилов, 1977: 42).

Итак, рассмотрев пути и способы выражения модальных значений в языке, мы пришли к выводу, что они разнообразны, разноплановы по сфере своего применения, и могут заключать в себе тончайшие нюансы семантики и грамматики.

1.4. Лингвистический аспект определения ФСП предположения

В настоящем исследовании мы обратились к комплексному подходу изучения функционально-семантического поля, акцентируя внимание на категорию модальности предположения. В первую очередь, помимо определения места предположения в модальных полях и микрополях, мы проводим анализ лингвистического аспекта этого понятия. Как уже отмечалось, предположение – продукт осмысления индивидумом явлений действительности, представленный в речи его

личностной интерпретацией. Мы анализируем, какими лингвистическими следствиями представлено предположение в литературной, письменной и устной речи, проводим сравнительный анализ его применения в английском, русском и таджикском языках.

В работе «Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии» А.В. Бондарко выделяет основные принципы, характерные для ФСП: «Наличие семантического инварианта, который реализуется в системе вариантов; совокупность однородных и разнородных единиц для выражения какого-то конкретного значения; реализация частных семантических дифференциальных признаков на отдельных уровнях языка и образование системы оппозиций межуровневых единиц; принцип полевого строения, характеризующийся наличием ядра – инварианта с набором специальных языковых средств его выражения – и периферии» (Бондарко, 1983: 125). Исходя из этих принципов, а также рассмотрев теорию поля и полевой подход к описанию категории модальности предположения, следующим шагом исследования будет изучение лингвистического аспекта этого межуровневого явления в языке.

На конкретных примерах было показано, что значение модальности предположения формируется в зависимости от уровня знаний субъекта о реальном предмете или явлении действительности, в результате которого высказывается его субъективная оценка об этом предмете или явлении. При этом степень неуверенности, сомнения в суждении выражается лексическими средствами. Широкий и разнообразный арсенал тональности языковых значений предположения объясняется тем, что в формировании фразы участвует чувственный, эмоциональный аспект восприятия каждым субъектом речи предметов или явлений действительности. Это отражается как на семантическом, так и на грамматическом уровне высказывания. Следовательно, необходимо применять функциональный подход использования тех грамматических единиц и категорий, которые находятся в тесной взаимосвязи с разноуровневыми единицами лексики

и участвуют в семантическом формировании категории предположения.

В этом плане неопределимы выводы лингвистов Е.В. Гулыги и Е.И. Шендельса, приведенными ими в работе «О компонентном анализе значимых единиц языка»: «ФСП предположения – это система средств разных уровней (лексических, морфологических, синтаксических, просодических, словообразовательных), служащих для выражения модальности предположения. Модальное макрополе может быть разделено на два поля: поле действительности и поле недействительности в широком смысле этого слова» (Шендельс, Гулыга, 1969: 184).

Поле действительности в языке занимает довольно значительное пространство. Его функционирование широко представлено в учебной, методической, научно-технической литературе и т.д., где происходит констатация реальных явлений действительности. Поле недействительности более всего представлено в художественной литературе, народном фольклоре, устной речи, и оно обладает более сложной структурой. Это поле представлено такими факторами языка, как ирреальность, побуждение, предположение. В свою очередь, поле недействительности подразделяется на микрополя, в которые входят значения возможности, сомнения, побуждения и другие многочисленные модальные значения. Это объясняется тем, что в этих микрополях отражена предполагаемая действительность, которая зачастую очень далека от реальности. Субъект фразы в таких ситуациях выражает свое отношение к предмету или явлению на основании собственных представлений о них, то есть используя индивидуальный уровень знаний о данной теме, и при помощи того лексического запаса слов, которым он владеет. Распространенной, особенно в разговорной речи, является и та ситуация, когда субъект рассуждает о предмете или явлении с чужих слов, апеллируя к суждению некоего субъекта, на мнение которого он ссылается, или повторяя его от своего лица. В просторечии эта ситуация обозначается как *слухи, молва, байка*, отражающиеся в устной речи, пословицах и поговорках. Например:

- Я слышал, что в Костроме выпал град размером с куриное яйцо;
- О генно-модифицированных продуктах идет недобрая слава;
- Говорят, в Москве кур доят;
- Слышал звон, да не знает, где он.

Приведенные примеры не имеют никакого отношения к реальной действительности, все предложения построены с использованием категории модальности предположения.

Предположение в речи возникает, когда субъект высказывает свое мнение о признаках явления или предмета, с которым он знаком приблизительно или недостаточно хорошо. Следовательно, в таких лексических ситуациях выражается не реальная действительность, а вымышленная, существующая лишь в сознании автора фразы. В таких случаях можно констатировать о профанации («передергивании») фактов или заблуждении. Приведем несколько примеров:

- Полагаю, что космос состоит из звезд и черных дыр;
- Наверное, в состав нефти входит бензин;
- Кажется, асфальт делают из песка и ваксы.

Во всех этих фразах содержится не знание предмета, а неверное предположение о нем. Понятие о явлении или предмете возникает при ассоциативном мышлении – субъект знает о связи Вселенной и планет, бензина и нефти, видел, что асфальт черного цвета. Но знания его ограничены, поэтому возникает неправильное или парадоксальное высказывание о предмете или явлении. Понятийная связь между лексемами обусловлена не реальными фактами, а предполагаемыми, желательными, вероятными, с точки зрения субъекта, понятиями. По существу, индивидум в таких случаях представляет свою модальную оценку ситуации.

В устной и письменной речи часто возникают позиция, когда субъект речи высказывает предположение, связанное с сомнением в происходящем и неделанием брать на себя ответственность за объективную оценку реальной действительности. В таких случаях используются следующие слова из лексического набора: *наверное*,

возможно, полагаю и т.д. Эти языковые ситуации свидетельствуют о тонкой грани между полями действительности и недействительности. Но, как мы уже отмечали, не существует однозначных критериев, которые четко определяют семантические особенности разграничения понятий модальности предположения и модальности достоверности. Поэтому даже уверенное предположение состоит из утверждения, но, в то же время, обладает некоторым сомнением. По своим параметрам уверенное предположение наиболее приближено к полю действительности. В микрополе уверенного предположения могут одновременно содержаться факторы объективности и субъективности, которые содержат разную степень уверенности.

В модальных конструкциях категории предположения участвуют лексические единицы, содержащие тончайшие нюансы тональности сообщения, оттенки чувств и эмоций. Семантические оттенки неуверенности сочетаются в них с семантическими оттенками уверенности. Рассмотрим следующие примеры:

- Я бы обязательно пришел, но помешали непредвиденные обстоятельства;

- Это легко сделать, но у меня недостаточно опыта;

- Освоить йогу просто, но у меня нет времени на тренировки.

Когда у субъекта недостаточно оснований для уверенного предположения, он оформляет высказывание с использованием большого спектра лексических и грамматических средств. Так, в первом примере человек выражает уверенность, но тут же в оппозицию к ней вступает неуверенность. Здесь еще необходимо отметить, что в семантическом строе категории предположения довольно часто применяются идиомы (здесь - «непредвиденные обстоятельства»). Устойчивые словосочетания употребляются также в русских пословицах и поговорках, например: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Таким образом, мы можем констатировать, что лексическое богатство языка широко и разнообразно используются в значениях категории модальности предположения.

Инвариантные значения функционально-семантического поля предположительности особенно ярко проявляются в случаях, когда у субъекта речи отсутствует необходимая информация, которая помогла бы ему правильно оценить предмет или явление действительности. Таким образом, формируется недостоверное предположение, содержащее оттенки сомнения или вероятности. Чаще всего в подобных ситуациях используются служебные слова: *кажется, возможно*, например:

- Кажется, что это было совсем недавно;
- Возможно, шторм станет причиной наводнения.

В первом примере продемонстрировано субъективное чувственное восприятие; во втором нет четкого разграничения действительности и недействительности.

Проанализировав лингвистический аспект функционально-семантического поля предположения, при использовании конкретных примеров мы выделили микрополя уверенного и неуверенного предположения, а также сомнения. Также мы определили, что разграничения между ними зачастую условны, и определить их пределы достаточно проблематично. На это обстоятельство указывали известные лингвисты Г.В. Адмони («Дополнительные отношения модуса и диктума»), М.В. Ляпон («К вопросу о языковой специфике модальности»), Е.М. Вольф и Н.А. Ладомирский («Пересечение модальностей: способность и возможность») и другие. Продолжительное время между языковедами велась активная дискуссия по этим проблемам, но консенсус не был найден. Именно поэтому продолжение исследований в данном направлении представляет научный интерес, и вопросы ФСП модальности предположения по-прежнему актуальны.

Мы определили, какие лексические и грамматические средства используются для выражения уверенного предположения в русском языке. В английском языке к ним относятся:

- Future I/II (+ модальное слово);

- Модальные глаголы: *may, to (dare) dare* (+ Infinitive I/II);
- Конструкции: *sure + to + Infinitive; suppose, guess + to + Infinitive*.

Лексические и грамматические средства, составляющие микрополе неуверенного предположения в русском языке, указывают, что субъект речи считает возможным реальность сообщения, но не уверен в этом. В английском языке это микрополе составляют соответствующие грамматические и лексические средства выражения:

- Future I/II + модальное слово;
- Модальные глаголы: *can, must* + Infinitive;
- Модальные слова: *moreover, eventually, perhaps, maybe* и др.

В настоящей работе мы не рассматриваем подробно лексические и грамматические средства микрополя сомнения, так как они, в основном, идентичны аналогичным средствам микрополя неуверенного предположения, которое и является предметом нашего исследования. Отметим только, что значение микрополя сомнения выражается специфическим интонированием речи. Это можно проследить на следующем примере:

- Вчера прочитал, что арбуз – это ягода. Навряд ли это правда.

Необходимо также обратить внимание на то, что границы микрополей неуверенного предположения и сомнения трудноопределимы, так как эти поля представлены в языке практически одинаковыми лексическими и грамматическими средствами.

В сборнике «Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность» отмечается: «Для передачи различных оттенков предположения в русском языке используются такие лексико-грамматические средства, как модальные частицы, вводно-модальные слова, модальные фразы. Эти средства существуют в языке для выражения различных модальных значений соответствующей семантики. Данный набор языковых средств относится к разряду лексических» (Теория функциональной грамматики, 1990: 262). Лексический аспект категории предположения заключается и в том, что понятийное значение выражается синтаксическим (периферийным)

уровнем. Ядро таких предложений составляют различные оттенки предположения. Так, предположение с высокой степенью уверенности в русском языке выражается грамматическими средствами (форма будущего времени, сочетание слова в значении *должен* с глаголом), например:

- Мне не понятно значение этой формулы, в дальнейшем я должен с этим разобраться.

Лексические средства выражения этой категории выражаются модальными словами: *очевидно, по-видимому, по всей видимости, скорее всего, похоже*, и т.д.:

- Очевидно, я правильно решил поставленную задачу;
- По-видимому, предстоит решить этот вопрос;
- По всей видимости, я поспешил с выводами;
- Скорее всего, завтра начнется похолодание;
- Похоже, наступили последние летние деньки.

Мы наблюдаем в этих предложениях различные интонационные и лексические оттенки уверенного предположения. Кроме вышеприведенных лексем, предположение с высокой степенью уверенности выражают модальные фразы: *как предполагается, как ожидается, я рассчитываю* и другие, например:

- Как предполагается, введение ЕГЭ положительно отразится на качестве обучения;
- Как ожидается, циклон принесет снегопады;
- Я рассчитываю на твое понимание.

Для лаконичности в микрополе предположения с высокой степенью уверенности вводятся модальные слова: *наверное, вероятно*. Они проявляются, как правило, в коротких фразах, например:

- Наверное, это так и есть;
- Вероятно, так и будет.

В формировании микрополей предположения и сомнения участвуют модальные частицы: *едва ли не, чуть ли не*, например:

- Алексею едва ли не удалось совершить восхождение на вершину;

- Андрей чуть ли не опоздал на поезд.

Модальные частицы в данном случае указывают на незначительную долю расхождения неуверенности и реальности, которую можно выразить также модальным словом *почти*.

Микрополе сомнения может быть выражено модальными словами: *сомнительно, маловероятно*, например:

- Употребление термина в этом предложении сомнительно;
- Маловероятно, что твой прогноз сбудется.

Лексический аспект в таких фразах прямо указывает на то, что высказанное предположение сомнительно с точки зрения явлений реальной действительности, оно субъективно и выражает индивидуальное восприятие или личную точку зрения на обсуждаемый факт. Такому способу выражения мысли служат и модальные фразы: *мне кажется, я думаю, я сомневаюсь*. Приведем примеры их употребления в русском языке:

- Мне кажется, ты выбрал неподходящее время для встречи;
- Я думаю, нам не следовало отправляться в это путешествие;
- Ты предлагаешь свою помощь, но я сомневаюсь, что она мне понадобится.

В вышеперечисленных сложных предложениях прямо указывается на причину сомнения.

Итак, мы установили, что лексические и грамматические средства модальности предположения можно охарактеризовать как: ядерные, периферийные, лексико-грамматические, интонационные. Являясь инвариантным значением функционально-семантического поля предположения, значение предположения относится к нереальным модальным значениям. В выражении, обладающим этим значением, указывается на предполагаемую, а не реальную действительность, а его основу составляет семантическое отношение неуверенности. Как правило, лексические и грамматические средства выражения категории модальности предположения дополняет интонационная (фонетическая) окраска высказывания.

Подводя итоги исследования категории модальности предположения в этой главе, отметим, что в ней мы рассмотрели следующие вопросы:

- Теория поля и полевой подход к описанию категории модальности предположения;
- основополагающие принципы определения категории модальности;
- Пути и способы выражения модальных значений в языке;
- Лингвистический аспект определения ФСП предположения.

Анализируя вопросы «узкого» и «широкого» понимания семантики категории модальности, мы пришли к сопутствующему теме исследования интересному наблюдению. На наш взгляд, любое расширение пространства языка ведет к его обогащению. За время работы над диссертацией мы ознакомились с множеством материалов в Интернете, рассматривали также и другие средства современных коммуникаций, в частности, социальные сети и услугу мобильных СМС-сообщений. Обращая внимание на лингвистические особенности этих, как правило, лаконичных фраз, мы увидели в них многие признаки категорий модальности предположения: уверенность, неуверенность, сомнение. И если до настоящего времени лингвисты изучали письменную и устную речь, то сейчас, видимо, настало время исследовать новую тенденцию: создание жанра устно-письменной речи. Поясним этот вывод. Переписка в социальных сетях и посредством СМС-сообщений, по существу, является промежуточной формой коммуникации – по форме это речь письменная, но по типу общения она приближена к устной речи. По сравнению с нормативным письмом это некое более свободное средство коммуникации, в котором часто используются модальные слова: *неверное, типа, возможно, может быть* и т.д.

Конечно, это частное наблюдение нуждается в более глубоком изучении и является темой специальной работы.

ГЛАВА II

ОСНОВНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

2.1. ФСП предположения в английском языке

Вопросы изучения функционально-семантического поля предположения в английском языке отражены в учебнике (авторы И.Иванова, В.В. Бурлакова, Г.Г. Почепцов) «Теоретическая грамматика современного английского языка» (1981), в трудах «ФСП модальности в английском и русском языках» (Е.И. Беляева, 1985), «Виды модальности и их реализация в высказываниях с модальным глаголом» (на материалах современного английского языка)» (М.А. Баятина, 1992), в Словаре лингвистических терминов (О.С. Ахманова, 1969) и многих других. Категория модальности в целом сложна и дискуссионна на протяжении десятилетий ее исследования, вплоть до нашего времени. Микрополе модальности предположения, сопоставительный анализ которого в английском, русском и таджикском языках является центральным вопросом рассмотрения в настоящей работе, тоже является недостаточно изученной областью языкознания, и мы надеемся внести свою лепту в систематизацию этой области лингвистики.

Лексические, грамматические и фонетические средства английского языка, создающие функционально-семантическое поле предположения, широко используются в письменной и устной речи. Использование этих средств в сематических конструкциях разной конфигурации создает ситуацию предположения. В отличие от других языков, в английском отсутствует доминанта – в нем нет специального наклонения, которое выражает предположение. В создании модального поля участвуют индикатив, конъюнктив и императив. Амплитуда

значений достаточно широкая – от уверенного, неуверенного предположения до сомнения.

Уверенное предположение выражает значение, приближенное к реальной действительности. Неуверенное предположение уже далеко от реальности, но и не ирреально. Сомнение приближается к нереальной действительности, при которой уверения в правдивости выражения практически невозможны.

Наличие во фразе действительности настоящего, прошедшего или будущего времени обусловлено употреблением Infinitive I/II, и само предположение может быть выражено и в настоящем, и в будущем времени. Различие во времени формируется при применении модальных глаголов.

В работе В.Н. Тарасенко «Структурно-семантические свойства высказываний со значениями сомнения, неуверенности, колебания в современном английском языке» рассматриваются средства выражения эпистемической модальности в английском языке. Лингвист выявляет «различные семантические оттенки глаголов *doubt, suspect, hesitate, waver, pause* – сомневаться, полагать, колебаться, медлить и глагольно-именных словосочетаний *to be not sure / to be unsure, to be not certain / to be uncertain* - не быть уверенным/ быть неуверенным» (Тарасенко, 1974: 94). Анализируя ареал применения модальных глаголов и глагольно-именных словосочетаний, автор пишет: «Субъективной модальности, которая выражает оценку возможных событий и явлений, противопоставлена алетическая модальность, указывающая на значение фактов, законов природы, общества и так далее. Но проблема усложняется тем, что внутри самой эпистемической модальности проводится разграничение между субъективной эпистемической модальностью и объективной эпистемической модальностью, а также между субъективными и объективными средствами ее выражения» (там же, 1974: 48).

Границу между модальными значениями объективной реальности и субъективной нереальности во многих случаях провести довольно сложно, так как названные категории образуют не только лексемы, но и

интонационные (фонетические) особенности, также в них отражаются способ мышления и эмоциональный настрой носителя языка.

Ряд перформативных глаголов в английском языке, эквивалентных русским значениям *думать, полагать* – *think, believe, suppose, guess, reckon, fancy, expect, assume, presume* – не закреплены на определенном месте в структуре предложения. Э.Е. Курлянд в работе «Функциональная модальность глаголов мыслительной деятельности английского языка» отмечает, что вышеперечисленные глаголы мыслительной деятельности «представлены в препозиции, интерпозиции и постпозиции. Под влиянием модальных значений глаголов долженствования (*ought, must*) глаголы мыслительной деятельности могут ослаблять или даже полностью утрачивать компонент семантики предположения. И, в то же время, модальные глаголы со значением предположения (*can, may*) могут усиливать характер предположительности эпистемических глаголов» (Курлянд, 1985: 184).

Следовательно, перформативные модальные глаголы могут изменить смысл высказывания в диапазоне от объективной реальности до субъективной ирреальности в зависимости от способа их использования в компоненте с другими единицами языка.

В работе «Модальные глаголы в английском языке» А.М. Ионова отмечает: «Эпистемические глаголы английского *think, believe, suppose, seem, consider, guess* и русского языков *думать, верить, считать, полагать, казаться, предполагать, допускать* занимают промежуточную ступень между уверенным знанием (глагол *know*) и сомнением (глагол *doubt*)» (Ионова, 1978: 45). Лингвист считает, что глагол *know* выражает не вероятность, а уверенность. Неуверенное предположение выражено глаголом *doubt*, уверенное предположение в английском языке представлено глаголом *believe*. Проанализировав лексико-синтаксические свойства вышеперечисленных глаголов, автор делает вывод, что «эпистемические значения мнения и предположения являются разноплановыми. Мнение строится по шкале истинно – ложно, а предположение характеризуется различными степенями

достоверности, начиная от сомнения и заканчивая уверенностью, убежденностью» (там же, стр. 69).

Так как модальные глаголы в английском языке не обладают грамматическими категориями вида и временной составляющей (залога), у них существуют исключительно формы наклонения, которые являются показателями сказуемого. У них также нет предикативных форм – инфинитива, герундия и причастий. Именно поэтому модальные глаголы составляют периферийную область глагольной системы английского языка. Таким образом, определяется фактическое место модальности предположения в общей системе модальности английского языка. При этом необходимо отметить, что объективная реальность выражается модальными глаголами, а субъективная – вводными словами.

Изучая научные труды многих авторов по исследуемой нами теме, невольно приходишь к выводу, что они включают в понятие модальности разнообразные значения – реальность, нереальность, эмоциональность, сомнение, вероятность, намерение и многие другие. Однако просматривается тенденция, когда некоторые лингвисты не отождествляют эпистемическую модальность категорий достоверности и неуверенности (сомнения). Для определения степени достоверности высказывания они определяют степень его уверенности. Такой подход в языковедении является дискуссионным и неоднозначным.

В данной работе за основу принимается понятие достоверности. Она может быть неуверенной и выражается словами: *вероятно, может быть, возможно*. Уверенная достоверность определяется значениями: *действительно, конечно, несомненно*. При этом имеется в виду, что степень достоверности в первом случае минимальная, а во втором – наибольшая. Такую градацию между выражением неуверенной и уверенной достоверности разделяют не все ученые.

В частности, Дж. Лайонз в труде «Введение в теоретическую лингвистику» отмечает: «Хотя и может показаться, что использование эпистемического показателя усиливает достоверность высказывания,

однако это не так с точки зрения повседневного употребления языка... Сам факт введения в высказывание любого эпистемического показателя (*must, necessary, certainly*) делает его менее достоверным. Нет более эпистемически сильного высказывания, чем категорическое утверждение факта» (Лайонз, 1978: 127).

Нам данное утверждение представляется спорным, поскольку, в зависимости от его семантики, эпистемический показатель способен придать фразе различную степень достоверности. Следовательно, предикат будет содержать большую или меньшую степень достоверности. Рассмотрим несколько примеров:

- *Наверное, завтра будет солнечная погода;*

- *Возможно, завтра будет солнечно.*

Эти фразы выражают слабую степень предположения.

- *Завтра будет солнечная погода.*

Здесь выражено эпистемически нейтральное предположение.

- *Уверен, завтра будет солнечно;*

- *Конечно, завтра будет солнечная погода.*

Последние предикаты выражают сильную степень предположения.

Из вышеприведенных примеров следует вывод, что использование модальных слов и модальных словосочетаний сообщает высказыванию различные оттенки неуверенности, сомнения в достоверности. Они также могут увеличивать степень достоверность высказывания.

Как уже отмечалось, предположение включает в себя уровень знания и оценку достоверности респондента о явлении или предмете реальной действительности. Однако разные лингвисты неоднозначно оценивают значение предположения и вероятности.

Н.А. Шмалькова в работе «Выражение значения предположения в русском и английском языках» отмечает, что в русском языке значение предположения следует понимать как «допущение возможности, вероятности, принятое предварительно, до установления истины» (Шмалькова 1985: 184).

Анализируя использование модальных слов и словосочетаний, а

также модальных частиц, которые выражают различные степени достоверности предположения, убеждаешься, что они обретают системный характер модальных значений. При этом в зависимости от семантической и грамматической конфигурации предиката, значение модальных слов и словосочетаний имеет широкий диапазон от предположения до утверждения. Выражая различную степень уверенности, значения предположения выражают различные оценки степени достоверности. В английском, русском и таджикском языках содержатся такие степени достоверности содержания предложения, как простая, категорическая и проблематическая.

В амплитуде проблематической и категорической достоверности во многих языках мира содержится гамма значений от уверенности до неуверенности. Эти значения содержат средства выражения модальности, отражающие степень уверенности (неуверенности) респондента о сообщаемом предмете или явлении действительности, то есть сильной или слабой степени предположения.

В английском языке модальность предположения представлена модальными глаголами *to think, to suppose, to seem, to believe, to guess*, которые выражают мнение или уровень восприятия индивидуума не как объективное описание предметов и явлений действительности, а как их отображение в сознании субъекта. Некоторые лингвисты в определении модальности предположения используют понятие категории вероятности. Необходимо отметить, что с позиции логики вероятность характеризуется как понятие определения реальной действительности, учитывая при этом, что степень уверенности индивидуума о том или ином предмете или явлении действительности обусловлена его уровнем знаний об этом предмете или явлении, а также объективными фактами, которыми обладает автор высказывания.

В работе Е.И. Беляевой «К проблеме лексико-грамматических полей в языке (на материале микрополей возможности и вынужденности в английском и русском языке)» автор обращает внимание, что эпистемическая модальность определяется как «устанавливаемое

говорящим отношение содержания высказывания к действительности в плане его достоверности/недостоверности... Модальные модификаторы английского языка делятся на следующие разряды:

- модальные слова - *probably* (наверное), *perhaps* (пожалуй), *maybe* (пожалуй), *possibly* (возможно), *presumably* (вероятно);

- модальные частицы - *hardly* (едва), *scarcely* (едва ли), *necessarily* (неприменно);

- модальные фразы - *I think* (я думаю), *I believe* (действительно), *I suppose* (я полагаю; в самом деле);

- модальные глаголы + *have to*;

- предикативы и синтаксические конструкции с модальным значением» (Беляева, 1977: 21).

Как уже отмечалось, в среде лингвистов нет единого согласованного мнения, определяющего всеобъемлющий состав средств выражения модальности предположения в языке. К тому же в научной литературе до сего времени не прекращается дискуссия по поводу модальности предположения. В частности, некоторые ученые рассматривают модальность предположения как особый вид модальности, не связанный с понятиями реальности – нереальности. Но все же большинство исследователей представляют модальность предположения в контексте модальности недействительности, которая находится в противоположной позиции от модальности действительности. Автор настоящей диссертации разделяет эту точку зрения.

Отметим также, что семантическое содержание предположения является основой, на которой базируется изучение грамматических явлений языка. В настоящей работе мы проанализируем это утверждение на основании использования словарей, цитат из произведений художественной литературы на языке оригинала, а также их переводов на другой язык.

В Словаре лингвистических терминов (автор О.С. Ахманова) представлено «деление модальности по видам:

- модальность гипотетическая (*hypothetica (suppositional) modality*) – которая предполагает представление содержания высказывания как предположительного;

- модальность глагольная (*verbal modality*). Модальность, выражаемая глаголом;

- модальность ирреальная (*unreal modality*) – представление содержания высказывания как невозможного, неосуществимого;

- модальность отрицательная (*negative modality*) – представление содержания высказывания как несоответствующего действительности» (Ахманова, 1969: 487).

В формировании функционально-семантического поля предположения принимают участие все вышеприведенные виды модальности.

Итак, в результате изучения научных трудов ведущих специалистов языкознания и справочной литературы, мы выявили:

- Составной частью эпистемистической модальности, выражающей отношение субъекта к реальной действительности, является модальность предположения;

- В языках народов мира выражается, в основном, три степени достоверности предположения, которые можно определить как простую, категорическую и проблематическую;

- В основу сопоставительного анализа настоящего исследования положено наличие в английском, русском и таджикском языках сильной (приближенной к уверенности) и слабой (выражающей неуверенность) степеней предположения и, в частности, собственно предположения.

Далее нам предстоит рассмотреть средства, служащие для передачи модальности предположения в английском языке.

2.2. Модальные глаголы

При рассмотрении модальных глаголов предположения в английском языке мы исходим из того положения, что они выражают объективную реальность, тогда как вводные слова являются средством выражения субъективной реальности. Модальные глаголы обозначают различные оттенки в диапазоне от действительности до недействительности модальных значений.

В квалификационной работе по теоретической грамматике «Способы выражения предположения в английском языке» А.А. Журавлева отмечает: «В современном английском языке существует ряд способов выражения предположения. Предположение может быть выражено посредством модальных глаголов, ослабляющих свое первоначальное значение. Действие предполагаемое может быть также выражено при помощи некоторых модальных слов» (Журавлева, 2003: 3).

Модальные глаголы в своем основном лексическом значении фактически не являются средством передачи модальности, при которой они видоизменяют присущее им первоначальное значение. Это происходит потому, что в такой ситуации они переосмысливаются. Рассмотрим следующие примеры:

- I will study English;
- я буду изучать английский язык;
- I shall study English;
- я должен изучать английский язык.

Если в первом предложении речь идет об утверждении и оно не обладает инвариантностью суждения, то второе содержит в себе известную степень предположения, прояснить которое способен только контекст высказывания. Этот контекст может обладать множеством вариантов:

- должен изучать, потому что надеюсь получить место работы в международной компании;
- должен изучать, потому что мне это интересно;

- должен изучать, потому что хочу стать переводчиком с английского языка;
- должен изучать, потому что собираюсь в зарубежную поездку;
- должен изучать, так как хочу понимать тексты англоязычных песен;
- должен изучать, потому что хочу переписываться с англоязычным другом на его родном языке и т.д.

Модальным глаголам часто сопутствуют другие средства выражения модальности. В отличие от других морфологических средств, в частности, грамматической категории наклонения, модальные глаголы более определенно выражают предположение, возможность, сомнение и другие оттенки речи. К группе модальных глаголов в английском языке относятся глаголы *can (could), may (might), must (might), must, ought, need* и другие. В письменной и устной речи они используются не самостоятельно, а в сочетании с инфинитивом смыслового глагола и выражают возможность, необходимость, вероятность необходимости совершения действия, выраженного непосредственно смысловым глаголом. При этом модальные глаголы не выражают конкретных действий, они только демонстрируют отношение субъекта речи к этому действию или его оценку.

Классификация модальных глаголов в английском языке определяется как *Defective verbs* (недостаточные, дефектные глаголы), поскольку они не обладают всеми формами других глаголов. Так, например, глаголы *can* и *may* обладают формами настоящего времени, а глаголы *must, ought, need* имеют форму только настоящего времени. Рассмотрим следующие примеры:

- I could have done it;
- I could do it.

Формально обе фразы можно перевести одинаково: «Я мог бы сделать это». Однако использование модальных глаголов преобразует смысловое наполнение следующим образом:

- Я мог бы сделать это, но не сделал (то есть, в настоящем времени);

- Я мог бы сделать это сейчас или позднее (то есть, в настоящем или будущем времени).

Сохраняя все возможные оттенки своих лексических значений, модальные глаголы могут выражать значения, близкие к таким грамматическим категориям, как наклонение, залог, время. Это явление выражается термином грамматикализация, которая является одной из особенностей свойств модальных глаголов.

Смысловые свойства глаголов изучал и известный лингвист И.И. Мещанинов. В своей работе «Понятийные категории в языке» он пишет: «Модальную семантику можно выразить не только специализированными морфологическими средствами, такими, как формы соответствующих наклонений, но и различными словосочетаниями, выражающими модальный оттенок, но не придающими самому глаголу грамматической формы соответствующего наклонения. Глагольное изменение по наклонениям оказывается только одним из этих способов. Другим, и притом наиболее распространенным, является вовсе не изменение глагольной формы, а прием словосочетаний в составе группировки слов семантически и синтаксически объединяемых со сказуемым» (Мещанинов, 1945: 17).

Вопрос определения модальной семантики очень актуален. Семантика предположения в английском языке представлена, в том числе, и глаголами мнения: *to think, to believe, to suppose, to seem, to consider, to guess, to presume, to surmise*. Лексико-семантическое содержание этих глаголов, выражающих предположение, в зависимости от конструкции их высказывания, дает возможность определить и лексико-грамматические свойства этих глаголов.

В английском языке прослеживается явление, которое обозначено как *modals of deduction*. Такая языковая ситуация возникает тогда, когда модальные глаголы используются для того, чтобы выразить вероятность того или иного события. Как известно, само понятие

дедукция означает переход от общего к частному. Поэтому *modals of deduction* позволяет конкретизировать предмет или явление, выявить его семантические оттенки, определить верный контекст высказывания. Это ярко подчеркивает положение модального глагола в английском языке, которые не выражают в качестве самостоятельной единицы речи действие, а лишь выражают отношение индивида к этому действию, функционируя исключительно в сочетании с инфинитивом.

Категория модальности предположения в английском языке весьма сложна, она выражается чрезвычайным многообразием оттенков смысла, поэтому, как правило, нуждается в дополнительных средствах их выражения. Приведем простой пример:

- She must at home.

Это предложение можно перевести двояко:

- Она должна быть дома;
- Она, должно быть, дома.

Верным в данном случае является второй перевод, смысл которого трактуется следующим образом:

- Может быть, она дома, а возможно, что ее нет.

В особенностях выражения модальных глаголов в английском языке заключаются не только некоторые трудности при его изучении, но и трудности процесса перевода с этого языка на другие. При незнании всех тонкостей лексико-семантических и лексико-грамматических свойств модальных глаголов, передающих, в том числе, модальность предположения, высока вероятность совершения ошибок в письменной и устной речи, а также при переводе текстов с английского языка.

Выявив основные принципы функционирования модальных глаголов предположения в английском языке, остановимся более подробно на наиболее часто применяемых в письменной и устной речи отдельных глаголах.

Глагол *to think* (*думать*) имеет самое распространенное значение в

английском языке. Он часто употребляем в письменной и устной речи, и передает как общее значение, так и всю гамму его оттенков. Учитывая, что центральным вопросом нашего исследования является модальность предположения, мы будем акцентировать внимание на тех значениях конкретных глаголов, которые передают семантику предположения. В данном случае ее можно определить как: *верить, полагать*, что выражает недостаточную степень уверенности.

Выражая свое мнение, уровень понимания того или иного предмета или явления, индивидум при использовании глагола *to think* выражает не только нюансы предположения, но и уровень достоверности высказывания. Иными словами, его личное мнение о предмете или явлении в высказывании обладает весьма слабым оттенком предположения, который не имеет прямого отношения к реальной действительности, то есть обладает слабой степенью достоверности.

- I assume that data on Tungus meteorite was classified.

- Полагаю, что сведения о Тунгусском метеорите были засекречены.

Примечательно, что глагол *to think* употребляется в самой разной позиции предложения, он может быть применен как в начале, так и в конце высказывания. При этом не нарушается лексико-семантический и лексико-грамматический строй предложения, то есть приведенную выше фразу можно произнести следующим образом:

- Data on Tungus meteorite, I assume, were classified.

- Сведения о Тунгусском метеорите, полагаю, были засекречены.

Временная категория модального глагола может выражаться и в прошедшем, и в будущем времени. Однако в работе «ФСП модальности в английском и русском языках» Е.И. Беляева отмечает, что «глагол *to think* в форме прошедшего времени означает большую неуверенность говорящего в высказываемом предположении» (Беляева, 1985: 183).

Глагол *to think* паритетно употребляется и в положительном, и в отрицательном значении. Чаще всего этот глагол фигурирует не в

повествовательном предложении, а в диалоге.

В работе «Модальные глаголы в английском языке» А.М. Ионова дает развернутую характеристику употребления данного глагола: «Основное значение каждого модусного глагола определяет его сильная позиция в актуальной речи. Такой позицией для всех модусных глаголов является перформативная позиция, в которой реализуются в чистом виде его основные семантико-синтаксические значения. Перформативное употребление модусного глагола – это употребление его в первом лице, в настоящем времени, изъявительном наклонении, активном залоге. Как правило, перформативное употребление модусных глаголов, в том числе *think*, осуществляется в составе актуальной речи, конкретнее, в составе вводимого компонента прямой речи» (Ионова, 1978: 56). Этот вывод подтверждается следующим примером:

- I think that this time you made a good choice.

- Думаю, что на этот раз ты сделал правильный выбор.

Следующий наиболее часто употребляемый в английском языке глагол – *to believe* (*верить, полагать*). Этот глагол выражает уверенную достоверность высказывания в отличие от тех, которые выражают различную по своим оттенкам степень предположения - *think, suppose, consider, presume* и другим.

В лингвистике существует версия, что глагол *to believe* выражает, в основном, веру, но не в религиозном смысле, а также убежденность в собственных моральных принципах, правоте какой-либо идеи. Этот глагол также выражает веру в глобальном смысле – в справедливость, в верном функционировании общественных институтов, в общечеловеческую порядочность. Но одновременно он иногда подразумевает и веру в религиозном смысле, а также в фатализм, неизбежность, мистику.

Глагол *to believe* служит также для высказывания личного мнения, основанного на уверенном убеждении, даже если высказанное предположение далеко от реальной действительности, например:

- I think and I believe that the off-worlders want to get in touch with

the Earthmen

– Я думаю и верю, что пришельцы хотят иметь контакт с землянами.

Глагол *to suppose* (*предположить, предчувствовать*) используется в английском языке для выражения личностного мнения с оттенком предположения. Как правило, в такой фразе содержится невысокая степень достоверности о предмете или явлении. Лексико-семантическими вариантами и оттенками глагола *to suppose* являются такие понятия, как *допускать, представлять, предвидеть, полагаться на интуицию, утверждать с чужих слов*. Как правило, в предложениях с использованием этого глагола речь не идет о фактах реальной действительности, индивидум строит фразу в форме предположения, которое побуждает к дискуссии, обсуждению высказанного мнения, например:

- Sir Henry presumes that a dog is barking in the swampland.

- Сэр Генри предполагает, что на болоте воеет собака.

Утверждение с применением глагола *to suppose* имеет подоплеку гипотетического высказывания, сообщенного в качестве предположения и не претендующего на истинность мысли. В таких языковых ситуациях речь может идти о воображаемых, нереальных явлениях действительности. Их можно воспринимать как достаточно возможные предположения, претендующие на правду, или за ошибочное мнение.

Значение глагола *to suppose* содержит в себе нюанс предположения об истинности высказывания. Оно также может выражать, что респондент допускает возможность действительного существования какого-либо явления, например:

- My friend assumes that some planets are inhabited by smart animals.

- Мой друг полагает, что некоторые планеты заселены разумными существами.

Вышеприведенное мнение невозможно подтвердить или опровергнуть, оно гипотетическое, и определить, правда ли то, о чем высказано, или оно ошибочно, практически затруднительно. Такова

особенность применения глагола *to suppose* в английском языке, подразумевающего широкую палитру предположения и существование контекста.

Глагол *to seem* (*казаться*) предполагает такие понятия, как *иметь сходство*, *быть явным*. Данный глагол нуждается в дополнении, конкретизации и употребляется с инфинитивом. В предложении с использованием глагола *to seem* в качестве *сходства* выражается предположение с малой степенью достоверности; если же употребляется понятие со смыслом *быть явным*, то речь идет о высокой степени достоверности. Приведем примеры:

- It seems to me that this cloud is like elephant body.
- Мне кажется, что это облако похоже на фигуру слона.

Здесь речь идет об оптической иллюзии, которая в высказывании респондента несет оттенок убежденности, что на самом деле может быть далеко от реальной действительности. Возможно иное построение фразы:

- This cloud resembles elephant body.
- Это облако явно напоминает фигуру слона.

В вышеприведенном предложении звучит убежденность, которая основана на визуальной похожести облака и фигуры животного. Это указывает на высокую степень достоверности и соответствия реальной действительности. Семантика предположения в данном случае выражена в представлении видимых очертаний, она также дает возможность собеседнику высказать свое мнение, то есть предполагает начало дискуссии на предложенную тему.

Глагол *to seem* в данном случае можно интерпретировать как *то, что*, по мнению одного из участников беседы, *заслуживает внимание*. В нашем примере это означает, что собеседник приглашает принять участие в увлекательном разговоре о форме облаков. В другом смысле, это выражает кажущуюся индивидууму реальность: он полагает, что облака по форме напоминают реально существующие предметы.

В рассматриваемых нами примерах присутствуют:

- указание на знаки, причастные к обсуждаемой теме (предполагаемая визуальная форма облака);
- выражение личного впечатления или мнения, которая респонденту представляется как реальность;
- предложение обсудить названную тему;
- реальность, существующая в воображении автора высказывания;
- призыв к собеседнику представить аналогичные признаки явления или предмета.

Значение глагола *to seem* выражает инвариантность его употребления в языке, которая может варьироваться в диапазоне от оттенков неуверенности до предположения, основанного на реальных признаках предмета или явления.

Глагол *to consider* (*рассматривать, считать*) также является инвариантным в английском языке, он имеет множество значений и их оттенков:

- *предполагать умозрительно;*
- *обдумывать* явление, предмет или реальный факт;
- *обратить* на что-либо или кого-либо свое *внимание;*
- *сконцентрировать внимание* на каком-либо аспекте;
- *размышлять* о чем-либо;
- *принять* что-либо к сведению.

В тексте эти значения и их оттенки можно выразить следующим образом:

- *or reflect on;*
- *bestow attentive thought upon;*
- *give heed to;*
- *take note of;*
- *to think;*
- *reflect;*
- *take note.*

Значения глагола *to consider* выражает размышления, оценки, концентрацию внимания и мысли на какой-то проблеме, ситуации. Это

придает глаголу некий философско-размышляющий оттенок. Так, ситуация предполагает призыв к самому себе сделать что-то более тщательно, обратить более пристальное внимание на какую-либо проблему. К примеру, можно привести такое высказывание:

- In my opinion we need to more attentively look at the functionality of next generation gadgets, about which there are so many discussions. I think they are interesting and I will choose something for myself.

- Я считаю, что надо более внимательно присмотреться к функциям гаджетов следующего поколения, о которых так много говорят. Думаю, они представляют интерес, и я выберу что-то для себя.

В данном случае значение глагола *to consider* выражает:

- предположение;
- субъективное мнение о предмете, представляющем для будущего покупателя определенный интерес;
- ссылку на чужое мнение, которое принято к сведению;
- размышление о целесообразности предстоящего приобретения.

Глагол *to consider* предполагает собственное мнение о предмете или явлении, определенное предположение о нем. Этот эпистемический глагол, помимо предположения, может также выражать личное мнение, свою точку зрения или собственное суждение о каком-либо предмете или явлении реальной действительности. Зачастую для того, чтобы составить четкое суждение о предполагаемой проблематике, нужно рассматривать контекст высказывания, который может быть разнообразным и неравноценным.

Глагол *to guess* (*полагать, думать, предположить*) в английском языке выражает не только слабую степень предположения, но и допущение наличия какого-то свойства явления или предмета. Его можно употреблять в значениях: *наитие, догадка, предчувствие*. Как правило, в предложении фигурируют:

- факты, не имеющие доказательств;
- ирреальные гипотезы;
- попытка отгадать что-либо по неопределенным, весьма

размытым признакам;

- догадка о явлении или предмете, сделанная по наитию, на основе собственной интуиции.

Для создания в тексте ситуации, когда носитель языка использует слабую или шутливую неуверенность, сдержанность утверждения, с глаголом *to guess* применяются следующие формы:

- *sometimes used*;
- *with playful moderation of statement*;
- *in reference to what the speaker regards as a fact or a secure reference*.

В таком случае текст, как правило, содержит ссылку на чье-то авторитетное мнение или на действительные факты, и выражает уверенное предположение.

В предложении может содержаться одно из следующих значений:

- попытка выстроить предположение о предмете или явлении;
- догадка об истинной сути предмета или явлении, выраженная методом «приблизительного вычисления»;
- попытка составить недостаточно обоснованное мнение о предмете или явлении.

Рассмотрим следующий пример:

- They could not guess how popular Diana would be in her short but full life.

- Они и не догадывались, какой популярной станет Диана за свою короткую, но насыщенную жизнь.

В данном примере содержится предположение, выраженное при посредничестве допущения конкретного факта.

В работе «Модальные глаголы в английском языке» А.М. Ионова обращает внимание на следующее явление: «Интересную пару образуют глаголы *to suppose* и *to guess*. Это глаголы со слабыми эпистемическими значениями. И они противопоставляются друг другу как глаголы, дающие качественную (*to suppose*) и количественную/параметрическую (*to guess*) оценку явлениям в терминах достоверности» (Ионова, 1978: 61).

Глагол *to presume* (*предположить, предчувствовать*) выражает в английском языке значение допущения, предположения. Это значение связано с недостаточным ожиданием оправдания надежд или невысокой степенью доверия по отношению к кому-то. Лексико-семантические варианты данного глагола выражаются следующим образом:

- *to assume or take for granted;*
- *to presuppose;*
- *to anticipate, count upon, expect (...with the notion of overconfidence).*

Они выражают следующие оттенки предположения:

- допускать что-либо;
- считать, что какое-либо явление происходит по воле обстоятельств, без вашего вмешательства в сложившуюся ситуацию;
- рассчитывать на кого-либо или на что-либо;
- ожидать, доверять.

Рассмотрим пример:

- You cannot do anything, this is the destiny
- Ничего не поделаешь, так распорядилась судьба.

Здесь представлена ситуация, когда человек считает, что от него не зависит решение конкретной проблемы, ссылаясь на то, что сложившиеся обстоятельства выше его воли, вне его компетенции.

Итак, мы определили, что основными средствами выражения модальности предположения в английском языке являются глаголы и модальные слова. Чаще всего в письменной и устной речи употребляются глаголы мыслительной деятельности и модальные глаголы.

Для проведения сравнительного исследования модальных глаголов в английском и русском языке мы выделили и подробно описали глаголы, которые выражают различные степени модальности предположения, связанные с достоверностью или недостоверностью высказывания.

Мы приняли за базовое утверждение о наличии следующих

степеней предположения:

- сильная степень предположения, приближенная к уверенности в высказывании;
- предположение нейтральное;
- слабая степень предположения, приближенная к ирреальности высказывания.

В работе над данной главой использованы цитаты из произведений художественной литературы англоязычных авторов на языке оригинала; англо-русские и русско-английские словари; приведены собственные оригинальные примеры использования модальных глаголов в письменной и устной речи.

Далее будут рассмотрены другие средства передачи модальности предположения в английском языке.

2.3. Модальные слова

В Словаре лингвистических терминов автор этого труда О.С. Ахманова характеризует модальное слово как "слово, утратившее свое конкретное лексическое значение и функционирующее как средство описательного выражения модальности" (Ахманова, 1969: 275). Модальные слова, выражающие модальность предположения, широко применяются в английском языке, как в письменной, так и в устной форме.

В учебнике «Грамматика английского языка» приводится следующее определение: "Модальные слова – это слова, выражающие субъективное отношение говорящего к высказываемой в предложении мысли» (Беляева, 1978: 247).

Модальные слова не имеют единого внешнего признака. Значение субъективного отношения к высказыванию, оценка его достоверности, предположительности или желательности составляет семантический признак модальных слов в английском языке. По самостоятельной позиции в языке модальные слова относятся к знаменательным, а не

служебным частям речи. Синтаксическая функция модальных слов заключается в том, что они играют роль вводного члена предложения. Именно эти значения и признаки послужили поводом для лингвистов считать модальные слова, выражающие категорию предположения, самостоятельной частью речи.

Следует отметить, что модальные слова могут быть представлены в виде слова-предложения, что аналогично с такими же значениями, как слова-предложения утверждения и отрицания *Yes* и *No*. Однако последние обладают неизменным статусом в речи, в отличие от модальных слов, которые являются:

- при употреблении в диалоге – словами-предложениями;
- в повествовательном предложении – вводными словами.

В труде «Грамматика английского языка» Л.С.Бархударов и Д.А.Штелинг утверждают, что «модальные слова всегда играют роль вводных членов предложения» (Бархударов, Штелинг, 1978: 137). Эти авторы также определяют модальные слова «как слова, имеющие значение характеристики всего сообщаемого факта с точки зрения его вероятности, возможности, связи с другими фактами, событиями и т.д.» (там же, стр. 138).

Следовательно, модальные слова определяют степень предположения как уверенную, нейтральную или неуверенную. Они позволяют судить о достоверности или недостоверности представленных фактов, их отношению к реальной действительности или ирреальную составляющую.

В труде «Структура простого предложения» Л.С. Бархударов отмечает: «Не всякое слово, выступающее в роли вводного члена предложения, относится к классу модальных слов. Модальные слова - особая часть речи, а в роли вводных членов могут выступать и другие части речи и сочетания слов: наречия, предложные обороты, инфинитивные конструкции и т.д. К модальным словам как части речи относятся только слова, которые всегда, во всех случаях употребляются в роли вводного члена предложения. Эти слова характеризуются своей

неизменяемостью и ограниченной сочетаемостью с другими словами» (Бархударов, 1966: 179).

К модальным словам относятся следующие группы слов:

- certainly, indeed, perhaps, happily – unhappily;
- of course, evidently, maybe, luckily – unluckily;
- no doubt, naturally, probably, fortunately – unfortunately;
- surely, obviously, possibly;
- apparently, really;
- assuredly, actually;
- undoubtedly.

По мере выражения субъективного отношения к реальным предметам или явлениям действительности, модальные слова подразделяются следующим образом:

- слова, в которых выражено утверждение;
- слова, в которых выражена объективная оценка высказывания с точки зрения его желательности;
- слова, в которых выражена объективная оценка высказывания с точки зрения его нежелательности.

Если мы рассмотрим модальные слова, выражающие модальность предположения, из вышеприведенных групп слов, то придем к убеждению, что в пределах каждой семантической группы эти слова близки между собой по заключенному в них значению. В то же самое время каждое из них различно по способу употребления в составе предложения относительно других модальных слов той же группы.

Рассматривая модальные слова с точки зрения их употребления в английском языке как средств выражения степени достоверности высказывания, мы делаем вывод, что они имеют значения:

- предположения в той или иной степени достоверности;
- сомнения в истинности высказанного утверждения;
- вероятности, возможности в слабой степени выражения достоверности события или явления;
- уверенности в высокой степени выражения достоверности

события или явления.

Выполняя функцию вводного слова предложения, модальные слова при этом относятся ко всему выражению в целом. Модальные слова имеют значение предположения, сомнения, вероятности, уверенности говорящего в мысли, выраженной в предложении. Отдельные модальные слова, как мы уже отмечали, несут в себе функцию слова-предложения. Это относится к таким модальным словам, как *of course, certainly, no doubt, perhaps* и т.д. Приведем пример:

-Janny: lady taught me embroidery; nobody else could do so before this.

-Дженни: Леди обучила меня вышивке, до нее этого никто не мог сделать.

Liza: - Of course.

Лиза: - Конечно.

В приведенном примере ответом на вопрос является модальное слово *конечно*, которое в данном случае играет роль слова-предложения.

Посредством применения модальных слов субъект производит оценку высказывания в целом, или его отдельных частей. При этом выражается отношение индивидуума с точки зрения реальной действительности происходящего к предложению в целом, или к одному из его частей, как правило, подлежащему. Чаще всего в таких случаях применяется модальное слово *верно*.

Как мы убедились в результате исследования модальных слов, они играют большую роль в английском языке, часто употребляются в литературной речи, в диалогах и т.д. Занимая прочные позиции в системе частей речи, они выражают отношение индивидуума или литературного героя к реальности, с точки зрения его собственной оценки. Именно в этом проявляется выражение модальности в данных словах.

Определенную трудность представляют границы модальных слов, наречий и частиц. Это объясняется тем, что значительная часть модальных слов в английском языке является производным от наречий, и по способу выражения в языке они аналогичны с наречиями образа действия, обладающими суффиксом *-ly*.

В то же время, не составляет проблемы определение модальных слов по их значениям. Значительная часть модальных слов употребляется с утвердительным значением. Они содержат оценку предиката, сообщают о достоверности приведенного факта, выражают уверенность респондента о реальности того, о чем он поведал, с помощью модальных слов утвердительного значения: *безусловно, действительно, несомненно, конечно* и т.д. Такую же функцию в языке выполняют словосочетания: *это, разумеется, само собой, на самом деле* и т.п. Рассмотрим примеры с употреблением таких слов и фразеологических сочетаний:

- I will definitely manage this task.
- Безусловно, я справлюсь с этим заданием.
- In fact, I stand ready to implement this task.
- На самом деле, я готов выполнить это задание.

Другую группу составляют модальные слова со значением предположения, которые выражают вероятность, сомнение, допущение двоякой, нечетко определенной трактовки. К ним относятся слова: *возможно, кажется, наверное, вероятно* и т.д., а также словосочетания *может быть, по всей вероятности* и т.п. Примеры их использования таковы:

- we will probably go to travel with our friends on vacations.
- Вероятно, на каникулы мы отправимся с друзьями в путешествие.
- most probably, our trip will not take place.
- По всей вероятности, наше путешествие не состоится.

Знаменательные слова обладают номинативной функций, а модальные, которые близки им по способу образования в языке, лишены такой функции. Знаменательными словами обозначаются

названия и признаки предметов или явлений, модальными выражаются оттенки отношения к этим предметам или явлениям, их оценка. Не являясь членами предложения, так как модальные слова не обладают грамматическими связями с другими членами предложения, они составляют самостоятельные лексические единицы и утрачивают временную изменимость. В английском языке применяются модальные единицы:

- простые слова (*sure, perhaps*);
- производные слова (*surely, naturally, really*);
- составные единицы (*maybe, to be sure*).

Чаще всего употребляются модальные слова, передающие следующие значения:

- сомнение и неуверенность в достоверности факта (*maybe, perhaps, probably*);
- одобрение и неодобрение (*fortunately, unfortunately, luckily, unluckily, happily, unhappily*);
- усиление (*really*);
- уверенность в достоверности факта (*course, sure, surely, to be sure, sure enough, evidently, obviously, no doubt, naturally, really*).

Многообразие лексико-семантических форм модальных слов позволяет применять их разнообразно, изысканно, избирательно. Они употребительны в разных разговорных ситуациях, делая диалог многозначительным, многоплановым, обладающим тончайшими оттенками и нюансами оценок. Модальные слова делают простыми и прозрачными в понятийном понимании литературные тексты, потому что передают всю гамму чувств, сомнений, степени уверенности и неуверенности героя о сообщаемых событиях. Иногда они видоизменяют контексты драматургического замысла автора, словно приглашая читателя к совместным раздумьям, сопереживаниям. Несомненно, модальные слова придают и разговорным, и литературным диалогам эмоциональность, интонированность, проявляя и оттеняя все лексическое богатство речи.

2.4. Модальные частицы

Достижению цели выразительности речи служат и модальные частицы в английском языке. Они особенно часто употребляются в устном, разговорном варианте коммуникации, образуют в английском языке самостоятельную служебную часть речи, оттеняя тонкие грани модальности предложения, и применяются в качестве конкретизации смысла лексических единиц языка.

В составе предложения модальные частицы выполняют разные функции, зачастую они служат для усиления нюансов наклонений. Следует отметить, что грамматикализация модальных частиц имеет большое значение, в частности, в процессе перевода с английского на другие языки. Здесь следует учитывать, что модальные частицы часто изменяют синтаксическую функцию отдельных слов предложения. Например, преобразовывая синтаксическую роль лексем, обозначающих обстоятельства действия, эти частицы уже играют роль выражения модальности и относятся уже ко всему высказыванию.

По своим свойствам и способу функционирования в языке модальные частицы по своей семантике близки к модальным словам. Но от модальных слов их отличает следующая особенность: модальные частицы только уточняют смысл высказывания, выраженного модальными словами.

В английском языке функционируют модальные частицы:

- усиливающие модальность предложения частицы *though, however, easily and so on*;
- ограничивающие модальность предложения частицы *merely, only*;
- модальные частицы, содержащие семантику предположения *approximately, nearly*.

Наиболее часто употребляемы в английском языке модально-усилительные частицы. Они, как правило, усиливают модальность высказывания, но сохраняют в таких случаях отдельные нюансы

собственных значений.

Модальная частица *easily* своим происхождением связана с наречием со значением *легко* (*It can be easily done*), имеющим в русском языке аналогичный смысл *вполне*. Приведем следующий пример:

- John could indeed be my fellow traveler.
- Моим попутчиком вполне мог стать Джон.

В вышеприведенном примере частица *easily* выражает неуверенную степень предположения, которая может быть заменена в этой фразе наречием *It can be easily done* (*легко*). В данном случае модальная частица обладает собственным значением и усиливает модальность наречия в высказывании.

Но модальная частица *easily* может относиться ко всему предложению, если она выражает высокую степень предположения в реальности предмета или явления. В русском языке в таких случаях могут применяться слова *очевидно*, *определенно*, *несомненно*. Рассмотрим это на примере:

- No doubt that successful thesis defence could be an important event in my life this year.
- Несомненно, успешная защита дипломной работы стала главным событием моей жизни в этом году.

В данном случае модальная частица *easily* выражает уверенность, очевидность и может быть заменена на слова *определенно*, *очевидно*.

Итак, мы рассмотрели теоретически (из работ известных лингвистов и на основе собственных выводов) и практически (на приведенных примерах), формирование функционально-семантического поля предположения в английском языке. Мы убедились, что на его структуру и способы функционирования кардинальным способом влияет применение модальных глаголов, слов и частиц в письменном и устном английском языке. Лексические, грамматические и фонетические средства позволяют ярко, образно и разнообразно отражать мысль и суть высказывания во всех микрополях ФСП предположения: уверенного, неуверенного и микрополя сомнения. Как правило, эти

микрополя функционируют в сложноподчиненных предложениях с применением разнообразных модальных слов, глаголов и частиц.

Семантические, лексически и грамматические модальные средства предложения обогащают литературную, письменную и устную речь, делают ее насыщенной различными оттенками мыслительной деятельности и проявлением чувств, переживаний, эмоций литературного героя или индивидуума в диалоговых разговорных ситуациях.

Средства передачи модальности в английском языке имеют аналоги в русском языке, но в переводческой деятельности нужно обращать особенно пристальное внимание на их нюансы и оттенки, которые бывают весьма тонкими и едва уловимыми.

ГЛАВА III

ОСНОВНЫЕ СРЕДСТВА МОДАЛЬНОСТИ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

При проведении исследования по теме настоящей работы мы пришли к выводу, что в отечественной лингвистике крайне мало специальных трудов по изучению основных средств модальности предположения в русском языке. Своим трудом мы надеемся расширить диапазон знаний о функционально-семантическом поле предположения в отечественной лингвистике.

Как мы уже отмечали, в базовой основе ФСП предположения находятся лексико-грамматические средства. На периферии данного поля располагаются синтаксические средства и интонационные оттенки предположения.

Исследуя ФСП предположения английского языка, мы отметили, что его формируют модальные глаголы, слова и частицы, которые выражают три степени предположения: уверенное, неуверенное и сомнение. Но в русском языке между последними двумя категориями пролегает столь тонкая граница, что различить значение неуверенного предположения и сомнения крайне сложно, порой это и вовсе не представляется возможным. Попытки определения некоторыми учеными смежных модальных значений в виде описания их в категориях вероятности, сомнительности, гипотетичности, допустимости нам представляются недостаточно основательными. Именно поэтому мы придерживаемся мнения, что в функционально-семантическом поле предположения четко выделяются микрополя уверенного предположения и сомнения. Неуверенное же предположение в русском языке выражается, скорее, как оттенок, инвариантность значения, но не как полноценное микрополе.

В микрополях уверенного предположения и сомнения выражаются различные степени уверенности респондента в реальности сообщаемых им фактов или явлений. Это проявляется в употреблении в том или ином предложении различных лексических единиц выражения модальности предположения.

Лексико-грамматические средства выражения функционально-семантического поля предположения разнообразны, они применяются в письменной и устной речи, широко используются в произведениях литературы. Но есть отдельные единицы, присущие, в основном, устной речи. Это, например, модальные частицы, которые выражают как предположение, так и только иллюзорное представление о предмете или явлении. К ним относятся модальные частицы *как бы, как будто, словно бы, если бы* и т.п. Другой тип модальных частиц выражают только оттенки предположительности или вероятности – *поди, типа, никак* и т.д. Рассмотрим это на примерах:

- Это как бы установленный достоверный факт;

- Создается впечатление, словно бы это действительно произошло.

В этих фразах выражена высокая степень уверенности модальности предположения.

- И это, типа, считается модой на ретростиль;

- Никак, ты еще не собрался в поход.

Здесь мы наблюдаем не оценку, а лишь оттенки ее предположительности или вероятности.

Основными средствами, выражающими модальность предположения в русском языке, являются:

- вводно-модальные слова (*допустим, предположим, действительно, пожалуй, разумеется*, и т.д.);

- модальные словосочетания (*видишь ли, вполне возможно, кастати говоря* и т.д.);

- модальные частицы (*да, точно, просто, нет* и др.).

Рассмотрим примеры:

- Предположим, он говорит правду;

- Вполне возможно, что он не лжет;
- Да, это соответствует первоначальным сведениям.

Во всех приведенных предложениях выражена уверенная степень достоверности модальности предположения.

Лексико-грамматическая семантика всех средств выражения модальности предположения нашла отражение во многих толковых словарях русского языка. Но в языковой практике их значение приобретает конкретику посредством синтаксического уровня и проявляется на содержании всего высказывания в целом.

Наиболее полно и точно степени уверенности и неуверенности в высказывании передают модальные частицы, которые не только определяют смысл высказывания, но и конкретизируют его контекст. Вводно-модальные слова обладают более широкими и общими значениями.

В этой главе мы подробно рассмотрим основные средства передачи модальности предположения, определим их объем и способы применения, а также частоту употребления в русском языке.

3.1. Модальные частицы

Модальные частицы, а также предлоги и союзы играют ведущую роль в определении модальности предположения в русском языке. Являясь служебными словами, они придают различные оттенки предположения в предложении. Модальные частицы имеют свойство усиливать значение и взаимоотношения других лексических средств языка. Частицы, как правило, образованы на базе других частей речи. Модальные частицы лишены способности к самостоятельному словообразованию. В отличие от других служебных слов, модальные частицы не обозначают конкретные предметы, явления или их признаки, поэтому они не являются членами предложения. С другой стороны, их не следует отождествлять с другими служебными словами в связи с тем, что модальные частицы не выполняют связующей роли

между полнозначительными словами и другими частями предложения.

При чтении литературного произведения или в разговоре с собеседником индивид с помощью модальных частиц имеет возможность актуализировать высказывание, внести уточнение в суть сообщения. Рассмотрим примеры такого влияния на смысл прочитанной или высказанной фразы:

- Вряд ли завтра Тимофей успеет сдать книгу в библиотеку;
- Тимофей сдаст книгу в библиотеку только завтра.

В первом предложении высказано сомнение, а во втором – уверенность. Но акцентируют внимание на содержание фразы именно использованные в тексте модальные частицы, которые являются некими синтаксическими сигналами, позволяющими уточнить и конкретизировать смысл высказывания. Если в вышеприведенных примерах отказаться от использования модальных частиц, то предложение станет повествовательным, и будет звучать так:

- Тимофей завтра сдаст книгу в библиотеку.

Следовательно, мы убеждаемся, что модальные частицы вносят определенный смысл в высказывание, выражая модальность предположения уверенности или сомнения.

Изучая учебную и научную литературу по интересующей нас тематике, мы убедились, что единого мнения о количественном составе модальных частиц не существует. Разные авторы выдвигают свои мнения на этот счет: кто-то насчитывает шесть разрядов таких частиц, другие авторы – восемь. Это объясняется тем, что семантико-функциональные особенности модальных частиц выражаются в разнообразии выражаемых ими значений.

В труде «Основы русской грамматики» И.П. Распопов и А.М. Ломов подразделяют частицы на два основных разряда. Это «частицы с рациональной семантикой (т.е. выражающие разного рода смысловые оттенки) и частицы с модальной и эмоционально-экспрессивной семантикой (т.е. выражающие оценку говорящим отношения

высказывания к действительности, чувства и настроения говорящего)» (Распопов, Ломов, 1984: 243). И.П. Распопов и А.М. Ломов классифицируют частицы с рациональной семантикой на следующие подразделения

- указательные частицы *вон, это, вот*;
- определительные частицы *именно, точно, просто, как раз, почти, ровно, чуть не*;
- выделительно-ограничительные *только, лишь, хоть, все*;
- усилительные *ведь, даже, же, и*.

«Среди частиц с модальной и эмоционально-экспрессивной семантикой можно выделить: утвердительные (*да, так, ага*); отрицательные (*не, ни, нет*); вопросительные (*ли, неужели, разве*), побудительные (*ну, давай, пусть*); модально-оценочные (*авось, вряд ли, едва ли, будто, словно*); восклицательные (*ведь, ну и, страсть, как, что за*)» (Распопов, Ломов, 1984: 244).

Рассмотрим несколько примеров:

- Вон там находится нужная вам улица;
- Именно так и выглядит этот дом;
- Тот, кто видел этот спектакль лишь раз, никогда его не забудет.
- Ведь он нас предупреждал, почему же мы ему не поверили?

Во всех фразах использованы частицы с рациональной семантикой, что сообщает предложению констатацию факта и нейтрального к нему отношения. Употребление частиц с модальной и эмоционально-экспрессивной тематикой сообщают предложению совсем другую окраску и тональность, например:

- Да, спектакль оставил у меня незабываемые впечатления;
- Нет, этим маршрутом вы никак не попадете на нужную вам улицу;
- Неужели так трудно было меня предупредить о возможной опасности?
- Ну и пусть будет нелегким мой путь;
- Вряд ли мы сможем с тобой договориться;

- Что за несусветные версии ты выстроил?

Употребление в речи частиц с модальной и эмоционально-экспрессивной семантикой позволяют автору высказывания выразить гамму чувств, произвести свою оценку предмета или явления, степень предположения или сомнения.

И.П. Распопов и А.М. Ломов выделяют два разряда модальных частиц – с рациональной и модально-экспрессивной семантикой, в то время как другие ученые расширяют этот перечень еще на два разряда, а именно, смысловые и формообразующие модальные частицы.

В работе «О категории модальности и модальных словах в русском языке» В.В. Виноградов отмечает, что «в класс редуцированных слов-частиц включается ряд устойчивых фразеологических оборотов, фразовых единств и сращений» (Виноградов, 1975: 83). Знаменитый лингвист в вышеназванном труде применяет термин «редуцированные слова-частицы» в отношении модальных частиц, которые в результате развития и становления современного русского языка в полной мере отразили грамматические изменения и преобразования в языке на протяжении не одного десятилетия.

Как мы уже убедились, лексический состав модальных частиц широк и разнообразен. При взаимодействии с другими частями речи, эти частицы не только придают предложению модальные оттенки, но порой разительно меняют его суть и смысл. Так, утвердительное предложение, в котором зафиксирован реальный факт, при употреблении модальной частицы преобразует его в высказывание с нюансом сомнения:

- Завтра я оплачу квитанцию за электричество;
- Оплатить квитанцию за электричество я едва ли успею завтра.

В лингвистике довольно долго бытовало мнение, что частицы не обладают лексическим значением. Затем возобладала позиция, что они все-таки обладают таким значением, так как сообщают предложению новый или дополнительный смысл. Эта проблема рассмотрена в работе А.И. Смирницкого «Лексическое и грамматическое в слове» следующим

образом: «Частицы - это слова, имеющие определенное лексическое и грамматическое значение, но качественно отличающиеся от «автосемантических» частей речи, которые имеют предметно-вещественную и понятийную соотнесенность с миром объективной действительности, которой лишены частицы... Семантика слов делится на две части: особую, принадлежащую данному слову, и общую, принадлежащую всему данному разряду слов и проявляющуюся в каждом отдельном слове, как некая «категориальная» оболочка... У частиц категориальное значение преобладает над индивидуально-смысловым, создавая впечатление об отсутствии у частиц собственных лексических значений. Но это не так, лексическое значение, хотя и довольно специфическое, у частиц все же имеется» (Смирницкий, 1955: 52-53).

Модальные частицы передают сообщению тончайшие оттенки смысла, способны лексически усиливать суть сообщения, например:

-Только раз бывает в жизни встреча, только раз судьбою рвется нить.

В данном случае повторное применение частицы *только* усиливает взаимодействие между другими членами предложения, заостряют внимание на том, что судьбоносные события бывают лишь единожды.

Модальные частицы способны кардинально влиять на контекст высказывания, подчеркивать его значимость, например:

- Разве так я представлял себе нашу встречу?
- Точно так же думал и я;
- Лишь осенью бывает листопад;
- Даже в неволе дикие животные способны размножаться.

Использованные последовательно вопросительная, определительная, выделительно-ограничительная и усилительная модальные частицы в приведенных примерах являются, как подчеркивал Ш. Балли, «важнейшим средством внесения номинаций в сообщение» (Балли, 1955: 324).

Некоторые модальные частицы синонимичны или антонимичны,

поэтому в высказывании они взаимозаменяемы, но придают разные оттенки ее семантического наполнения, например:

- Едва ли это произойдет;
- Вряд ли это произойдет;
- Это точно повторение пройденного материала;
- Мне кажется, будто мы уже проходили этот материал.

В первых двух примерах модальные частицы являются синонимами, в двух вторых – антонимами. Синонимичные модальные частицы, выражающие сомнение, не меняют семантику предложения; антонимичные подчеркивают степень модальности предположения.

Модальные частицы не только выявляют семантику высказывания, но и участвуют в формировании структуры. При этом они выявляют эмоциональную окраску высказывания. Некоторые такие частицы употребляются только в устной разговорной речи, например, *авось*:

- Авось, и на этот раз пронесет;
- Русский человек всегда надеется на авось: вдруг все само собой сложится.

В данных случаях проявляется стилистическая окраска модальной частицы, которая выражается на синтаксическом уровне. Частица *авось* передает:

- различные степени модальности предположения;
- свидетельствует о желании наступления развязки события;
- уверенности, что предполагаемое событие непредсказуемо и не зависит от воли автора высказывания.

Вообще в формировании разговорной речи участвует множество модальных частиц, выражающих различные степени и нюансы модальности предположения, например: *ладно, что уж там, подишь ты* и т.д. Как правило, в употреблении они синонимичны:

- Да ладно тебе врать-то;
- Что уж там, это вовсе неправда;
- Подишь ты, заврался совсем.

Частица *будто* в разговорной речи выражает степень достоверности предположения высказывания в диапазоне от неуверенности до сомнения:

- Сидишь, будто аршин проглотил;
- Будто это случилось намедни.

Аналогичными свойствами обладает частица *как бы*, более свойственная устной, а не письменной речи, но периодически применяемая в диалогах героев в литературе:

- Как бы чего не произошло;
- Приближающая гроза как бы напугала ее.

Употребление подобных частиц в разговорной речи придает предложению эмоциональную и экспрессивную окраску.

Когда респондент не только не уверен в достоверности информации, но и передает ее с чужих слов, в разговорной речи часто используется частицы *будто бы*:

- Я слышал, будто бы к земле приближается огромный метеорит;
- Люди говорят, будто бы могут подняться цены на муку.

Частица *ли* в сочетании с другими членами предложения передает значения неуверенности, сомнительности:

- Не ты ли предложил эту сомнительную сделку?
- Знаешь ли, мне вовсе не хочется принимать в этом участие.

Просторечная частица *небось* употребляется в речи для усиления высказывания, которое может иметь вопросительный или предположительный характер:

- Небось, ты помнишь, вьюга злилась?
- Небось, ты думал, что я забуду о назначенной встрече.

В письменной, и особенно в устной речи зачастую употребляются модальные частицы *никак, нешто, пошто, неужели, неужто, словно, вроде, вряд ли, чуть ли, якобы, однако* и т.д. Приведем несколько примеров:

- Ты пошто боярыню обидел?
- Неужели, в самом деле, все качели погорели;

- А я уж чуть ли не поверил тебе;
- Александр сказал, якобы ты ушел от него в полдень;
- Однако вот такая закавыка произошла;
- Нешто и это тебе надо объяснять?

Русский язык богат средствами оттенков речи, выражающих удивление, недоверие, недоумение, оторопь, изумление и т.д.; нюансами предположения и сомнения. Во многих случаях для выражения чувств и желаний, как мы убедились на конкретных примерах, употребляются модальные частицы. Помимо прочих значений и их оттенков, они придают предложению эмоциональную и экспрессивную окраску, формируют тональность высказывания. Несомненно, модальные частицы играют большую роль в формировании значения предположения, что подтверждают конкретные практические примеры нашего исследования.

3.2. Модальные и вводно-модальные слова

Модальные слова в русском языке образовались в результате обособления от других частей речи – наречий, существительных и глаголов. Долгое время они не рассматривались в лингвистике как объекты пристального изучения. В работах А.М. Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении» (1956) и А.А. Потребни «Из записок по русской грамматике» (1958) высказана необходимость отдельного специализированного исследования модальных и вводно-модальных слов.

Впервые, как уже отмечалось, термин «модальное слово» ввел в лингвистику В.В. Виноградов. В своей работе «О категории модальности и модальных словах в русском языке» он акцентирует внимание на том, что понятие модальных слов нужно понимать как «особый лексико-грамматический ряд слов, при помощи которых говорящий оценивает свое высказывание в целом и отдельные его части с точки зрения их отношения к объективной действительности». Далее в

этой же работе В.В. Виноградов уточняет: «Модальные слова характеризуются неизменяемостью, морфологической нечленимостью, они выпадают из системы подчинительных связей (согласование, управление, примыкание). В синтаксическом плане все модальные слова являются вводными, в определенных условиях они способны выступать в роли нечленимых предложений. Модальные слова, будучи по происхождению знаменательными, употребляются в роли вводных элементов, дополнительно подключаемых к составу предложения, нередко функционально приближаются к служебным частям речи, например, к частицам. Модальные слова – это некоторое промежуточное звено между знаменательными и служебными словами» (Виноградов, 1975: 87).

Чаще всего модальные слова предшествуют тому члену предложения, к которому они соотносятся. Они выражают различные оттенки модальных значений, которые в большинстве случаев выражаются глаголом - сказуемым. Но зафиксированы и такие позиции модальных слов, когда они относятся к подлежащему, а также и к другим членам предложения.

В лингвистике утвердилось мнение, что модальные слова являются показателем, выражающим субъективную модальность.

Модальные и вводно-модальные слова, как самостоятельные лексические единицы, базируются на трансформации других частей речи, в частности:

- глаголов – *допустим, предположим, значит, пожалуй, признаться, разумеется*, и т.д.;

- прилагательных – *несомненно, вероятно, действительно, бесспорно* и т.д.

- наречий – *по-видимому, никак, верно, буквально, истинно*;

- существительных – *инстина, факт, правда*.

Рассмотрим примеры с употреблением модальных слов:

- Допустим, поезд опоздал, потому что было нарушено расписание;

- Действительно, за поворотом открылась прекрасная панорама гор;
- По-видимому, Афанасий был неплохим охотником;
- Хоть поверьте, хоть проверьте, истина проста: никогда не возвращайся в прежние места.

В приведенных примерах использованы модальные слова, произошедшие от глаголов, прилагательных, наречий и существительных.

Модальные слова представлены в русском языке и в виде фразеологических словосочетаний, идиом, например:

- *кстати сказать*;
- *собственно говоря*;
- *может быть*,
- *должно быть*;
- *откровенно говоря, и т.д.*

Рассмотрим примеры:

- Кстати сказать, мы вечерами часто пили чай в этой беседке;
- Может быть, нам не стоит продолжать разговор в таком тоне.

Следует отметить, что многие идиомы и фразеологические словосочетания, представленные модальными словами, в русском языке синонимичны. Так, мы можем использовать другой лексический набор во фразах, но смысл их от этого останется неизменным:

- Собственно говоря, мы вечерами часто пили чай в этой беседке;
- Откровенно говоря, нам не стоит продолжать разговор в таком тоне.

Модальные слова характеризует их производное от других частей речи происхождение, которое определило их структурное многообразие, с одной стороны, а с другой – едва различимая граница модальных слов и других частей речи. Необходимо отметить, что модальные и вводно-модальные слова до настоящего времени не имеют четкую классификацию в лингвистической учебной и научной литературе. Не завершена дискуссия о том, признавать ли их как самостоятельный

класс слов, или рассматривать в составе других частей речи. Но при этом ученые нашли согласие в том, что модальные слова выполняют в предложении специфическую, присущую только им функцию.

Модальные слова в предложении можно разделить на две семантические группы, которые по своим лексико-грамматическим свойствам обозначают различные модальные значения:

- модальность уверенности, достоверности;
- модальность неуверенности, предположения.

Первая семантическая группа представлена модальными словами *действительно, правда, конечно*; вторая – *возможно, наверно, вероятно*. По существу, модальные слова и содержащиеся в них модальные значения определяют реальный состав объективной и субъективной информации, содержащейся в высказывании, присутствие в них уверенности или неуверенности предположения. По ним можно определить, как на самом деле индивидум относится к сообщаемому им факту, событию, предмету или явлению действительности. Так, он может поведать о своей уверенности, сомнениях, категоричности или нейтральном отношении к высказыванию. Фраза с применением модального слова, как правило, свидетельствует об уровне знаний, личного опыта или индивидуального восприятия события автором высказывания. Рассмотрим примеры с применением модальных слов, представляющих разные группы:

- Действительно, погода способствовала пешей прогулке;
- Вероятно, утренний туман не позволит нам совершить пешую прогулку.

В первом предложении выражена модальность уверенности, во втором – модальность предположения

Если сообщение передается по сведениям другого лица или оно основано на слухах, употребляются такие модальные слова, как: *допустим, кажется, предположим*, и т.д. То есть в тексте фактически дается ссылка на посторонние сведения или возможную недостоверность информации. Это явление можно проследить на конкретных примерах:

- Допустим, дед Пантелеймон действительно родом из этих мест, как говорят в селе;

- Кажется, Георгий говорил, что в кинотеатре идут фильмы «Цитадель» и «Остров»;

- Предположим, прогноз погоды оправдается, узнаем об этом завтра.

Все три фразы основаны на модальности предположения, содержат известную долю сомнения в достоверности утверждения.

Вводно-модальные слова представлены в русском языке значительно обширнее, чем группа модальных слов. Еще в 50-60-е года прошлого века лингвисты считали, что вводно-модальные слова семантически отдалены от предложения, не влияют на его функциональность, и могут быть оторгнуты без потери смысла высказывания. В современном русском языке наблюдается иная ситуация: языковеды признают, что связь вводно-модальных слов с предложением носит семантический характер, и они конкретизируют и подчеркивают оттенки контекста высказывания. Иными словами, модальные и вводно-модальные слова принимают непосредственное участие в формировании модального поля высказывания и являются его полноправной частью. Рассмотрим примеры:

- Князь Болконский, может быть, приедет, но не скоро;

- Возможно, я до срока стала старой, но только в этом нет моей вины.

В вышеприведенных фразах модальные слова использованы для формирования модальности предположения в высказываниях. Автор фразы имеет в виду, что князь приедет, но не высказывает своей уверенности, что это произойдет. Во второй поэтической строфе высказано неуверенное допущение о реальности высказывания.

Как мы убедились, практический анализ, произведенный на базе рассмотренных примеров, свидетельствует о том, что модальные слова имеют довольно обширный диапазон значений предположения. Они активно используются в произведениях литературы и в обыденной

повседневной устной речи. Мы также убедились в том, что многие модальные слова обладают инвариантным или синонимичным значением. В свою очередь, вводно-модальные слова, как правило, можно рассматривать в качестве постоянной константы, не передающей иные варианты значения предположения, кроме тех, которые заложены в них изначально.

Итак, мы можем выделить синонимичный ряд модальных слов, выражающих модальность предположения:

- *верно, видно, возможно, видимо, вероятно, кажется, по-видимому, может быть, наверное, пожалуй, предположим.*

Все эти модальные слова взаимозаменяемы, содержат похожие значения:

- возможно, что это так и есть;
- вероятно, это соответствует действительности;
- верно, наверное, приблизительно;
- может быть возможным;
- может оказаться вероятным;
- предположительно, это так.

Модальные слова *верно, вероятно, видимо, кажется, может быть* и т.п. используются в случаях, когда высказываемое предложение основывается на предположении, а не на знании факта, предмета или явления.

Модальные слова: *допустим, предположим, полагаю, должно быть* свидетельствуют о допущении того, что факт, о котором сообщается, может быть реальным, но автор высказывания не уверен в этом.

Употребление вводно-модального слова *очевидно* отсылает нас к пониманию того, что выражение сформировано на основе впечатления, предположения, но его автор уверен в достоверности сообщаемого факта, предмета или явления. Аналогично используется в языке и модальное словосочетание *по всей вероятности*. Отметим, что эти лексемы могут употребляться в любой части предложения, например:

- Однако день выдался неудачным;

- Какой неудачный, однако, день;
- Должен признать, что этот день неудачный, однако.

То же самое относится к устойчивому словосочетанию *по всей вероятности*. Проследим это на примерах:

- По всей вероятности, пойдет дождь;
- Сегодня, по всей вероятности, будет дождь;
- Нас ждет дождливая погода, по всей вероятности.

Из этих фраз становится очевидным, что их автор не уверен, что дождь действительно пойдет, но предполагает это.

В микрополе уверенного предположения входят следующие модальные и вводно-модальные слова, фразеологические словосочетания, обладающие синонимичным, универсальным толкованием значений:

- должно быть, надо думать, надо полагать, по всей вероятности, наверное, пожалуй.

Все эти лексемы передают уверенное предположение.

В микрополе сомнения включены модальные и вводно-модальные слова и фразеологические сочетания:

- возможно, может быть, вероятно, кажется, пожалуй, положим, и другие.

Весь этот синонимический ряд лексем передает смысловое значение сомнения.

Очень часто границы между уверенным, неуверенным предположением и сомнением размыты, порой сложно определить переход из одного семантического состояния в другое, особенно между неуверенным предположением и сомнением. Но в составе предложения, пересекаясь между собой и образуя группы слов, модальные и вводно-модальные слова могут взаимозаменять и взаимно дополнять друг друга. Мы убедились в этом при анализе конкретных практических примеров применения подобных слов в современном языке.

Иногда определить семантику модального или вводно-модального слова можно только в контексте высказывания. Например, рассмотрим

такое предложение:

- К сожалению, гражданский конфликт на Украине затянулся, и рассчитывать на то, что он скоро закончится, кажется, не имеет смысла.

В этой фразе использовано вводно-модальное слово *кажется*, которое нам сообщает, что автор высказывания сомневается в реальной действительности своего предположения. Эта фраза – из области догадок, действительный факт в ней – только сообщение о конфликте, все остальное построено на ощущениях, впечатлениях, предчувствиях. Но само слово *кажется* служит оттенком личностного отношения к сообщаемому, подтверждает, что респондента данная тема волнует, и он считает ее проблематичной.

Модальные слова иногда формируют в устной или письменной речи самостоятельное полноценное, завершённое предложение. Рассмотрим пример такого явления в языке:

- Пик распространения лихорадки Эбола успешно преодолён? Вполне возможно.

В приведенном высказывании вводно-модальное слово *возможно* усилено модальной частицей *вполне*. Создавшееся таким образом предложение выражает модальную категорию сомнения, которая подкреплена высокой степенью предположения. То есть автор фразы вполне допускает, что лихорадка Эбола будет успешно локализована и, в конечном счете, побеждена.

Характерно, что при использовании только одного вводно-модального слова *возможно* семантическая составляющая предложения кардинально меняется, например:

- Почтовая двуколка пришла на два дня позже, возможно, такая задержка стала уже привычной для обывателей.

Здесь мы фиксируем неуверенное предположение о реальности высказывания с едва заметным оттенком вероятности.

Приведем другой пример с использованием вводно-модального слова *возможно*:

- Возможно, Иван Иванович ожидал, что Иван Никифорович

обидится, что и случилось на самом деле.

В данном случае в контексте фразы содержится указание на модальность уверенного предположения. То есть Иван Иванович, поссорившись с Иваном Никифоровичем, заранее предполагал, что последнего это событие обидит.

Схожего семантического эффекта достигают и предложения с использованием вводно-модальных слов и фразеологических оборотов *по всей вероятности, по всей видимости*, например:

- По всей вероятности, он был впечатлен познаниями Дарьи Михайловны в русской словесности;

- По всей видимости, лед еще не застыл, и пользоваться зимником было невозможно.

Мы видим, что эти цитаты из классических литературных произведений несут в себе высокую степень достоверности предположения, основанную на уверенности литературных героев о личных, непосредственных знаниях ситуации, о которых идет речь в данных примерах. Категоричность, крайнюю степень убежденности их высказываний смягчает применение лексем *по всей вероятности, по всей видимости*.

Когда субъект речи не полностью уверен в реалистичности факта или явления, он часто выступает как бы в роли стороннего наблюдателя, не вмешиваясь в оценку высказывания, например:

- Пожалуй, Рудин был единственным, кто полностью знал, что происходит на самом деле.

В данном случае автор литературного произведения фактически предстает комментатором текста, выражающего при помощи вводно-модального слова *пожалуй* значение неуверенного предположения. Здесь же содержится и оттенок вероятности, допустимости того, что Рудин знает о каких-то делах, а автор высказывания не осведомлен о них.

Иная семантическая ситуация складывается при применении модального слова *наверное*. Обычно оно используется в высказывании с

модальностью предположения, которое содержит различные оттенки сомнения, например:

- Дарья Михайловна чувствовала тайное недоумение: первый раз ей пришло в голову, что дочь свою, наверное, она, в сущности, не знает.

В приведенном примере заложен неуверенный характер предположения: Дарье Михайловне казалось, что дочь ей близка, но вдруг выяснилось, что, наверное, она ее недостаточно хорошо знает.

Иногда вводно-модальное слово используется для передачи такого состояния, когда автор высказывания не уверен в реалистичности своего высказывания, но само предложение находится в поле предположения, например:

- Похоже, они не жалели о том, что Африкан Семенович не поспел к обеду.

В этом примере поле предположение создает вводно-модальное слово *похоже*. Но построение фразы свидетельствует о сомнении, высказанном в отношении опоздания Африкана Семеновича – то есть, может быть, хозяева жалели, что его нет, а может быть, и нет.

Различные оттенки возможности, вероятности привносит в предложение использование модального слова *может быть*:

- Может быть, у меня и большие уши, - сказал Лежнев. – Дело в том, что слова Рудина так и остаются словами, и никогда не станут поступком.

В приведенном примере выражена высокая степень предположения, которое имеет оттенок вероятности, допущения того, что словам Рудина не стоит доверять.

Как мы убедились из анализа текстов, модальные и вводно-модальные слова имеют множество оттенков предположения и сомнения. Они показывают, что автор высказывания пытается объяснить или трактовать по-своему реальные явления действительности. Зачастую сам автор не обнаруживает своего мнения, следит за ситуацией как бы стороны, являясь, по существу, ее интерпретатором. Иными словами, он не рассуждает о предметах,

фактах, явлениях объективной действительности, а словно моделирует их, в то же время, давая читателю понять о том, как он относится к этим явлениям и событиям, какова его степень доверия или недоверия к ним.

Модальные слова создают микрополя предположения или сомнения в высказывании, они обогащают речь, наполняя ее оттенками и нюансами смыслов.

3.3. Модальные глаголы

Модальные глаголы отличаются многообразием синтаксического функционирования в русском языке. Они используются как своеобразные синонимы морфологических средств языка, передающие разнообразные тонкие оттенки модальных значений.

Синтаксические функции глагольной грамматической категории инфинитива следует рассматривать с точки зрения категории слова, к которому он присоединяется, выражая при этом модальное значение. В современном русском языке модальные глаголы *хотеть*, *мочь*, *долженствовать* образуют разнообразные словосочетания, которые состоят или из форм глагола с лексическим значением, или формой инфинитива другого глагола.

В русском языке модальные глаголы представлены такими единицами речи, как *мочь (сметь)*, *уметь (хотеть)*, *долженствовать*. Эти глаголы образуют словосочетания, состоящие из формы глагола, которая близка к модальному выражению своим лексическим значением, и формы инфинитива другого глагола. В.П. Сухотин в работе «Синтаксическая роль инфинитива в современном русском языке» пишет: «Основная функция большинства инфинитивных конструкций заключается в выражении косвенных наклонений. Приглагольные инфинитивы выражают такое явление (действие, состояние), которое не рассматривается говорящим как совершившееся, совершающееся или имеющее совершиться, а мыслится как возможное, необходимое, желаемое, требуемое» (Сухотин, 1940: 92).

Выводы В.П. Сухотина были приняты как базовые, основополагающие, и на их основе проводились дальнейшие лингвистические исследования модальных глаголов. Но фундаментальных работ, посвященных модальным глаголам как средству выражения модальности предположения в русском языке, как таковых, нет, есть только примеры фрагментарного исследования этой проблематики в трудах разных авторов. Мы надеемся по мере возможности заполнить этот пробел настоящим трудом, который всецело посвящен категории модальности предположения.

Чаще всего в устной и письменной речи для выражения модальности предположения употребляются соединения глаголов с инфинитивом, которые выражают возможные или желаемые действия. Как правило, это глаголы *мочь* и *уметь*, а также глаголы, близкие по своей семантике к выражению модальности предположения, *намереваться*, *пытаться*.

Передавая модальное значение, модальные глаголы приобретают новое лексическое значение, по существу, утрачивая свой первоначальный семантический смысл. Так, в сочетании с инфинитивом модальный глагол в значении долженствовать выражает высокую степень вероятности, когда автор фразы не до конца уверен в факте или явлении, приведенном в предложении. Причем предположение может высказываться как о прошлых, так и настоящих явлениях или событиях. Рассмотрим эту особенность на примерах:

- Если мы решим вместе поставить теплицу, то должны завершить строительство в более короткие сроки;
- Александра Павловна должна была принести заболевшей кухарке молока.

В этих фразах засвидетельствовано знание авторов высказываний о предметах и явлениях реальной действительности, в них выражено уверенное предположение. Причем степень вероятности совершения конкретных дел достаточно высока, а степень сомнения мала.

Иногда предложения с применением модального глагола в

значении *долженствовать* имеют неоднозначную трактовку. Рассмотрим следующие примеры:

- Рудин должен вернуться к утру;
- Рудин, скорее всего, успеет вернуться к утру;
- Рудин обязан вернуться к утру.

В первом и последнем предложениях выражено уверенное предположение, высказанное посредством сочетания глаголов с инфинитивом *должен вернуться, обязан вернуться*. Второе предложение отличается некоторой долей сомнения: *скорее всего, успеет вернуться*, но может и не успеть.

В случаях, когда автор высказывания при употреблении модального глагола в значении *мочь* в сочетании с инфинитивом выражает личное мнение или впечатление, создается микрополе модального предположения, в котором отражено субъективное восприятие фактов или явлений действительности. Приведем следующие примеры:

- Сергей Павлович Волынцев может жить в имении Липиной;
- Александра Павловна могла уже побывать в усадьбе.

В этих фразах выражена неуверенность автора, выраженная в том, что пропозиция рассматривается как вероятная, возможная при определенных обстоятельствах. То есть Волынцев может жить в имении, а может и не жить там – так можно трактовать контекст первой фразы. Во втором предложении тоже нет полной ясности: побывала ли Александра Павловна в усадьбе, или еще нет. Модальный глагол в значении *мочь* в сочетании с инфинитивом создает предположение, которое выражается меньшей степенью вероятности или возможности, чем фразы с глаголом в значении *долженствовать*.

Как мы убедились, высокую степень предположения создает использование глагола в значении *долженствовать* с инфинитивом, а сомнения – употребление модального глагола в значении *мочь* в сочетании с инфинитивом. Кроме того, использование первого из вышеназванных глаголов указывает на зависимость от внешних

обстоятельств, на которые автор фразы практически не в состоянии оказать влияния. Употребление же второго глагола создает такую речевую ситуацию, когда реализация предположения в основном зависит от автора высказывания и его личностного влияния на событие. Рассмотрим пример:

- Учитывая, что Таджикистан находится в зоне сейсмической опасности, вполне вероятно, что в любой его области рано или поздно произойдет землетрясение.

Из приведенного примера понятно, что автор высказывания обладает реальными фактами, и его предположение основано на событии, которое в будущем может произойти, что говорит о достаточно высокой степени реализации пропозиции. Но неопределенность в плане того, когда произойдет землетрясение, выражено устойчивым словосочетанием *рано или поздно*, то есть точного прогноза в данном случае дать невозможно.

Несколько иная семантическая ситуация складывается тогда, когда речь идет о будущих событиях, основанных на реальных фактах, например:

- Сейсмологи зафиксировали слабые колебания земной коры, значит, скоро должно произойти землетрясение.

В предложении передается уверенное предположение, которое подтверждается учеными. Мы наблюдаем в нем трансформацию модального глагола в значении *долженствовать*, при котором он утрачивает свое лексическое значение. После этого изменения глагол выражает модальность предположения: показания приборов сейсмической станции дают основание предполагать, что землетрясение, скорее всего, на самом деле произойдет, и это случится в ближайшем будущем.

Неуверенное предположение выражается использованием модального глагола в значении *мочь* в сочетании с инфинитивом, например:

- Вместе с другом можно было бы гораздо быстрее сделать

прививку черенков в яблоневоm саду.

Автор высказывания полагает, что вдвоем работа пошла бы быстрее, то есть здесь высказывается оттенок желательности справиться с прививкой деревьев вдвоем с другом.

Итак, мы констатируем, что в современном русском языке широко используются модальные глаголы в сочетании с инфинитивом, выражающие:

- возможность (невозможность);
- способность (неспособность);
- намерение (стремление);
- долженствование (необходимость).

Однако функции и семантике этих языковых конструкций посвящено незначительное количество научных работ, в основном данная тематика рассматривается фрагментарно в фундаментальных трудах по общей проблематике функционально-семантического поля, выражающего модальность. В этих трудах само понятие *модальные глаголы* употребляется крайне редко. Сведения о передаче модальности предположения при использовании модальных глаголов в научных трудах не получили серьезной разработки.

3.4. Вводные модальные фразы

Функция и семантика вводных единиц в русском языке довольно широко описана в научных трудах по лингвистике. Объектом исследований становились:

- связи вводных конструкций с другими членами предложения;
- смысловые оттенки, которые они придают высказыванию;
- такие функциональные особенности, как использование вводных единиц в виде вставки в сложносочиненное предложение и т.т.

В нашем исследовании мы уже обращались к теме модальных и вводно-модальных слов. Следует отметить, что по способу функционирования в языке к ним близки вводные модальные фразы,

которые могут использоваться как в качестве вводного предложения, так и передвигаться в рамках предложения. Вводные модальные фразы являются способом выражения субъективной модальности, они не только подчеркивают отношение автора фразы к сообщаемому факту или явлению, но и формируют контекст, подтекст, иносказательность выражения.

В работе «О категории модальности и модальных словах в русском языке» В.В. Виноградов пишет: «Модальность, выражаемая вводными синтагмами, совершенно иного типа, чем модальность, включенная в форму предиката. Модальные краски и оттенки, создаваемые вставкой или введением этих синтагм, образуют как бы второй слой модальных значений в смысловой структуре высказывания, так как они накладываются на грамматический грунт предложения, уже имеющего модальное значение» (Виноградов, 1975: 57).

Когда в предложении возникает синтагматическое членение, вводные модальные фразы могут относиться как к отдельным членам предложения, так и ко всему выражению в целом. По своим функциям они близки к тем категориям модальных фраз, которые передают различные оттенки личностного отношения к реальной действительности и выражают ее достоверность, а также отражают эмоциональное состояние автора во время произнесения им предложения.

Не все вводные единицы речи относятся к категории модальности. Эту позицию очень образно определил А.Н. Гвоздев в работе «Современный русский язык»: «С категорией модальности связаны только те вводные слова, которые характеризуют, насколько ответственно говорящий относится к делаемым им заявлениям. Это слова (и сочетания слов), вносящие в высказывание значение уверенности, убежденности говорящего в том, что высказывается, и слова (и сочетания слов), вносящие в высказывание значение предположительности, неуверенности говорящего в том, что высказывается. Включенные в предложение вводные компоненты

становятся элементом его структуры, объективное и субъективное модальное значения тесно взаимодействуют между собой» (Гвоздев, 1958: 362).

В лингвистической научной литературе середины прошлого века вводно-модальные единицы считали словами, которые не имеют с предложением грамматической связи. Объяснялось это тем, что подобные единицы языка не вступают в связи (подчинительную или сочинительную) с другими членами предложения. Но дальнейшие исследования языковедов выявили группу лексико-семантических и грамматических средств, посредством которых возникает связь вводно-модальных единиц с основной частью предложения. Дело в том, что значительная часть вводных слов и фраз своим происхождением обязаны предложениям, которые в разной степени утратили предикативность, а некоторые из них сами являются полноценными предложениями. В современном русском языке определены следующие типовые значения:

- достоверность, уверенность сообщения;
- предположение, неуверенность сообщения.

Вышеназванные типы составляют значение субъективной модальности. В нашей работе мы наиболее пристальное внимание уделим вводным единицам, которые выражают типовое значение предположения.

Вводно-модальные фразы представлены в современном русском языке широко и разнообразно. В разговорной речи они имеют эмоциональную окраску, формируют стилистику высказывания:

- *другими (иными) словами,*
- *грубо (мягко) говоря,*
- *прямо скажем,* и др.

Мы уже отмечали, что вводными единицами могут быть модальные слова и целые фразы. Часто эти фразы состоят из существительного и предлога или устойчивого словосочетания:

- *по мнению (сведению, слухам, словам, идее);*

- по прогнозам синоптиков, по оценкам экспертов;
- судя по слухам, согласно мнению.

Водными единицами также могут быть глагольные формы и сочетания:

- полагаю, сомневаюсь;
- я думаю, я предполагаю;
- мне кажется, я сомневаюсь;
- говорят, предполагается и др.

Произведенная нами классификация позволяет сделать вывод, что вводные модальные фразы по лексико-семантическому и грамматическому содержанию можно разделить на два подтипа:

- предложения, высказанные от первого лица, с применением глаголов, выражающих знание и личное мнение: *я считаю, я думаю, я полагаю*. К этому подтипу относятся и глаголы, передающие инвариантное значение предположения или сомнения: *я предполагаю, я сомневаюсь*. Синтаксическими синонимами данных сингам являются: *мне думается, мне кажется* и др.

- ко второму подтипу относятся безличные вводные модальные фразы: *как представляется, судя по всему, скорее всего* и др.

Рассмотрев теоретическую часть, приступим к конкретным примерам:

- Предполагается, что в следующем году в Таджикистане будет увеличено производство картофеля.

В этом предложении выражена высокая степень вероятности о намерении в следующем году не только продолжить, но и нарастить производство картофеля. Примененная водная единица *предполагается* является способом выразить модальное значение предположения, она относится ко всему высказыванию.

Часто в разговорной речи и в диалогах литературных героев применяется вводная единица *по-моему*:

- По-моему, люди нынче слишком увлеклись гороскопами, предсказаниями, пытаюсь определить по ним свое будущее.

В данном примере выявлено предположение субъекта речи, который делает вывод о факте реальной действительности на основе собственных наблюдений – он считает, что увлечение гороскопами и пророчествами излишне, оно не приносит пользы.

Ссылки на оценки экспертов по социальной жизни, политике, отраслях экономики постоянно практикуются в средствах массовой информации. Приведем пример:

- Следует отметить, что, по оценкам экспертов, сейсмическая ситуация в нашем регионе в последнее время довольно спокойная.

Журналист в этой фразе выражает значение уверенного предположения, которое к тому же подкрепляется чьим-то авторитетным мнением (по оценкам экспертов).

Ссылка на достоверные сведения, адесат получения информации – довольно распространенное явление как в средствах масс-медиа, так и в разговорной речи:

- По слухам, Махмадсаид Убайдуллоев рассматривает вопрос о переносе оптового рынка «Корвон» на другое место.

Неуверенное предположение, выраженное вводной модальной фразой *по слухам*, в предложении сочетается со ссылкой на председателя города Душанбе – реальное должностное лицо. Но автор фразы не уверен, будет ли принято на самом деле такое решение, поэтому конкретизирует, что вопрос находится на стадии рассмотрения.

Вводная модальная единица *по идее*, как правило, применяется в предложениях, основанных на знаниях реального положения дел, в которых автор высказывания выстраивает логику обсуждения конкретного вопроса или проблемы:

- По идее, в столице давно назрел вопрос легальных парковок автомобилей, решение которого позволит повысить как безопасность дорожного движения, так и установление порядка на улицах города.

В этом высказывании выражено личное мнение автора фразы, которое передает предположение, приглашает к дискуссии по важному вопросу.

Вводная модальная единица *скорее всего* часто передает предположение с оттенком сомнения:

- Александрову, скорее всего, придется остаться в корпусе.

Автор фразы предполагает, что юнкеру не нужно покидать корпус, он почти убежден в этом, но все-таки полной уверенности нет.

Вполне достоверное, с допущением на неполное владение информацией, содержится во вводной модальной единице *судя по сведениям*.

- Выполнение Минского соглашения по ситуации в Донбассе вполне возможно, и, судя по сведениям, поступающим оттуда, а также по публикациям в прессе, первые шаги в этом направлении сделаны, но этого недостаточно, чтобы разрешить конфликт.

Журналист в данном случае ссылается на документ соглашения, но дает понять, что не обладает всей полнотой информации. Поэтому в предложении есть некоторый оттенок сомнения, недоверия в скорой и успешной реализации соглашения о перемирии.

В личных предложениях ясно выражается степень предположения или сомнения:

- Я предполагаю, что у нас должна появиться инфраструктура развитого туризма;

- Я считаю, что никакие, даже самые веские доводы, не способны однозначно разрешить эту проблему.

Первое высказывание содержит невысокую долю предположения, так как ее автор высказывает мнение, что инфраструктура должна появиться, но когда это будет сделано, абсолютно неясно. Второе же выражает уверенное предположение о неоднозначном, но вполне разрешимом вопросе.

В разговорной речи вводные модальные единицы *грубо говоря*, *прямо скажем* подчеркивают эмоциональность высказывания:

- Грубо говоря, мне уже надоело выслушивать твои жалобы на сложности жизни;

- Прямо говоря, тебе давно уже пора научиться самому решать

свои проблемы.

Приведенные примеры выражают высокую, уверенную степень предположения, они отражают личное мнение авторов высказываний. Если первое предложение содержит чувство досады на сетования собеседника, то во втором прямо указывается на то, что человек сам должен прилагать усилия для решения проблем и звучит призыв к собеседнику задуматься над этим.

Проанализировав теоретическую и практическую части исследования темы вводных модальных фраз, мы приходим к выводу, что их значение определяется по основному глаголу. Как мы убедились, эти фразы относятся как к отдельным частям предложения, так и ко всему выражению. Этому явлению в языке способствует синтагматическое членение предложения. В некоторых случаях сами вводные модальные знаки обуславливают такое членение предложений. В разговорной речи вводные модальные единицы определяют уровень не только высказываемого предположения, но интонационность и эмоциональность фразы.

3.5. Модальные синтаксические конструкции

Любое предложение является коммуникативной единицей языка. Оно может содержать в себе не только факты и явления реальной действительности, но и выражать отношение автора высказывания к этим явлениям и фактам. Как субъект коммуникации, предложение может быть побуждением к дискуссии, обсуждению какого-либо интересующего собеседников вопроса. В то же время оно может сообщать о конкретном факте. В соответствии с целью и задачей коммуникативной связи, предложение может быть повествовательным, вопросительным, побудительным. По способу своего формирования оно может быть простым или сложносочиненным.

Неотъемлемым атрибутом русского языка является предложение с модальным значением. Как мы уже проанализировали в настоящем

исследовании, модальное значение выражается самыми разными единицами языка: частицами, словами, вводно-модальными фразами и др. Важную роль в формировании модальности играют глаголы и формы их склонения. Также мы выяснили, что модальные значения формируют контекст, подтекст, инсказательность, интонационность, эмоциональность высказывания. Мы также можем констатировать, что модальное значение создает своеобразное коммуникативно-синтаксическое полотно высказывания, которое может быть построено посредством разных грамматических функций. Например, как мы уже убедились, единица, выражающая модальное значение, может применяться с одинаковым успехом в начале, середине или конце предложения, а может и вовсе составить отдельную фразу.

Модальность предположения, которая является темой данной работы, в русском языке передается следующими видами предложений:

- вопросительным;
- простыми повествовательными;
- с применением глаголов и их форм склонения;
- с применением модальных частиц, слов и вводных единиц и др.

В свою очередь, вопросительные модальные предложения подразделяются на три типа:

- собственно вопросительные;
- удостоверительно-вопросительные;
- предположительно-вопросительные.

Все перечисленные типы предложений отличаются лексико-грамматическим составом, интонационным и эмоциональным фоном, которые продиктованы задачами обретения новых знаний, получения необходимых сведений, выяснения мнения собеседника по конкретному вопросу.

Рассмотрим поочередно каждые из вышеназванных типов предложения.

Простые, или собственно-вопросительные предложения, как правило, являются средством коммуникации с собеседником, у которого

пытаются получить объективную, достоверную информацию о предметах, явлениях, фактах, событиях. При этом становится явным, что сам автор вопроса не обладает такой информацией, или ее уровень у него ограничен, неточен. Синтаксическая конструкция собственно-вопросительных предложений содержит в своем составе вопросительные местоимения, которые позволяют выразить те неизвестные нюансы или конкретные детали явлений, фактов, событий, которыми интересуется автор выражения. Рассмотрим следующие примеры:

- Хотелось бы узнать, какова тема вчерашней лекции, которую я пропустил?

- Я полагаю, вы доподлинно знаете, что опять натворил Александров?

В приведенных примерах автор первой фразы хочет получить сведения о теме занятий; во второй проявляется интерес к очередному проступку юнкера Александрова, суть которого автору высказывания неизвестна. По интонации простое вопросительное предложение ровное, объект речи не педалирует внимание на своем вопросе, он просто хочет выяснить интересующие его детали.

Удостоверительно-вопросительное предложение, которое бывает общего и частного характера, предполагает получение ответа на вопрос только в виде утверждения или отрицания. Общие предложения такого типа содержат сложные синтаксические конструкции и содержат лексемы, которые имеют значения удостоверительные: *верно ли, что; правда ли, что*. Рассмотрим примеры таких предложений:

- Правда ли, милый юноша, что вам уже не семнадцать лет? – спросил Отте.

- Я долго думал: верно ли поступил, не поставив в известность Иосифа Францевича, что намерен отлучиться.

Данный вопрос предполагает однозначный ответ: да или нет. Модальность предположения здесь передают сочетание частиц *не* и *ли*, которые расположены вокруг лексико-грамматического элемента, составляющего семантическую суть высказывания.

Аналогично общему строятся и удостоверительно-вопросительные предложения частного характера, которые по своему составу являются повествовательными. Они, как правило, более эмоциональны по способу выражения, иногда в них основное значение передается с помощью частиц *неужели, ли, разве*.

- Удивительно, неужели мы все разные, - сказал себе Адександров, - и разные у нас характеры, и в разные стороны потекут наши уже чужие жизни, и разная ждет нас судьба?

Помимо значения предположения, выраженного частицей *неужели*, в этой фразе содержится надежда юнкера на то, что на самом деле все будет иначе, что его предположение не осуществится.

- Разве не достаточно мое объяснение по поводу Вашего поступка? – спросил Синельников.

Значение предположения в этом предложении выражает частица *разве*, которая придает высказыванию оттенок сомнения.

Предположительно-вопросительные предложения составляют таким образом, что в них уже содержится желанный или предполагаемый ответ собеседника на заданный вопрос, либо опровержение собственных утверждений, догадок по поводу подробностей какого-либо события или явления. Их синтаксические конструкции аналогичны по лексико-грамматическому содержанию с повествовательным предложением, предположительно-вопросительные предложения синонимичны собственно вопросительным. Так же, как в удостоверительных предложениях, в них предполагается однозначный ответ на заданный вопрос – утвердительный или отрицательный.

Похожесть предположительно-вопросительных и повествовательных предложений выражается и в их функциональных свойствах, и в синтаксической конструкции. Модальность предположения в них выражается применением глаголов и их склонений, вводных элементов, интонационными особенностями, а также различной степенью предположения в диапазоне от уверенного утверждения до предположения и сомнения:

- *он, несомненно, приедет;*
- *он, вероятно, приедет;*
- *он едва ли приедет;*
- *он приехал бы, если бы...*

Рассмотрим примеры:

- Акакий Акакиевич, должно быть, прибудет к месту службы?
- Рудин, вероятно, приедет к рассвету, как и оговорено заранее, но, может быть, его что-то задержит?
- Александров едва ли приедет к намеченному сроку, как ты полагаешь?
- Князь приехал бы, как и обещал, если бы не полученное в бою ранение, не правда ли?

В этих предложениях выражается неуверенное предположение, которое передается с оттенком сомнения.

Очень часто в письменной и устной речи модальность предположения передается посредством использования форм будущего времени, то есть обозначения событий, действий, которым только предстоит произойти. Эти формы выражаются двумя способами:

- с применением простых форм у глаголов совершенного вида (*приедет, нарисует, поведает, сочинит* и т.д.);
- с применением сложных форм глаголов несовершенного вида (*буду петь, будешь петь, будем петь*).

Рассмотрим следующие примеры:

- Я полагаю, что с течением времени буду петь в студенческом ансамбле;
- Ты, несомненно, будешь петь на студенческом вечере;
- Если все сложится удачно, то мы будем петь на предстоящем концерте.

В первом и втором предложениях выражена высокая степень предположения, во третьем – неуверенное предположение, то есть, возможно, мы выступим на концерте, если этому будут сопутствовать определенные обстоятельства.

Семантико-грамматическая категория форм будущего времени содержит такие значения, как:

- предстоящее событие; то, что произойдет в будущем;
- модальность недействительности; то, что предположительно, скорее всего, не может быть реализовано.

Рассмотрим соответствующие примеры:

- Я с нетерпением жду солнечное затмение, возможно, мне удастся за ним понаблюдать;

- Хотелось бы верить, что внеземные цивилизации выйдут с нами на контакт, но сомневаюсь, что мы в состоянии создать надежные средства связи для такого события.

В первом высказывании его автор опирается на реальный факт – дату солнечного затмения точно определили астрономы, но он не уверен, что у него получится совершить наблюдение за этим редким природным явлением. Во второй фразе выражено неуверенное предположение, что в будущем может произойти контакт с гуманоидами, усугубленное сомнением в возможности реализации этого желания.

Следует отметить, что в русском языке довольно нечасто для передачи модальности предположения используются формы будущего времени. Как правило, это происходит тогда, когда автор высказывания осведомлен о реальном положении дел, но полной уверенности, как дальше будут развиваться события, у него нет, например:

- В Таджикистане разведаны огромные запасы минералов и самоцветов, но сроки, когда они будут разрабатываться в промышленных масштабах, не установлены.

Знания автора высказывания основаны на объективных общепризнанных фактах исследований специалистов геолого-минералогических наук, но он даже не может выразить предположение, когда и в каких масштабах будет производиться разработка месторождений полезных ископаемых.

Мнение автора высказывания может быть и субъективным, например:

- Думаю, что после завершения нового завода по производству цемента мы сможем не только полностью удовлетворить спрос местного населения, но и сможем экспортировать его в соседние страны.

В данном предложении высказывается мнение о предполагаемой мощности завода, которое сопровождается предположением о будущих перспективах.

Пропозиционный компонент *согласно планам* указывает в предложении значение субъективного предположения:

- Согласно планам руководства страны, отрасль электроэнергетики станет ведущей в развитии экономики.

Здесь указывается на планы, которые будут реализованы в будущем, в настоящем времени они только планируются к осуществлению. Высказано предположение, что объективная действительность – наличие гидроресурсов, опыт строительства крупных электростанций – способствует обеспечению энергетическую безопасность страны в дальнейшем, в необозначенной перспективе.

Значение предположения в простом предложении передается также глаголами, прилагательными и лексическими группами:

- *строить прогнозы;*

- *иметь все шансы;*

- *как рассказал;*

- *ходят истории;*

- *того и гляди;*

- *по идее, и др.*

Рассмотрим примеры:

- Сейчас принято строить прогнозы, что горные ледники в последующие годы будут таять более стремительно.

Выраженное в предложении предположение о том, что ледники в будущем уменьшат свои площади, основано на существующих прогнозах о глобальном потеплении на планете.

- Этот проект может иметь все шансы на успех, если своевременно начнется его финансирование.

Предположение, выраженное лексической группой *иметь все шансы* на успех, имеет неуверенную степень, так как одновременно дается ссылка на то, что проект может быть осуществлен только при его материальной поддержке.

Лексемы *ходят истории, того и гляди, по идее* свойственны, в основном, устной разговорной речи:

- Ходят истории, что ты готов писать новую книгу. Это правда?
- Если так пойдет и дальше, того и гляди, мы и вовсе не сможем общаться;
- По идее, с тобой бы не стоило говорить, если бы об этом не попросила твоя мама.

В словосочетании *ходят истории* содержится оттенок допустимости, проявляющийся тогда, когда автор высказывания не уверен в правдоподобии передаваемого сообщения. В таких случаях указывается на вторичность использованной информации, то есть она передана по слухам или по сведениям других лиц.

В приведенных примерах выражена слабая степень предположения. Подобные фразы используются и в письменной речи, в основном, в диалогах литературных произведений для выявления характеров героев и для придания достоверности обстоятельствам способом применения форм разговорной речи.

Оттенок желательности передается применением словосочетания с глаголом:

- Как рассказал юнкер Павленко, после обеда планируется собрать весь курс на собрание в столовой.

В этой фразе выражено значение предположения с оттенком желательности (словосочетание *как рассказал*) с применением глагола *планируется*. То есть, Павленко хочет, чтобы собрался весь курс, потому что запланировано важное для него собрание.

Значение модальности синтаксической конструкции часто передает вводный элемент предложения, например:

- Вполне возможно, что в случае с бунтом юнкера Александра

виновно начальство корпуса, которое, по идее, призвано следить за порядком и сохранять предписанный уклад.

Значение уверенного предположения в этом предложении передает лексическая группа *по идее*. Автор высказывания убежден, что руководство корпуса должно обеспечивать порядок, он выражает свою мысль в форме предположения, а не категорично.

В сложноподчиненном предложении значение предположения передается опорными словами с придаточной частью. Опорными могут быть следующие слова: *опасаться, считать, предполагать, сомневаться, казаться* и др., представленные глаголами, существительными, краткими прилагательными и другими частями речи. Как правило, они выражают особенности восприятия или мышления, содержат оценочные критерии, указывают на желательность, возможность, необходимость, целесообразность того или иного действия.

Рассмотрим примеры:

- Многие международные наблюдатели на выборах полагали, что они пройдут организованно, прозрачно и при высокой явке избирателей.

Инвариантное значение предположения в этой фразе передается глаголом *полагать*, который находится в главной части сложносочиненного предложения. В придаточной части предложения, присоединенной к главной местоимением *что*, выражается желательность наблюдателей на успешное проведение выборной кампании.

Аналогичное предыдущему примеру значение предположения передается и модальным словом *предполагается*.

- Наш университет в рейтинге отечественных вузов имеет одно из высших мест. Предполагается, что в следующем году на его факультеты будет принято большее количество иностранных студентов.

Предположение в данном высказывании подкрепляется значением возможности – есть все предпосылки для того, чтобы принимать в учебное заведение большее количество студентов из-за рубежа. Главная

часть предложения представлена модальным словом, которое имеет высокую степень предположения.

Опорное слово *сомневаться* может указывать на целесообразность действия:

- Нет никаких оснований сомневаться, что Александров выполнит данное им слово.

В этом предложении выражена высокая степень уверенности предположения, которое основано на реальной оценке отраженной в высказывании ситуации: обещанное, безусловно, будет выполнено.

В русском языке часто для того, чтобы привлечь внимание автора высказывания к сообщаемым фактам, выбирается сложное предложение:

- Борис прекрасно понимает, что должен выполнить задание вовремя, но опасается, как бы неожиданно предъявленные ему условия отобразить все параметры проекта в схемах и диаграммах не сказались отрицательно на и так сжатых сроках.

В данном примере синонимом глагола *опасаться* является глагол *сомневаться*, поэтому в предложении выражается сомнение – автор фразы не вполне уверен, что может справиться с поставленной задачей, так как возникли новые, непредвиденные обстоятельства.

В предложении, в котором содержится существительное *прогноз*, как правило, выражается неуверенное предположение:

- После долгих теплых дней синоптики выступили с пугающими прогнозами о том, что ожидается аномально морозная погода.

В приведенной фразе существительное *прогнозы* поясняет придаточное предложение. Автор выражения не уверен, сбудутся ли прогнозы синоптиков, поэтому не выражает к этому сообщению собственного личного отношения.

Значение предположения выражает также союз *будто*, использованный в сложноподчиненном предложении. Этот союз в сочетании с глаголами *передавать*, *рассказывать*, *показаться* вносит в предложение оттенок сомнения:

- Троекурову рассказали, будто Дубровский скрывается в лесу;
- Ему уже не раз передавали, будто бы появился некий разбойник, который грабит богатых и помогает бедным.

Эти предложения содержат значение предположения, которое показывает, что те лица, которые передавали сообщение, основываются на реальных фактах. Но при этом выражено сомнение в достоверности этих фактов, так как они переданы не от первого лица, а через другие источники сообщения (*рассказали, передавали*).

Аналогично в русской речи используется семантический союз *если (если бы)*, который в сочетании с глаголом передает в сложносочиненном предложении значение предположения с оттенком неопределенности:

- Конечно, если бы он знал об этом раньше, дело повернулось бы совсем по-другому.

В предложении отражено условие субъективной ирреальности, оно содержит значение предположения, но в такой языковой ситуации не указывается на суть проблемы и способ ее разрешения. Смысл настолько завуалирован, что даже контекст содержит неопределенность, то есть не позволяет выяснить, о чем на самом деле идет речь, так как придаточное предложение выражено в сослагательном наклонении.

Рассмотрим другой пример с применением названного союза:

- Если бы он мог хотя бы предположить, к каким последствиям приведет его решение, он поступил бы иначе.

В данном примере выражена модальность предположения, но в нем указывается, при каких условиях можно было достичь реальности пропозиции. То есть, первоначальная оценка реальной ситуации была ошибочной, поэтому автор высказывает мысль, что можно было разрешить проблему при принятии изначально правильного решения. В этом примере придаточное предложение содержит условие объективной реальности.

Если главный член предложения выражен инфинитивом, то придаточные условия содержат предполагаемые действия, чему

способствует союз *если*. Поскольку эти действия относятся к будущему времени, инфинитив в таких предложениях часто заменяется лексемой в форме будущего времени:

- Если, как советуют мудрые люди, готовить сани летом, то зимой ими можно будет воспользоваться сразу, как только они понадобятся.

Значение модального предположение сформировано во фразе несколькими факторами: употреблением семантического союза *если*, заменой инфинитива на лексему, примененную в форме будущего времени. Это придает предположению высокую степень вероятности: если соблюсти определенные предварительные условия, в будущем все осуществится в правильном направлении, то есть, в предложении обусловлена реальность пропозиции.

Если в предложении придаточное условие основано на нереальности действительности, оно выражает иной смысл и значение предположения:

- Если было бы так, что турист выбрал пеший маршрут, например, в Фанские горы, о которых упоминал в своей песне Юрий Визбор, но отправился не через Варзобское ущелье, а круглым путем, например, через Вахдатский район, дойти до нужной точки ему было бы гораздо дальше и сложнее.

В этом предложении содержится нереальное условие – то есть, существует прямой путь, а путешественник отвергает его; семантический союз *было бы* в сочетании с названным условием фактически передает предположение уверенного отрицания реального положения дел. Естественно, что при проложении каждого маршрута предпочтительно выбирать кратчайший путь.

В русском языке часто фигурирует такая ситуация, когда автор высказывания сам предполагает, обозначает то условие, при котором реальная пропозиция, в случае ее четкого выражения, была бы возможной:

- Рассуждать о том, что сложное положение дорожной ситуации в столице было бы невозможно предвидеть, не совсем корректно.

Увеличение количества автомашин на дорогах, слабое соблюдение водителями и пешеходами правил дорожного движения, не всегда хорошее состояние покрытия дорог – это очевидные факты. Если бы их своевременно отслеживали и анализировали, можно было значительно улучшить положение в этой важной для горожан сфере.

Автор фразы выражает свое мнение, он констатирует, что признаки сложности сложившейся дорожной ситуации были очевидны и ранее, но они не нашли должного внимания и аналитического подхода к дальнейшему развитию. Модальность предположения в данном случае выражает высокий уровень своего значения.

Как мы убедились в результате теоретического изучения и практического анализа, модальные синтаксические конструкции в русском языке используются в широчайшем разнообразии, они отражают тончайшие степени и оттенки выражения предположения. Употребление модальных синтаксических конструкций отмечается в литературных произведениях, статьях периодических средств массовой информации, а также в повседневной устной разговорной речи.

Итак, мы рассмотрели в этой главе основные средства выражения предположения в русском языке, которые передаются модальными частицами, вводно-модальными словами и фразами, модальными глаголами и синтаксическими конструкциями.

Функционально-семантическое поле предположения в русском языке образует система лексических, грамматических, фонетических средств разного уровня, которые объединены общим значением предположения. Они в разных сочетаниях и языковых ситуациях выражают модальность предположительности. Смысловым центром, ядром этой системы являются лексико-грамматические средства, передающие модальность предположительности: модальные частицы, вводно-модальные слова и фразы. Периферию системы составляют синтаксические и интонационные средства языка.

Ситуация предположения лежит и в основе инвариантного значения функционально-семантического поля предположения, которое

выражает не только прямое семантическое значение языковых единиц, но и самые различные их оттенки и нюансы, выраженные в микрополях уверенного предположения или сомнения.

В настоящем исследовании мы пришли к выводу, что между значениями неуверенного предположения и сомнения проходит настолько тонкая грань, что определить различия между ними довольно сложно, а иногда это и вовсе не представляется возможным, поэтому первое из вышеназванных значений следует рассматривать как оттенок речи. Конкретизировать значение в таких ситуациях возможно с помощью контекста выражения.

Микрополя неуверенного предположения и сомнения характерны тем, что они выражают разные степени уверенности автора высказывания в достоверности пропозиции. При этом выявляются оттенки неуверенного предположения или его иллюзорности, а также нюансы вероятности или слабого допущения предположения, которые выражаются лексико-грамматическими средствами языка.

Следует отметить, что вводные модальные фразы, к значениям которых в русском языке по своим функциям близки вводные модальные слова, являются средством выражения субъективной модальности. То есть во фразах с применением названных единиц языка выражается отношение автора высказывания к тому, что он сообщает. Иногда они функционируют, как мы убедились при анализе конкретных примеров, как самостоятельные вводные предложения. При этом вводными единицами могут быть как отдельные модальные слова, так и различные их сочетания.

Периферическими средствами модальности предположения являются, как мы отмечали, синтаксические и интонационные средства. Синтаксические средства включают в себя: будущее время в сочетании с вводными модальными словами и частицами; придаточные изъяснительные фразы, составленные также в сочетании с модальными словами; придаточные предложения, в которых выражены условия возможности или невозможности, реальности или ирреальности

сообщаемого. Основное смысловое значение в таких предложениях играет главную роль, модальное же значение предположение сообщает им различную тональность и оттенки богатства речи.

В простых предложениях модальность предположения передается средствами языка в значении вопроса. В простом вопросительном предложении, как правило, один из участников диалога стремится получить от другого необходимые сведения о явлениях, фактах действительности, которыми он сам не располагает, или его знания в этих сферах недостаточны.

В сложносочиненных предложениях модальность предположения передается при помощи придаточного изъяснительного предложения. В придаточных предложениях чаще всего степени уверенности или неуверенности модальности предположения передают модальные частицы, которые формируют и конкретизируют контекст выражения.

Необходимо отметить, что при проведении лексического анализа на конкретных примерах в данной главе диссертации мы использовали:

- цитаты из классических литературных прозаических произведений;
- строфы из популярных песен;
- статьи местных периодических средств массовой информации;
- русские пословицы и поговорки;
- фразы из повседневной обиходной речи.

Использована также справочная литература и словари.

ГЛАВА IV

ОСНОВНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ

При написании данной главы было изучено большое количество научных работ ведущих отечественных и зарубежных специалистов в области исследования лингвистики. Общие знания о выражении категории модальности в разных языках свидетельствуют о выражении отношения к действительности в сообщении автора высказывания, которое передается следующими грамматическими и лексическими средствами:

- различными формами наклонений;
- модальными вводными фразами и словами;
- модальными синтаксическими конструкциями;
- интонационными возможностями языков.

Нашей целью является определить основные средства выражения модальности в таджикском языке, воспользовавшись при этом методом сопоставительного анализа с английским и русским языками.

В современном таджикском языкознании принято определение значений объективной и субъективной модальности. Выражая отношение автора высказывания к предметам, фактам и явлениям реальной действительности, в таджикском языке значение объективной модальности передается грамматическими средствами и означает, что субъект воспринимает сообщение собеседника как реально существующий и достоверный факт. Грамматическими средствами передачи модальности при этом являются категории наклонения и времени, а также интонационные средства выражения личностного отношения к сути и смыслу высказывания.

Содержание субъекта речи, не соответствующее реальной действительности, когда высказанное сообщение воспринимается как предположительное, возможное, желаемое или сомнительное,

обозначает значение объективной ирреальной модальности. Она, в свою очередь, подразделяется на семантические виды:

- выражение необходимости и значения долженствования;
- выражение возможности и невозможности;
- выражение побуждения;
- выражение предположения;
- выражение намерения;
- выражение желательности.

Выражение личностного отношения автора высказывания к тому, что он сообщает, обозначает значение субъективной модальности. В таджикском языке лексическими средствами значения субъективной модальности являются:

- порядок слов в предложении;
- интонационное оформление речи;
- употребляемые в речи лексические повторы;
- модальные слова, частицы и междометия;
- вводные слова, словосочетания и предложения.

Лексические, грамматические и фонетические средства таджикского языка формируют функционально-семантическое поле предположения. Как правило, вышеназванные разноуровневые средства языка объединены значением предположения; они выражают значение модальности предположения. Функционально-семантическая категория модальности образуется посредством взаимодействия функционально-семантического поля предположения и других модальных микрополей в предложении. Ядро модального поля в таджикском языке образуют следующие наклонения модального глагола:

- изъявительное наклонение (индикатив);
- повелительное наклонение (императив);
- сослагательное наклонение (конъюнктив);
- предположительное (неочевидное) наклонение.

Такая системность присуща и выражению категории модальности в русском языке.

В отличие от таджикского и русского языков, в английском не наблюдается аналогичного ядра, так как в нем отсутствует специальное наклонение, которое может выражать предположение. Поэтому в нем все составляющие модального поля предположения равноправны, хотя и отличаются разнообразием, и они образуют своеобразную семантику в диапазоне от убывающей до возрастающей степени вероятности, то есть отдаляются или приближаются к модальной действительности. В этом выражается специфика функционально-семантического поля модальности предположения в английском языке.

В сопоставляемых нами языках в качестве одного их наиболее употребляемых способов выражения модальности являются модальные глаголы, а также их наклонения. В труде «Русский язык. Грамматическое учение о слове» В. В. Виноградов пишет: "Категория наклонения - это грамматическая категория в системе глагола, определяющая модальность действия, т.е. обозначающая отношения действия к действительности, устанавливаемое говорящим лицом" (Виноградов, 1986: 581). Этому ученому принадлежит и вывод, что объективную реальность выражают модальные глаголы, а субъективную – вводные единицы языка.

М.Н. Касымова, исследуя связи категории наклонения глагола и категории модальности, отмечает: "Модальные отношения тесно связаны с наклонениями глагола. Разные оттенки значения модальности реализуются именно с помощью наклонений глагола" (Касымова, 1976: 215).

Итак, мы выделили основные средства определения категории модальности предположения в таджикском, английском и русском языках. Рассмотрим более подробное каждое из этих средств методом сопоставительного анализа категории модальности в таджикском и английском языках.

4.1. Модальные глаголы и их наклонения в сопоставляемых языках

Как уже отмечалось, основными средствами передачи модальности в языке являются модальные глаголы и их наклонения. В таджикской лингвистике изучением значений и функций этих единиц языка занимались такие исследователи, как С.Д. Арзуманов, М.Т. Джаборова, П.Д. Джамshedов, В.С. Расторгуева, А.З.Розенфельд, Б.С. Сиёев, Д.Т. Таджиев и другие.

Общую характеристику модальных глаголов в таджикском языке дает в своем труде Б. С. Сиёев. Ученый считает таковыми «группу глаголов, которые своим лексическим значением не обозначают ни действие, ни состояние, а лишь выражают модальные отношения говорящего к совершению действия основного глагола» (Сиёев, 1968: 88). Кстати говоря, Б.С. Сиёев пристальное внимание уделил модальному глаголу *ёрасатан*, выражающему возможность, допустимость совершения действия. Однако при анализе текстов его использование не выявляется.

В таджикском языке группу модальных глаголов составляют глаголы *тавонистан*, *хостан*, *шоистан* и *боистан*. Они по своим грамматическим свойствам делятся на две группы:

- спрягаемые модальные глаголы *тавонистан* и *хостан*,
- неспрягаемые модальные глаголы *шоистан* и *боистан*.

Предметом дискуссии таджикских лингвистов стал модальный глагол *хостан*, применение которого в современном таджикском языке они интерпретируют по-разному. Также научный спор ведется о синтаксических функциях употребления в письменной и устной речи модальных глаголов *шоистан* и *боистан*.

Как известно из нашего исследования, в английском языке количественный состав модальных глаголов представлен значительно шире, чем в таджикском языке. Однако следует учитывать, что разнообразие лексических средств одного языка позволяет учитывать семантическую идентичность, которая может выражаться различными грамматическими средствами в другом языке. Поэтому вопрос перевода

письменных текстов и разговорных фраз с таджикского языка на английский представляется специфическим, зависящим от квалификации переводчика. Правильно оценить значение модального глагола и найти его идентификационную сопоставимость в лексике может только переводчик с хорошим уровнем базовых знаний в такой тонкой сфере, как категория модальности, где иногда лишь оттенки слова выявляют истинное значение языковой единицы.

Тема выражения модальности в таджикском языке, рассмотренная в разных аспектах, затронута в работах таджикских лингвистов М.Г. Шахобовой (1985) и Н.С.Носировой (2002).

Как уже упоминалось, категория модальности выражается модальными глаголами, которые отражают широкую палитру выражения отношений автора высказывания к предметам, действиям или явлениям. Свойствам конкретизации этих отношений способствуют такие категории, как объективная и субъективная модальность

В таджикском и английском языках методом сопоставительного анализа выявлены идентичные свойства модальных глаголов, определенные по их способам и принципам функционирования в сопоставляемых языках. Так, в отличие от обычных глаголов, модальные не выражают конкретного действия, но содержат значения необходимости, возможности, вероятности, сомнения, желательности действия. При этом модальные глаголы создают в речи интонационный фон предложения, при их помощи выражается эмоциональное состояние автора высказывания.

В отличие от глаголов, модальные глаголы ослабляют или частично теряют свое первоначальное значение. Они, по существу, только передают отношение долженствования или желательности относительно действий или явлений, передавая при этом различные оттенки модальности. Диапазон этих оттенков широк, способы их выражения разнообразны. Модальность предположения, которая представляет в настоящей работе основную проблему исследования, варьируется от значения предположения с различной степенью

уверенности до предположения, в котором выражены неуверенность или сомнение.

Модальные глаголы в сочетании с основными глаголами в английском языке образуют сложное модальное сказуемое (modal compound predicate). В синтаксическом плане модальные глаголы, по существу, являются служебными.

Мы уже упоминали в анализе модальных глаголов в английском языке, что морфологически они, по определению англоязычных лингвистов, являются недостаточными или дефектными. Такое определение они получили потому, что не обладают некоторыми формами, характерными для обычных глаголов. Выражению значения модальных глаголов служат глагольные формы наклонения. При этом следует в целом рассматривать лексико-семантический аспект выражения, а также глагольную конструкцию, которые передают модальное значение.

В предыдущей главе мы уже отмечали, что модальные глаголы в английском языке не подвержены спряжению по лицам и числам. При этом основной глагол в предложении выражен инфинитивом без частицы *to*. Именно таким образом выявляются грамматические особенности модальных глаголов. Из этого следует, что в глагольных конструкциях ни основной глагол, ни модальные глаголы не определяют четкую соотнесенность конкретного индивидуума к совершенному действию, практически выявляя только оттенки отношений автора фразы к высказыванию.

В отличие от английского языка, в таджикском языке содержится спряжение по лицам и числам, выраженное в глагольных конструкциях с употреблением модального глагола. Так, модальные глаголы *тавонистан* и *хостан* имеют личные глагольные окончания, в чем состоит их отличие от модальных глаголов *can* и *will* в английском языке. Но в глагольной конструкции в таджикском языке основной глагол, примененный в неличной форме, выраженный в причастии прошедшего времени вкупе с модальным глаголом *тавонистан*, имеет

сходство с глагольной конструкцией с модальными глаголами *can* и *will* в английском языке, ввиду того, что они тоже сочетаются с неличной формой глагола. Аналогичное сходство имеет и употребление полного и усеченного инфинитива с модальным глаголом *хостан*.

Итак, мы определили, что использование модальных глаголов *тавонистан* и *хостан* в таджикском языке отличается от использования модальных глаголов *can* и *will* в английском языке тем, что обозначение лица и числа в таджикском языке проявляются и в основном, и в модальном глаголе. Значение модальности модальные глаголы *can* и *will* английского языка приобретают в глагольной конструкции.

Модальные глаголы *шоистан* и *боистан* не спрягаются по лицам и числам в таджикском языке, так же, как и аналогичные им модальные глаголы в английском языке *may* и *must, should, ought, need*. Но при этом в переводческой деятельности следует учитывать, что в глагольных конструкциях, содержащих в своем составе модальные глаголы *шоистан* и *боистан*, отражается принадлежность индивидуума к совершаемым действиям, чего не наблюдается в конструкциях с модальными глаголами *may* и *must, should, ought, need*. Исключение в рассмотренных аспектах составляют модальные глаголы *to have* и *to be*, которые спрягаются.

Модальные глаголы, выражающие значение необходимости в таджикском и английском языках, используются в одной грамматической форме. Основные глаголы, за исключением формы *мебоист* в таджикском языке и модальных глаголов *to have* и *to be* в английском языке, также играют большую роль в выражении модальных значений.

Модальные глаголы английского языка *future indefinite, tense in, indicative mood* (исключение здесь составляет модальный глагол *to have*), имеют грамматическую форму будущего времени в изъявительном наклонении, что не присуще модальным глаголам

таджикского языка. В то же время английские модальные глаголы в *imperative mood* не употребляются в повелительном наклонении, аналогичная ситуация наблюдается и в таджикском языке.

Отличительной особенностью употребления модальных глаголов в таджикском и английском языках является место расположения модального глагола относительно к основному глаголу. Так, место расположения модального глагола в таджикском языке не подвержено строгой фиксации, они могут находиться как в начале, так и в середине предложения, сохраняя при этом свое лексическое значение и при отдалении от основного глагола. В английском языке место расположения модальных глаголов в предложении имеет строгую фиксацию, так как они используются только в препозиции к основному глаголу. Кроме того, в английском языке модальные глаголы (за исключением *to have*) образуют значение отрицательных и вопросительных форм, в чем заключается их отличие от основных глаголов. В таджикском языке модальные глаголы не обладают такими свойствами.

Модальные глаголы (за исключением *to have* и *to be*) в английском языке не предполагают наличия неличных форм глагола, которые в таджикском языке выражаются в модальных глаголах *тавонистан*, *хостан*, *боистан*. Следует отметить, что модальный глагол таджикского языка *шояд* тоже не обладает функцией неличных форм глагола, как и его английский аналог *may*.

4.2. Глагольные конструкции в таджикском и английском языках

Рассмотрев модальные глаголы таджикского и английского языков методом сопоставительного анализа, приступим к исследованию грамматической характеристики конструкций с модальными глаголами в этих языках.

В современном таджикском языке широко используется модальный глагол *шояд*, который выражает неуверенное

предположение возможности совершения какого-либо действия в следующем значении: оно может свершиться, а может и не произойти. В английском языке ему соответствует модальный глагол *may*, который по своему семантическому смыслу и способам выражения аналогичен модальному глаголу *шояд*. У названных модальных глаголов отсутствует неличная форма глагола.

В предложении значение модального глагола *шояд* определяется и конкретизируется при помощи основного глагола, в пропозиции к которому он употребляется. При этом основным глаголом, который обладает формами времени изъявительного, сослагательного и предположительного наклонений, а также лица и числа, в грамматической глагольной конструкции находится после модального глагола *шояд*. Применение модального глагола *шояд* придает предложению различные оттенки значения, присущие основному глаголу в прошедшем, настоящем или будущем времени. Аналогичный по смыслу модальный глагол *may* выражает в английском языке грамматическую характеристику глагольной конструкции, его спрягаемые формы отражены в *indicative* и *subjunctive moods*.

Модальный глагол *may* в *indicative mood* идентичен модальному глаголу *шояд* в форме изъявительного наклонения. Он в предложении точно так же выражает значение основного глагола, который выражает возможность совершения какого-либо действия в рамках существующей объективной действительности, придавая основному глаголу оттенки модальности значений широкого семантического спектра. Грамматические формы модального глагола *may* проявляются в предложении в использовании его в настоящем и прошедшем времени в разном сочетании с такими формами основного глагола, как *indefinite infinitive*, *perfect infinitive*, *continuous infinitive*.

Модальные глаголы *шояд* в таджикском языке и *may* в английском языке выражают вероятность, возможность совершения определенного действия, которое может быть совершено или не реализуется сейчас или

в будущем. Они свидетельствует о том, что автор высказывания не до конца уверен в своем предположении. Глагольные конструкции, в которых используются модальные глаголы *шояд* и *тау* в сочетании с основным глаголом, паритетно употребляются как в вопросительных, так и в отрицательных предложениях. Рассмотрим примеры:

- Шояд вучуди онҳо ба машаққат ҳисороти калон мерасонад?

- May their exist hurt to our country?

- Ту шояд ҳайроп шавӣ, ки чӣ гуна тифли хурде, ки ҳамаг нух сол дорад, ҳамин чизҳоро доништа метавонад;

- You may wonder how a small child, only nine years old, can know these things.

В приведенных примерах выражена возможность действий, но авторы высказываний не окончательно уверены в реальности их осуществления, они только высказывают свои предположения.

Иная языковая ситуация возникает тогда, когда автор высказывания допускает возможность совершения действий:

- Шумо ки аз они худӣ ва одами дилпурмешудагӣ ҳастед, мегуям, шояд ягон маслиҳати пек медиҳед;

- You are from ours and trustful man;

- I am saying that you might give me a good advice.

В данном примере выражена возможность реализации действия, основанная на желательности автора высказывания в ее исполнении.

В глагольных конструкциях с применением модального глагола *шояд* не фиксируется значение разрешения, которое выражается модальным глаголом *тау*. В таджикском языке в такой ситуации употребляется аналогичная по смыслу глагольная *форма мумкин будан или тавонистан*, например:

- Хуб, ҳамааш ҳамин, ту метавонӣ равӣ;

- Well, that's all, you may leave;

- Ман ин нишонро барон аз купрук гузашта тавонистанамон мегирам; - I will take it as a sign that we may pass the Bridge.

В высказывании также может фигурировать упрек или замечание, например:

- Воқеан, шояд худат дойра мезанӣ?
- Actually might you play yourself on doira?

В данном примере отражена ситуация, когда автор высказывания не удовлетворен реализацией действия основного глагола.

Форма *might* в сочетании с перфектным инфинитивом в английском языке может передавать оттенок сетования или сожаления в связи с тем, что не произошло то действие, которое могло бы совершиться. Аналогичная языковая ситуация складывается в глагольной конструкции, содержащей основной глагол в сочетании с модальным глаголом *шояд* в перфектном времени изъявительного наклонения, в таджикском языке, например:

- Ту шояд суоли мухимро фаромуш кардай...
- You might have missed the finer points...

В выражении может содержаться конкретное предложение или совет в тех случаях, когда автор фразы намеревается совершить то или иное действие, например:

- Шояд онҳо номи Асо Хайриддинзодаро якумин бор мешуниданд...
- They might hear the first time a name of Aso Khairiddinzoda ...
- Ман фикр мекунам, ки ин ҳамон маргест, ки шояд озодӣ медиҳад;
- I think it may be that death will be really a release.

Модальный глагол *шояд* в глагольных конструкциях в разных сочетаниях с основным глаголом передает различные степени предположения и сомнения, формируя значение категории модальности в предложении. В английском языке эту же функцию выполняет форма *subjunctive mood* модального глагола *may* в английском языке, которая сочетается с основным глаголом без употребления частицы *to*.

В вопросительных и отрицательных глагольных конструкциях наблюдаются такие ситуации, когда высказывается возможность, которая основана на предположении о том, что автор высказывания

допускает реальность осуществления какого-либо действия в будущем, например:

- Исо ин ғазали худро дар вақти сисолагаш гуфтааст ва умед кардааст, ки дар чиҳилу панҷсолагӣ шояд аз ин шаст раҳой ёбад;

- Iso had written this his poetry at his thirty and hoped that at forty-five he might be rid of poverty.

- Фикр кун ту шояд ин фоидаро соли оянда истифода кунӣ;

- Think you might find this useful for next year.

Модальный глагол *шояд* в сочетании с необходимой формой основного глагола в таджикском языке аналогичен по своим функциям сочетанию *might* с *indefinite continuous* в английском языке в случае, когда предположение имеет сиюминутный характер, то есть высказывается в момент произнесения фразы:

- Стан шояд муддати якчанд шаб бо мусофиронаш гуфтугу карда истодагист;

- Stan might be telling his passengers in a few nights time.

- Шояд мусафеди бетавфики ту даст пеш гирифта, бо чону дил ба ваъзгӯии он занак гуш карда истодагист;

- Your old man having taken two his hands'with all his heart might be listening to chatting of that woman.

Иная глагольная конструкция складывается, когда значение предположения выражает то, что уже прошло. В таком случае модальный глагол *шояд* сочетается с прошедшей формой наклонения основного глагола в таджикском языке, что аналогично сочетанию модального глагола *might* с *indefinite perfect* в английском языке:

- Духтури мухтарам шояд шунида бошад, ки дар муддати зимистон нигоҳдории аккумуляторҳо худ ба сари худ як боби томи дониши техникист;

-The respected doctor might have heard that the rules of keeping accumulators constitute one full unit of technical knowledge.

- Ман шояд онро дар тарабхопа фаромуш карда бошам;

- I think I might've left it in the bar.

Итак, произведя сопоставительный анализ грамматических особенностей глагольных конструкций с модальными глаголами *шояд* и *тау*, мы можем сделать некоторые выводы:

- по своим функциям модальные глаголы *шояд* и *тау* являются служебными. В английском и таджикском языках как самостоятельные члены предложения они не используются;

- модальные глаголы в сочетании с основными глаголами образуют составное модальное сказуемое, причем, каждая из составляющих его единиц обладает присущим ей грамматическим значением;

- модальные глаголы *шояд* и *тау* не спрягаются по лицам и числам; обозначенные модальные глаголы в предложении находятся в препозиции к основному глаголу;

- модальный глагол *тау* по своим грамматическим свойствам используется в отрицательных и вопросительных формах предложения;

- модальные глаголы *шояд* и *тау* не обладают неличными формами глагола.

Глагольные конструкции с модальными глаголами *боистан* и *must, should, ought, need, to have, to be* грамматически передают в предложении значение необходимости совершения действия. Следует отметить, что в некоторых случаях они являются способом выражения предположения с высокой степенью уверенности:

- в ситуации, когда предположение относится к прошедшему времени, а действие, которое предполагается, выявляется до высказывания, например:

- Туйи калон мебоист дар Бухоро, дар хавлии колони гузари Арабон будагй, мешуд;

- A big marriage must have been at Bukhara in big yard of Arabon.

Предположение с высокой степенью уверенности проявляется также в такой языковой ситуации, когда одновременно в выражении

совпадают предполагаемое и констатированное в предложении действие, например:

- Ҳа, бояд кори бачаҳо бошад, чунки халтаҳои сементи тақсим накардаанд;

- Of course it must be the boy's work because the bags of cement had not dealt.

- Ман бояд ба назди Дементовҳо фароям;

- I must go down to the Dementors.

Модальные глаголы *боистан* и *must* не спрягаются в сочетании с основным глаголом в предложении, в чем отражаются их аналогичные грамматические особенности. Однако модальный глагол *боистан* по выполнению грамматических функций в глагольных конструкциях не является глаголом-модификатором. В то же время в идентичной ситуации модальный глагол *must*, по существу, в глагольной конструкции является в сочетании с основным глаголом грамматическим центром предложения. Выражение лица и числа модального глагола *боистан* в глагольной конструкции в сочетании с основным глаголом выделяется окончаниями *ам, -й, -ад, -ем, -ед, -анд* в основном глаголе. В глагольном сочетании модальный глагол *must* выражается личными местоимениями, которые сопутствуют основному глаголу.

Как мы убедились, место положения модального глагола *боистан* не фиксируется четко относительно основного глагола, оно выражается разнообразно, то есть может находиться в разных частях предложения. Эта функция отличает его от применения модального глагола *must*, место расположения которого по отношению к основному глаголу имеет строгую градацию.

Модальный глагол *шояд*, который в глагольной конструкции употребляется в сочетании с основным глаголом в условно-сослагательном наклонении, широко и разнообразно используется в таджикских литературных произведениях для выражения широкого спектра оттенков значения предположения.

Грамматические и семантические значения и функции модальных глаголов и глагольных конструкций можно более углубленно изучить, исследовав формы и функции наклонений глагола.

4.3. Формы и функции наклонения модальных глаголов в таджикском языке

Наклонение глагола - это одна из отличительных черт глагола. При помощи наклонений говорящий выражает совершение, процесс и завершение действия, а также его отношение к реальности. Отношение действия к реальности называется наклонением. Наклонение выражается посредством своих спрягаемых форм. Инфинитив сам по себе не имеет наклонения и, если он присутствует в составе глаголов как основной элемент, то они, благодаря спрягаемым формам вспомогательных глаголов, приобретают оттенки наклонения:

- *хоҳам рафт (буду идти);*
- *омадан гирифт (продолжил идти);*
- *гуфтагир (продолжай говорить)* и т.д.

В таджикском языке 4 наклонения и все временные формы глагола по своему значению и особенностям относятся к следующим видам наклонения:

- изъявительное;
- условно-сослагательное;
- повелительное;
- предположительное наклонение.

Предположительное наклонение выражает предположение, неуверенность, сомнение и имеет три времени: прошедшее, настоящее и будущее. Временные характеристики таких глагольных форм выражаются в зависимости от структуры, строя предложения и примененной в нем фонетической составляющей, то есть интонации, с которой совершается высказывание.

Самая распространённая форма предположительного наклонения

образуется от причастия, которое выражается двумя формами: полная и сокращенная. Полная форма глагола в предположительном наклонении образуется от причастия в прошедшем времени посредством суффикса -*гй* с добавлением сокращенной формы *ст* от *хает*, и личных окончаний.

Третье лицо единственного числа употребляется как основа без окончаний. Ниже приведем спрягаемые формы глагола *хондан*.

Единственное число:

- *хондагистам* – возможно, я читал;
- *хондагистй* – возможно, ты читал;
- *хондагист* – возможно, он читал.

Множественное число:

- *хондагистем* – возможно, мы читали;
- хондагистед* – возможно, вы читали;
- хондагистем* – возможно, они читали.

Хотя сокращенная форма таких предположительных глаголов создается по вышеуказанному правилу, они несколько отличаются друг от друга. Краткая форма слова *хаст* (*ст*) наблюдается только в 3 лице единственного числа, ударение обычно падает на последний слог.

Единственное число:

- *хондагиям* – наверное, я читал;
- *хондагий* – наверное, ты читал;
- *хондагист* – наверное, он читал.

Множественное число:

- хондагием* – наверное, мы читали;
- хондагиед* – наверное, вы читали;
- хондагиянд* – наверное, они читали.

В данном случае эти два способа выражения предположительного наклонения являются формами прошедшего времени. Они также служат основой для образования других времен предположительного наклонения. В просторечном языке и диалектах встречаются и другие формы этого наклонения.

Простая форма глагола *будан* обычно выражает настоящее время,

иногда будущее время, например:

- Если тот, кто в парандже, не Пулод, то, возможно, он посредник.

Он, наверное, кто-то из ее избранных, - говорил он;

- Шоди пошел в управление джамоата, - сказал старик, - он, возможно, там.

Настоящее-будущее время предположительного наклонения образуется путем добавления префикса *ме-* к причастию прошедшего времени (со суффиксом - *гй*) и личному местоимению.

Единственное число:

- *меомадагистам* – может быть, приду;

- *меомадагистй* – может быть, придёшь;

- *меомадагист* – может быть, придёт.

Множественное число:

- *меомадагистем* – может быть, придем;

меомадагистед – может быть, придёте;

меомадагистанд – может быть, придут.

- До прихода весны, возможно, выстроим, а, товарищ Баротов?

– Нет, все еще не продал – сказал продавец шляпами в ответ.

- Должно быть, уже продали, а мои деньги вложили в свой бизнес,

-сказал Коришкамба, выражая тем самым свое сомнение. –

Откуда я знаю, тратятся, наверное, где-нибудь.

Теперь, возможно, люди больше не придут.

Предположительное наклонение также имеет настоящее время (определенное), в состав которого входит основной глагол в виде деепричастия (прошедшее причастие) и вспомогательный глагол *истодан*, выступая в форме предположения прошедшего времени с полной или краткой формы спрягаемых окончаний.

Единственное число:

- *хонда истодагистам* – вероятно, я читал;

- *хонда истодагистй* – вероятно, ты читал;

- *хонда истодагист* – вероятно, он читал.

Множественное число:

- *хонда истодагистем* – вероятно, мы читали;
- *хонда истодагистанд* – вероятно, вы читали;
- *хонда истодагистед* – вероятно, они читали.

Приведем пример:

- Ему представились страшные вещи, может быть, он застрелен басмачами и сейчас, истекая кровью, падает в какую-то пропасть, умирает.

В художественной литературе и в разговорной речи существуют и другие способы выражения предположительного наклонения. Иногда слово *эхтимол* выступает в форме предположительного глагола в одном предложении и подчеркивает оттенки наклонения, например:

- Наверное, еще что-то понадобилось, - сказали они и принялись делать свою работу.

Глагольные формы аориста, которые образуются посредством аориста *будан* и в других случаях модальными словами *эхтимол*, *бояд*, *шояд*, *мабодо*, *мумкин*, *мумкин аст*, выражают оттенки наклонения и являются синонимами предположительных форм глагола:

- Эхтимол бояд омадагист – вероятно, он уже пришел;
- Возможно, он принес им известие от него.
- Саид Амон, вспоминая рассказы народа, думал про себя, что, наверное, эта была часть деревьев, которые Мунавваршах посадил.
- Ему должны завтра отдать документы.
- Может быть, несчастная старуха ждет своего сына.
- Как бы они не подумали чего-нибудь плохого.

Аорист, или форма настоящее-будущее, вместе со смысловым оттенком предположения в связи со структурой предложения, интонацией и смысловыми отношениями глаголов или других членов предложения, по сути дела, относится к предположительному наклонению:

- Но мне кажется, что дядя Ёдгор не сможет сегодня пойти на мельницу. Что у него в голове?

Итак, мы рассмотрели модальные глаголы и их наклонения,

которые, являются основным средством выражения модальности в таджикском языке.

4.4. Сопоставительно-контрастивный анализ вводных модальных единиц в таджикском, русском и английском языках

Категория вводности воплощает в себе постоянную связь речи с объективной реальностью, в ней речь выразительно проявляет свою независимость от языка. В вводности фокусируются многогранные семиотические отношения, непосредственно (а не через структуру языка) направленные на внелингвистическую действительность. Ни устная, ни письменная речь не могут существовать без вводных единиц. Поэтому неудивительно, что интерес к ним как со стороны лингвистов-теоретиков, так и практиков непрерывно возрастает.

Природа вводных компонентов остается, однако, во многом нераскрытой. Недостаточно ясна их семантическая структура, что находит отражение в неразработанности классификации вводных единиц; также не совсем определен их синтаксический статус: исследователи спорят о том, "вводятся" ли они в процессе порождения речи в предложение извне, или же конструируются в процессе обособления и дальнейшей парцелляции. К решению этих вопросов, по-видимому, можно приблизиться путем проведения серии психолингвистических экспериментов, но это не является задачей настоящей работы.

В данном исследовании избран другой подход: проводится сопоставительно-контрастивный анализ таджикских, русских и английских вводных единиц. При этом имеется в виду, что их соответствие в сопоставляемых языках, выявленное практически, предоставляет возможность изучения вариативности вводных единиц языков во всем их разнообразии. Таким образом, мы можем выявить общие закономерности схожести или различия использования этих единиц в таджикском, русском и английском языках.

Цель раздела состоит в выявлении соответствий таджикским

вводным единицам в английском и русском языках и английским вводным единицам в таджикском и русском языках, а также теоретическая интерпретация данного языкового материала в сопоставительно-типологической перспективе. Выявляемые в ходе работы таджикско-английские, англо-таджикские, таджикско-русские и русско-таджикские соответствия, способы передачи вводных единиц с одного языка на другой относятся к одной из наиболее живых сфер речевой субстанции, знание которой для осуществления нормальной коммуникации исключительно велико.

Вводные компоненты со значением *рассудочная оценка* составляют одну из самых высокоупотребительных групп вводных единиц в сопоставляемых нами языках. В соответствии с ономаσιологическими установками, выделяется ряд логико-семантических оттенков, выражаемых вводными компонентами со значением убеждённости соответствия высказывания объективной действительности, не содержащие в то же время указания на характер этой убеждённости.

Наиболее распространенные вводные слова данного разряда:

- английский - *surely*;
- таджикский – *албатта*;
- русский – *конечно*.

Рассмотрим употребление данных вводных слов на конкретных примерах:

- My dear child you are not surely promised, fiancée to this youth;
- Бачаҳаки азизи ман, ту, албатта, ба ин ҷавон номзад шудай.
- Дорогое моё дитя, ты, конечно, помолвлена с этим юношей.

Среди вводных слов данной подгруппы особое место занимает англ. *indeed*, также соответствующее во многих случаях значению тадж. *албатта*. Своеобразие *indeed* состоит в том, что оно, подобно *certainly*, имеет некоторые текстообразующие функции. Вводное слово не только указывает на соответствие данного высказывания объективной действительности, но и отмечает, что данное высказывание как бы

подтверждает истинность предыдущего высказывания:

- He did not object to our proposal. Indeed he gave several reasons for supporting it Quirk;

- Ў ба таклифи мо зид набуд. Дар ҳақиқат, ӯ якчанд далелҳоро овард:

- Он не возражал против нашего предложения. В самом деле, он привёл несколько доводов в его поддержку.

Таким образом, *indeed* может рассматриваться как своего рода соответствие развернутому высказыванию.

Рассмотрим следующую группу вводных словосочетаний:

- английский язык – *i might go so far as to say*;

- таджикский язык – *ман ҳатто гуфта метавонистам, ки...*

- русский язык – *я даже сказал бы, что...*

Вводные компоненты в данном случае не мотивируют формулируемого отношения к высказыванию, заключая в себе в то же время неполную убежденность в соответствии высказывания объективной действительности; в них имплицитруется та или иная доля сомнения.

В зависимости от оценки степени соответствия высказывания объективной действительности, эти вводные компоненты могут быть разделены на подгруппы, отмечающие:

- несомненность рассматриваемого соответствия;

- предположительность рассматриваемого соответствия;

- вероятность рассматриваемого соответствия.

С данной ономаσιологической позиции английские и таджикские эквиваленты могут реализовать:

а) Отсутствие всякого сомнения в соответствии с высказыванием реальной действительности выражается компонентами, рассмотренными выше, однако в данном случае может иметься в виду некоторая доля имплицитного сомнения, которая как бы отрицается; этим достигается особая выразительность в утверждении соответствия смысла высказывания фактам объективной действительности. Такая

функция свойственна следующим вводным словам:

- английский – *doubtless*;
- таджикский – *бешак, бешубҳа*;
- русский – *несомненно, без сомнения*.

Рассмотрим следующие примеры:

- *Doubtless*, the Egyptian or Mesopotamian would have solved the problem in other way;

- Бешубҳа, сокинони Миср ва Месопотамия масъалаи пештоқро дигар ҳал ҳал мекарданд:

- Несомненно, жители Египта или Месопотамии решили бы проблему фронтона по-другому.

б) Соответствие высказывания по отношению к объективной действительности в некоторых случаях, при определенных обстоятельствах, может иметь значение предположения. Данное отношение выражается следующими вводными компонентами:

- английский – *conceivably*;
- таджикский – *аммо*;
- русский – *как, однако*.

Рассмотрим следующие примеры:

- The testimony of the best men may conceivably, not be trustworthy;

- Шаҳодатномаи одамони беҳтарин ҳам, аммо, чунон ки тахмин кардан мумкин аст, нодуруст бошанд;

- Свидетельства лучших людей, как, однако, следует предполагать, могут быть недостоверными.

в) В других случаях соответствие высказывания объективной действительности оценивается лишь как вероятное, например:

- She does not answer asleep, perhaps?

- Вай ҷавоб намедод. Мумкин аст, ӯро хоб бурдааст;

- Она не отвечала. Может быть, она заснула.

В разговорной речи в данном значении наиболее употребительно *maybe*, которое чаще всего встречается в инициальной позиции,

например:

- Maybe Brett doesn't want to speak about it, dear;
- Мумкин, азизам, Бретти дар ин бора гуфтан намехоҳад;
- Может быть, милый, Бретти не хочется говорить об этом.

г) Вводные компоненты, подразумевающие, что соответствие обозначения объективной действительности может быть получено или подтверждено путем логического вывода, в ходе рассуждения:

- Obviously, nobody expected us to be here to-day;
- Маълум аст, ки ҳеҷ кас имрӯз омадани моро интизор набудааст;
- Ясно, что никто не ожидал, что мы сегодня будем здесь.

д) Вводные компоненты, также оценивающие высказывание на основании логического вывода или рассуждения, но характеризующие его не как истинное, а как вероятное, возможное:

- There was Mrs Penterland, who was apparently a famous beauty;
- Дар он *чо* миссис Пентерланд буд, ки аз афти кор, соҳибчамоли машхур ба ҳисоб мерафт;
- Там была миссис Пентерланд, которая, очевидно, являлась признанной красавицей.

е) Вводные компоненты, оценивающие, в каком отношении, в каком смысле комментируемое высказывание соответствует действительности. В ряде случаев субъективно постулируется «реальность» именно данного высказывания:

- He was, very independent extravagantly so, in fact;
- Вай чунон соҳибхитиёр аст, ки ин, дар ҳақиқат, ки ғайримуқаррарӣ аст.
- Он очень независим, даже как-то необычно, в самом деле.

ж) Вводные компоненты, квалифицирующие смысл высказывания как универсальную истину:

- Fundamentally, the process consists in etc...
- Дар ҳақиқати ҳол, ходиса иборат аз...
- По существу, процесс состоит в ...

з) Вводные компоненты, отмечающие ту или иную степень

отдаленности смысла высказывания от объективной действительности: речь даже может идти о контрасте между смыслом высказывания и объективной действительностью, об их противопоставлении:

- The possible number of human articulations is theoretically infinite.
- Имкониати артикуляцији одам, назариявӣ, беохир аст;
- Теоретически, возможное количество артикуляций у человека бесконечно.

Большое значение в характеристике анализируемых единиц имеют позиционные и стилистические особенности вводных единиц, выступающих в функции рассудочной оценки.

Связи вводных единиц с указанными компонентами предложения анализируются с элементами лингвистического эксперимента; выясняются условия, при которых допустимо или недопустимо присутствие или отсутствие той или иной вводной единицы в предложении. На этом основании в качестве особой черты некоторых вводных единиц выделяется их союзная функция, ряд случаев квалифицируется как «полуобособление».

Подход с точки зрения синтаксических связей вводных слов с другими компонентами в предложении позволяет на основе анализа конкретного языкового материала эксплицировать функции вводных единиц в предложении, причем соответствующие связи выявляются одновременно в двух языках, это позволяет интерпретировать их с большой степенью вероятности как явление универсальное. В ходе анализа было определено, что вводные единицы могут относиться к следующим разновидностям других компонентов предложения, выделяя их своими специальными комментирующими значениями:

- один из однородных членов предложения;
- обособленный член предложения;
- некоторый другой член предложения (сравнительно редко).

В нашей работе рассматривается характер связей вводных единиц с компонентами предложений, выступающих в различных синтаксических функциях и имеющих различную грамматическую

структуру.

Для примера ниже приводятся вводные компоненты, связанные с обстоятельствами:

а) С обособленным обстоятельством:

- There was just one seat left behind the Jim Crow sign, of course;

- Албатта, дар ақиби нишокаи Чим Кроу аз тарафи чап ҷое боқӣ монда буд;

- Слева осталось одно местечко – за знаком Джима Кроу, разумеется.

б) С одним из однородных обстоятельств:

- She drove a car well, and of course I fast, but never to danger of herself;

- Ӯ машинаро хуб ва, албатта, тез меронд, аммо ҳеҷ вақт ба хатар дучор нашуда буд;

- Она вела машину хорошо и, конечно, быстро, но никогда не подвергала себя опасности.

в) С обстоятельством, которое не является обособленным и не входит в ряд однородных обстоятельств:

- He did not know Bosinney very well, and studied him attentively, for perhaps the first time in his life Soams felt a kind of sympathy for that sardonic tinsman;

- Вай Босийро он қадар хуб намедонист ва ӯро хуб омӯхт ва, шояд, бори якум дар ҳаёташ, Соума ба ҳамқавми бадқахр худ таваҷҷӯҳ пайдо кард;

- Он не очень хорошо знал Босия и принялся внимательно его изучать первый, наверное, раз в своей жизни. Соума испытал что-то наподобие расположения к своему сардоническому роду.

Итак, мы выявили, что многие вводные компоненты употребляются в сопоставляемых языках аналогичными способами. Характер связей вводных единиц с компонентами предложений, выступающих в различных синтаксических функциях и имеющих различную грамматическую структуру, в сопоставимых языках является

разнообразным. Мы убедились, что вводные единицы, передающие предложению значение категории модальности предположения, употребляются в произведениях литературы, в письменной и устной речи.

Если в сопоставляемых языках нет аналогичного слова, выражение модальности предположения может быть осуществлено в наборе соответствующих языковых единиц, или выявлено в контексте рассматриваемого предложения. Это важно учитывать в переводческой деятельности, так как границы микрополя модальности тонки, едва различимы, иногда трудноопределяемы, они выражают различные оттенки предположения, сомнения и т.д. В связи с этим, при обучении специалистов в области перевода с одного на другие языки и подготовке их к практической деятельности, особенно важно углубленное изучение функционально-семантического поля и микрополей модальности предположения, в частности.

Важным также является вопрос о роли позиции вводной единицы, с точки зрения ее значимости для эффективного выражения связей с другими словами в предложении. Необходимо иметь в виду, что такие обобщения или выводы не исчерпывают основного содержания диссертации: именно конкретное сопоставление употребления вводных единиц в таджикском, русском и английском языках, основанное на контрастивном анализе текстовых примеров, по нашему мнению, имеют наибольшую эвристическую ценность.

Именно поэтому мы выбрали в своем исследовании метод рассмотрения конкретных примеров употребления вводных единиц в сопоставляемых языках. Наряду с изучением теоретической части, рассмотрение практического выражения категории модальности предположения мы сочли наиболее эффективным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе мы установили, что теория полей представляет особый интерес и является объектом изучения в современной лингвистике. Первостепенной задачей мы определили исследование структуры организации, а также типологии отдельных полей в пределах одного языка, и сопоставление их в разных языках. Основное внимание в работе было направлено на комплексный подход рассмотрения категории модальности предположения в русском, английском и таджикском языках.

Объектом нашего исследования явилось изучение категории модальности предположения, а также основные лексико-грамматические средства ее выражения в сопоставимых языках. При этом учитывалось, что до сих пор не существует однозначных критериев, которые четко определяют семантические особенности и принципы разграничения понятий модальности предположения и модальности достоверности, которые в каждом языке имеют множество семантических оттенков. Эта тема является недостаточно изученной и дискуссионной.

В настоящей работе применена методика сопоставительно-типологического и сопоставительно-контрастивного анализа лексико-грамматических средств выражения категории модальности предположения. Материалом для исследования послужили тексты, содержащие исследуемые языковые единицы, в частности, из научных трудов по лингвистике и произведений художественной литературы на русском, английском и таджикском языках, а также статьи из местной периодической печати. Были использованы также источники из интернета. При написании работы мы обращались к справочной литературе: толковым словарям, энциклопедическим словарям, двуязычным словарям. Использован также полевой подход в виде интервью с различными собеседниками для получения достоверных

образцов повседневной речи, послуживших исходным материалом для практической части исследования, то есть приведения конкретных примеров из устной обиходной речи.

В нашей работе под функционально-семантическим полем как базовую основу исследования мы приняли систему разноуровневых средств языка, которые объединены на основе общности и взаимодействия их семантических функций. Эти средства – морфологические, синтаксические, словообразовательные, просодические, лексические – служат для выявления оценки автором высказывания признаков явления, предмета, факта как реального или нереального; выявления уровня его знаний по обсуждаемой теме; выявления предположения по поводу конкретных фактов и явлений действительности; а также степени его убежденности, предположения или сомнения в том, что он говорит.

Модальность является семантической категорией, которая разными способами находит свое выражение в языке. Она представляется своеобразной характеристикой предложения, неотъемлемым атрибутом высказывания. Функционально-семантическое поле предположения на протяжении многих десятилетий является дискуссионной темой в лингвистике. Проблема заключается в том, что между понятиями объективной и субъективной модальности не существует четкого разграничения, для выражения их значений часто применяются аналогичные или идентичные лексико-семантические и грамматические средства. Определить эту границу, как мы выявили в настоящем исследовании, иногда можно только посредством рассмотрения контекста (подтекста, иносказания) высказывания, которое содержит различные оттенки предположения, его тонкие нюансы. В работе этот вывод подкреплён анализом конкретных примеров письменного и устного языков в сопоставительном анализе с единицами других языков.

Как правило, модальность предположения представляет субъективную оценку реальности явления или факта в той степени, в

какой автор фразы владеет знаниями об этом предмете. Фактическое отличие нереальных модальных значений, к которому относится значение предположения, от реальных отличает то, что, в принципе, оно может быть причислено к реальным значениям при наличии определенных условий и обстоятельств и по мере их реализации.

В случаях, когда у автора высказывания отсутствует полная информация относительно пропозиции, возникает ситуация предположения. Для выражения ее значения используются различные лексические и грамматические средства, которые, по сути, образуют микрополе предположения. Как мы убедились, категория модальности предположения универсальная, она представлена во всех рассматриваемых нами языках.

В русском, английском и таджикском языках присутствует широкий спектр лексических и грамматических средств, которые образуют микрополе модальности предположения. Функционально-семантическое поле предположения представляет собой сложную структуру, которая состоит, в большинстве случаев, из сложносочиненных предложений. В составе такого предложения содержатся основное ядро и периферийная часть.

Как мы выявили в результате исследования, в русском и английском языках отсутствуют специфические глагольные формы, которые выражают значение предположения. Наречия, вводные модальные слова, частицы, фразы, обладающие основным значением предположения, составляют в этих языках ядро функционально-семантического поля предположения. Синтаксические конструкции, словосочетания будущего времени и т.п., по отношению к которым значение предположения вторично, находятся на периферии поля.

На конкретных практических примерах мы рассмотрели в настоящей работе, как в сопоставляемых языках различаются значения предположения. Их градация находится в широком диапазоне и варьируется от различной степени уверенности до предположения, в котором выражены неуверенность или сомнение в возможности

осуществления пропозиции. В связи с этим мы дифференцировали в функционально-семантическом поле предположения в английском языке следующие микрополя: уверенного и неуверенного предположения и сомнения. В аналогичной структуре русского языка мы определили два микрополя: уверенного предположения и сомнения.

Учитывая, что при рассмотрении категории модальности предположения важно исследовать само понятие модальности, мы уделили ей пристальное внимание. Категория модальности выражается модальными глаголами и их наклонениями, глагольными формами и конструкциями, которые отражают отношение автора к предметам и реальным явлениям действительности. Также мы выяснили, что, в отличие от обычных глаголов, модальные не выражают конкретные действия, но они содержат значения необходимости, возможности, вероятности, сомнения, желательности действия. При этом они создают интонационный фон предложения, выявляют эмоциональное состояние автора высказывания.

Значение предположения передаются такими синтаксическими средствами, как различные структуры сложноподчиненных предложений. В них во всей полноте выражаются различные нюансы возникновения предположения:

- недостаточность информации;
- субъективное восприятие информации;
- передача слухов, чужих доводов, мнений;
- ссылка на источник информации.

Итак, мы проанализировали все основные средства передачи модальности предположения в английском, русском, таджикском языках, а также произвели подробный сопоставительно-контрастивный анализ использования вводных единиц в таджикском, английском и русском языках. При применении метода сопоставления мы выявили сходства и различия применения модальных единиц в трех языках.

Отдельный акцент был сделан на применении модальных глаголов с обобщенной семантикой в русском языке, содержащих значения *уметь*

(*мочь*) и *долженствовать*, которые довольно часто употребляются в предложениях, в которых выражается категория модальности предположения. Эти модальные глаголы, как и многие другие, применяются во всех трех сопоставляемых языках, но наиболее присущи они именно русскому языку.

При многих аналогиях в способах и методах функционирования модальных единиц в сопоставляемых языках, существуют и отличия. Так, диапазон лексических и грамматических средств английского языка, которые передают различные степени предположения и сомнения, по сравнению с русским и таджикским языками, гораздо шире и дифференцированнее, что значительно обогащает как письменную, так и устную форму этого языка. Но, например, разнообразием модальных частиц английский язык не отличается. В русском же языке ограничено количество модальных глаголов, выражающих предположение. Мы уже отметили, что в этом качестве используются модальные глаголы со значением *мочь* и *долженствовать*, которые не располагают тем богатством оттенков значения, которые присущи английскому языку. Вместе с тем, в английском языке существует определение недостаточного, или дефектного модального глагола, так как эти единицы не обладают целым рядом форм, присущих данной лингвистической категории. В русском и таджикском языках таких модальных глаголов не содержится. Разительно отличаются в трех языках и модальные синтаксические конструкции, где ядро составляет основной глагол, а единицы с модальными значениями могут находиться как в препозиции, так и в постпозиции предложения. Так, в английском языке место расположения модального глагола имеет строгую иерархию, а в таджикском и русском языках место положения модального глагола не подвергается четкой фиксации.

Порой модальные единицы во всех сопоставляемых языках составляют отдельные, самостоятельные предложения. Это могут быть, в частности, и предложения, состоящие из одного слова – *да* или *нет*. Обычно они являются ответами на вопросительные предложения.

Таким же образом используются и междометия, и другие модальные части речи.

Мы подробно рассмотрели использование модальных единиц, выражающих категорию предположения в главах нашего исследования. В первой главе рассмотрены базовые основы исследования функционально-семантического поля модальности предположения; теория поля и полевой подход к описанию категории модальности предположения; основополагающие принципы, пути, способы и лингвистический аспект определения ФСП предположения. Далее основательно проработаны вопросы основных средств выражения модальности в английском языке: рассмотрены модальные глаголы, слова и частицы. Аналогичная глава посвящена выражению модальности в русском языке, где рассмотрены модальные частицы, глаголы, вводно-модальные слова и фразы, а также модальные синтаксические конструкции. В главе о выражении модальности в таджикском языке рассмотрены модальные глаголы и их наклонения сравнительно применению их в русском и английском языках, а также произведен сопоставительно-контрастивный анализ вводных единиц в трех сопоставимых языках. Теоретическая часть работы построена на осмыслении трудов известных лингвистов с приведением цитат из их работ, собственных наблюдений и выводов. Практическая часть работы основана на приведении конкретных примеров и их анализе.

Мы определили, что модальные вводные значения в сопоставимых языках играют огромную роль, но проводили их исследования в разных главах относительно к одному из языков – русском, английском и таджикском. В заключительной части работы мы решили выявить их универсальное значение, обобщить их одинаковые функции в трех языках, а также различия в каждом из них, то есть подвести итог особенностей применения вводных единиц в сопоставляемых языках.

Как показывает проведенное исследование, важной чертой вводных единиц является наличие парадигматических рядов. При этом очень существенно, что эти парадигматические ряды, наряду с

вводными единицами, включают также полноправные предикативные единицы, сопряженные с другими единицами обычными синтаксическими связями. Это показывает процесс порождения вводных единиц, при этом раскрываются их связи на уровне глубинных структур. То, что подобные парадигматические отношения характерны для сопоставляемых языков, позволяет предположить универсальный характер указанных процессов порождения самих вводных единиц.

Наряду со структурной парадигматикой, для вводных единиц характерна развернутая синонимия, позволяющая охватывать самое широкое поле коннотации.

Классификация вводных единиц по своей природе имеет универсальный характер, поскольку она ориентирована, во-первых, на общие структурные закономерности сочетания морфем, слов и словосочетаний, во-вторых – на всеобщие семиотические связи.

В то же время каждый из сопоставляемых нами языков индивидуален в отношении статистического преобладания тех или иных структурных типов.

Что касается таджикского и английского языков, то сходство по классам вводных компонентов между ними достаточно велико, так как оба языка – аналитические.

В классификационном отношении до сих пор наименее упорядоченной оставалась семантическая сторона. Представляется, что предложенный в данном исследовании принцип семантической квалификации снимает некоторые трудности, но, разумеется, немало деталей классификации нуждается в дальнейшем уточнении, с привлечением материала других языков.

Особая сторона функционирования вводных единиц в предложении – их способность соотноситься с теми или иными невводными компонентами. Сопоставительный анализ русского, английского и таджикского материала показывает, что в сопоставляемых языках прослеживается одна и та же закономерность, которая, соответственно, с большим основанием может рассматриваться

как тяготение к универсальности. Речь идет о том, что вводные компоненты могут соотноситься с одним из трех логических слоев предложения:

- пропозициональном;
- в соотношении с обособленными членами;
- в соотношении с однородными членами.

Таким образом, исследование связей вводных единиц позволяет взглянуть с совершенно новой стороны на структуру предложения, оно как бы открывает новое ее измерение. В самом деле, если первый из этих логических слоев – непосредственная реализация пропозиции – прямо отражает некоторый фрагмент объективной действительности, то другие логические слои по-иному относятся к ней. Так, однородные члены порождаются в результате «суммирования» ряда пропозиций; обособление может рассматриваться как логически редуцированное выражение отдельной пропозиции.

Следовательно, вводные члены предложения имеют не только чисто семиотические функции, они наряду с этим позволяют выявить малозаметные с других точек зрения структурные особенности, возникающие вследствие особого характера взаимосвязи языка и мышления.

О некоторых особенностях вводных компонентов в каждом из сопоставляемых языков было сказано выше; совокупность сходств и различий зафиксирована в корпусе исследования. Ниже приводится ряд суммирующих положений:

- в структурном отношении сходства, несомненно, преобладают над различиями;
- английские вводные компоненты обладают более широко развернутой синонимией;
- таджикские вводные компоненты очень разнообразны в этнологическом отношении;
- сходство между сопоставляемыми языками более явно в сфере высокоупотребительных частотных единиц;

- различия позиций вводных единиц малосущественны, так как они определяются законами порядка слов в сопоставимых языках.

В исследовании мы определили, что значение модальности предположения передаются многообразными средствами, в которые входят, в том числе, существительные с предлогами, модальные частицы и междометия. Следует отметить, что по результатам рассмотрения цитат из классических литературных произведений, изданий периодической прессы, пословиц и поговорок, был сделан вывод, что некоторые средства выражения категории модальности относятся только к письменной речи, а другие, особенно просторечные выражения – только к устному обиходному способу коммуникации.

Мы полагаем, что настоящим трудом вносим свою скромную лепту в дальнейшую разработку сложной темы выражения модальности предположения в сопоставляемых языках.

БИБЛИОГРАФИЯ

А. Литература на русском и таджикском языках

1. Абдуллина А.А. Иерархическая структура категории локальности в русском языке // Теория поля в современном языкознании. - Уфа, 1997. - С. 109-112.
2. Абрамов В.П. Синтагматика семантического поля. – Ростов-на-Дону, 1999. – С. 112.
3. Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. - Praha: Academia, 1968. - С. 96.
4. Адмони В.Г. Введение в синтаксис немецкого языка. М., 1958. – С. 242.
5. Адмони В.Г. Основы теории грамматики. М.-Л: Наука, 1964. – С. 105.
6. Адмони В.Г. Синтаксис немецкого языка. – М., 1973. – С. 143.
7. Адмони В.Г. Язык как единство системы отношений и системы построения / В.Г. Адмони // Филол. науки. - 1963. - № 3. - С. 3-15.
8. Алгазина Т.С. Вводно-союзные компоненты в структуре предложения и текста: Автореф. дис. канд. филол. наук.- М., 1994. – С. 17.
9. Алисова Т.Б. Дополнительные отношения модуса и диктума // ВЯ, 1971. -№ 1.- С. 54-68.
10. Аникин А.И. Основные грамматические и семантические свойства вводных слов и словосочетаний // Русский язык в школе. - 1956, № 4. - С. 22-27.
11. Анисимова Л.Н. Вводно-модальные слова и их отношения к структуре предложения в современном русском языке. - Автореф. дисс. канд. филол. Наук. - Воронеж, 1982. – С. 19.
12. Апресян Ю.Д. Методы изучения значений и проблемы структурной лингвистики // Проблемы структурной лингвистики. М.,

1963. - С. 102-149.

13. Апресян Ю.Д. Понятие лингвистической модели // Русский язык в школе, 1996. - № 2.- С. 3-15.

14. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков / В.Д. Аракин. М.: Просвещение, 1989. – С. 256.

15. Арама Б.Е. Психолингвистический аспект категории модальности: Автореф. дис. -М., 1995. – С. 23.

16. Арутюнова Н.Д. Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. - М., Наука, 1996. – С. 168.

17. Арутюнова Н.Д. Модальные и семантические операторы // Облик слова / Сб. статей.- М., 1997. - С. 22-38.

18. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия. - 1969. – С. 487.

19. Базарбаева З.М. Типологическое исследование интонации вводных единиц в английском и казахском языках. - Алма-Ата, 1991. – С. 138.

20. Балли Ш. Общая лингвистика: вопросы французского языка. - М., 1955. – С. 324, 372.

21. Баранов А.Н., Кобозева И.М. Вводные слова в семантической структуре предложения // Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры: Межвуз. сб. - Красноярск, 1984. - С.83-93. (http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/articles/kobozeva/an_bimk-1984-vvodnslova.doc)

22. Бархударов Л.С, Штелинг Д.А. Грамматика английского языка. Изд-е 4-е, испр. - М.: Высшая школа, 1978. – С. 137-138, 423.

23. Бархударов Л.С. Структура простого предложения в современном английском языке. - М.: Высшая школа, 1966. – С. 179.

24. Беликов В. И. Полевые методы в лексикографии // II международный симпозиум по полевой лингвистике. Институт языкознания РАН, 23-26 октября 2006 года. Тезисы докладов. - М., 2006

(Источник текста - страничка В.И. Беликова на сайте Отделения теоретической и прикладной лингвистики Филологического факультета МГУ).

25. Беличова-Кржижкова Е.О. О модальности предложения в русском языке // Актуальные проблемы русского синтаксиса: Сб. ст. - М.:МГУ, 1984. Вып. I.- С. 49-77.

26. Беляева М.А. Грамматика английского языка – М., 1978. – С. 247.

27. Беляева Е.И. К проблеме лексико-грамматических полей в языке (на материале микрополей возможности и вынужденности в английском и русском языке): Автореф. дис. канд. фил. наук / Е.И. Беляева. Воронеж, 1977. - С. 21.

28. Беляева Е.И. ФСП модальности в английском и русском языках. - Воронеж, 1985. – С. 180, 183.

29. Бенвенист Э. О субъективности в языке // Бенвенист Э. Общая лингвистика. Под ред. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс, 1974. - С. 167-179.

30. Бенвенист Э. Общая лингвистика. Под ред. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс, 1974. – С. 446.

31. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1997. – С. 204.

32. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. Гл. редактор Ярцева В.Н. - М: 1998. – С. 415.

33. Бондаренко В.Н. Виды модальных значений и их выражение в языке // Филол. науки. - 1979. - № 2. - С. 54 - 61.

34. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. - Л., 1983. – С. 264.

35. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. М., 1990. - С. 263.

36. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. Л.: Наука, 1971. – С. 312.

37. Бондарко А.В. К теории поля в грамматике: залог и залоговость // ВЯ, 1972 - №3. - С. 20-35.

38. Бондарко А.В. Категориальные системы к теории функциональной грамматики. // ВЯ, 1983. - № 2. - С. 20-32.
39. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. - Л.: Наука, 1984. – С. 136.
40. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. -Л.: Наука, 1984. – С. 136.
41. Бочкова О.С. Модальный аспект художественного текста: на материале произведений В. Ходасевича. Автореф. канд. филол. наук. Краснодар, 2008. - С. 4.
42. Буглак С.И. Модальные слова и частицы в разных по целенаправленности типах простого предложения русского языка: Автореф. дис. канд. филол наук. - Д., 1987. – С. 19.
43. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). - М: Языки рус. культуры, 1997. – С. 480.
44. Бухарин В.И. Вводные слова в аспекте актуального членения // Вопросы языкознания, 1984. №1. - С.101-105.
45. Быстрова Л.В. К вопросу о принципах и методах выделения лексико-семантических групп слов // Филол. науки, 1980, № 6. - С. 75-78.
46. Бюлер К. Теория языка. - М., 1993.
47. Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа. - М., 1993.
48. Василенко Л.И. Модальные слова как средство авторизации текста // Филол. науки, 1984. - № 4. - С. 76-79.
49. Васильев Л.М. Семантика русского глагола. - М.: Высшая школа, 1981. – С. 184.
50. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. - М.: Высшая школа, 1990. – С. 175.
51. Васильев Л.М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания, 1971, 5. – С. 105-113.
52. Васильев Л.М. Форма и содержание языка как знаковой системы // Вестник ВЭГУ: педагогика. Уфа, 1996, 3. - С. 39-42.

53. Васильева О. А. Коммуникативно-функциональное поле вежливости в английском языке // Теория поля в современном языкознании. - Уфа, 1997. - С. 147-149.
54. Вейнрейх У. О семантической структуре языка. // Новое в зарубежной лингвистике, т. V. - М., 1970. - С. 163-250.
55. Вердиева З.Н. Семантическое поле в современном английском языке. - М., 1986. – С. 120.
56. Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике. М.: «Наука», 1975. – С. 558.
57. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. - М., 1975. - С.53 - 87.
58. Виноградов В.В. О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка // Мысли о современном русском языке. М., 1969. - С. 5-23.
59. Виноградов В.В. Русский язык /Грамматическое учение о слове/.- М., 1986. – С. 581, 640.
60. Винокур Т.Г. Поле // Лингвистический энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1990. - С. 380-381.
61. Вольф Е.М., Ладомирский Н.А. Пересечение модальностей: способность и возможность // Функциональная семантика: препозиционные структуры и модальность. - М., 1988. - С. 6-16.
62. Востоков В.В. О вводно-модальных элементах как средствах формирования и выражения субъективно-модальных значений // Лингвистический сборник. М., 1976. - Вып. 6. Современный русский язык. -С. 103-112.
63. Гайсина Р.М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. Саратов, 1981. – С. 196.
64. Гак В.Г. О контрастивной лингвистике / В.Г. Гак // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1989. - Вып. 25. - С. 5-17.
65. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского

языков / В.Г. Гак. М.: Просвещение, 1989. – С. 288.

66. Гак В.Г. Функционально семантическое поле предикатов локализации // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Пассивность. Обусловленность. - СПб., 1996. - С. 6-27.

67. Галкина-Федорук Е.М. Наречия в современном русском языке. М., 1939. – С. 155.

68. Галкина-Федорук Е.М. Современный русский язык. – М., 1958. – С. 323.

69. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. - М.: Наука, 1981. - С. 138.

70. Гвоздев А.Н. Современный русский язык. М., 1958. – С. 362.

71. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. - М., 1992.

72. Гоголина Т.В. Функционально-семантическое поле сомнительности в современном русском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук / УрГПУ. -Екатеринбург, 2000. - 23 с.

73. Гогошидзе В.Д. Взаимодействие семантики и грамматики в системе английского глагола. Душанбе: Дониш, 1985. – С. 153.

74. Гогошидзе В.Д., Гогошидзе Т.К. Морфологические категории глагола. Душанбе: ГПИ им. Г.Шевченко, 1985. – С. 51.

75. Городецкий Б.Ю. К проблеме семантической типологии. -М.: Изд-во МГУ, 1969. – С. 564.

76. Горский В.П., Ивин А.А., Никифоров АЛ. Краткий словарь по логике / Под ред. В.П. Горского. - М.: Просвещение, 1991. – С. 207.

77. Граматикаи забони тоҷикӣ. - Душанбе, 1982. – С. 429.

78. Грамматика современного русского языка. Под ред. Н.Ю. Шведовой. - М.: Наука, 1970. – С. 767.

79. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Қисми 3. - Душанбе: Дониш, 1985. – С. 224.

80. Грамматикаи забони ҳозираи тоҷик. Қисми 1. - Душанбе: Маориф, 1973. – С. 450.

81. Грамматикам забони адабии ҳозираи тоҷик. Қисми 1. -

Душанбе: Дониш, 1985. – С. 462.

82. Грамматикам забони ҳозираи тоҷик. Қисми 2. - Душанбе: Дониш, 1986. – С.373.

83. Грелл М. О сущности модальности // Языкознание в Чехословакии. 1956-1974: Сб. ст. - М., 1978. - С.277-301.

84. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. О компонентном анализе значимых единиц языка // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С.291-314.

85. Гулыга Е.В. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс. М.: Просвещение, 1969. – С.184.

86. Гулыга Е.В. Модальные слова в современном немецком языке // Ученые записки МГПИИЯ. -М, 1955.-Том 7. - С. 93-100.

87. Гулыга Е.В. Образуют ли модальные глаголы аналитические формы выражения модальности // ИЯШ, 1957, № 1. - С. 102.

88. Гухман М.М. Лингвистическая теория Л. Вайсгербера // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1961. – С. 123-162.

89. Денисенко В.Н. Функциональная структура семантического поля (Наименование изменения в русском языке) // Филол. науки, 1997. - № 1. - С. 3-12.

90. Дешериева Т.И. О соотношении модальности и предикативности // ВЯ. 1987. -№1. - С.34-35.

91. Дмитриевская М.А. Логический анализ языка. Знание и мнение. М., 1988. - С.7.

92. Долгих Н.Г. О трех направлениях в разработке метода компонентного анализа применительно к лексическому материалу // Научные доклады высшей школы: филологические науки, 1974, 4. – С. 10-110.

93. Долгих Н.Г. Теория семантического поля на современном этапе развития семасиологии // Филол. науки, 1973. - № 1. - С.89 - 99.

94. Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958. – С. 438.
95. Ефимов А.И. Стилистика русского языка [Предисл. акад. В. Виноградова] - М.: Просвещение, 1969. – С. 262.
96. Жирмунский В.М. Введение в сравнительно-историческую грамматику германских языков. М., 1963. – С. 254.
97. Журавлева А.А. Способы выражения модальности в английском языке. // Квалификационная работа по теоретической грамматике. – Петропавловск-Камчатский, 2003. – С.3.
98. Зайнуллин М.В. Модальное поле возможности (на материале башкирского и других тюркских языков) // Теория поля в современном языкознании. - Уфа, 1997. - С. 26-31.
99. Звегинцев В.А. Зарубежная лингвистическая семантика последних десятилетий // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981, 10. - С. 5-32.
100. Зверева Е.А. Научная речь и модальность. - Д.: Наука, 1983. – С. 158.
101. Зеленецкий А.Л., Монахов П.Ф. Сравнительная типология немецкого и русского языков / А.Л. Зеленецкий, П.Ф. Монахов. М., 1983. – С. 139.
102. Зеленщиков А.В. Истинность и модальность высказывания // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Сер. 2, История, языкознание, литературоведение. - СПб., 1996. - Вып. 2. - С. 50-59.
103. Зеленщиков А.В. Пропозиция и модальность: Автореф. дис. - СПб., 1997. – С. 20.
104. Золотова Г.А. Вводно-модальные слова в предложении и в тексте // Ceskoslovenska rusistika.- 1983. № 5. - С. 207-211.
105. Золотова Г.А. О модальности предложения в русском языке. // Филол. науки, 1962, - №2. – С. 12-20.
106. Золотова Г.А., Онипенко И.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. – С. 524.
107. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского

языка. М.: Наука, 1973. – С. 351.

108. Золотова Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. - М., 1988. – С. 472.

109. Ибрагимова М. Модальные слова и модальные частицы в таджикском и русском языках. Автореф. канд. дис. Душанбе, 1971. – С. 20.

110. Ионова А.М. Модальные глаголы в английском языке // Вопросы грамматики. – Куйбышев: КГИ, 1978. – С. 45-69.

111. Исаев А.В. К вопросу о делении суждений по модальности // Логико-грамматические очерки. - М., 1961. - С. 85.

112. Исследования по семантике: Семантические аспекты синтаксиса / Башк.гос.ун-т. - Уфа, 1985. – С. 135.

113. Калашян А.П. Коммуникативные аспекты модальности. Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1992. - С. 22.

114. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976. - С. 314.

115. Караулов Ю.Н. Структура лексико-семантического поля // Филол. науки, 1972. - № 1.- С. 57-68.

116. Караулов Ю.Н. Частотный словарь семантических множителей русского языка. - М., 1983.

117. Кац Дж. Семантическая теория // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981, 10. – С. 33-49.

118. Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание. - Л., 1986.

119. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. – С. 216.

120. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. - М.-Л.: Наука, 1965. – С. 368.

121. Киприянов В. Коммуникативы как лексико-грамматический класс слов // Филол. науки, 1975. - № 3. - С. 79-87.

122. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 1999. – С. 352.

123. Колшанский Г.В. К вопросу о содержании языковой категории модальности // ВЯ, 1961- № 1. - С. 94 -98.
124. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. - М.: Наука, 1980. – С. 149.
125. Колшанский Г.В. О природе контекста // ВЯ, 1959 - № 4. - С. 47-49.
126. Колшанский Г.В. О соотношении объективных и субъективных факторов в языке. - М: Наука, 1975. – С. 231.
127. Кондаков. Логический словарь. – М., 1984. – С. 694.
128. Корнилов А.А. Модально-конструктивная функция лексических единиц со значением категорической и проблематической достоверности в осложненном и сложном предложении // Сложное предложение в системе других синтаксических категорий. - Л., 1984. - С. 24- 30.
129. Корнилов А.А. Субъективно-модальная характеристика высказывания с точки зрения достоверности-недостоверности его содержания. // Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания. Межвуз. сб. научных трудов. - Л. - С. 43-51.
130. Қосимова М. Н. Очеркҳо оид ба синтаксиси ҷумлаҳои соддаи насри асри XI. - Душанбе: Ирфон, 1976. – С. 215.
131. Кривоносов А.Т. Естественный язык и логика. - Москва - Нью-Йорк, 1993. – С. 318.
132. Кривченко Е. К понятию «семантическое поле» и методам его изучения // Филол. науки, 1973. - № 1.- С. 99-103.
133. Кузнецов А.М. Варианты лексико-парадигматических структур // Языки мира: Проблемы языковой вариативности. М., 1990. – С. 108-119.
134. Кузнецов А.М. От компонентного анализа к компонентному синтезу. - М. 1986.
135. Кузнецов А. М. Структурно-семантические параметры в лексике (на материале английского языка). М., 1980.
136. Кузнецова А.И. Понятие семантической системы языка и

методы ее исследования. – М., 1963. – С.12-13.

137. Кульбакин А.А. ФСП повторяемости (множественности) в русском языке в сопоставлении с немецким языком // Русский язык за рубежом, 1992. - №4. - С.73-80.

138. Курлянд Э.Е. Функциональная модальность глаголов мыслительной деятельности английского языка. – Саратов, 1985. – С. 184.

139. Лабов У. Структура денотативных значений // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983, 14. – С.133-176.

140. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. - М., 1978. – С. 127.

141. Левицкий Ю.А. Проблема типологии текстов. - Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. – С. 105.

142. Левицкий В. В. Типы лексических микросистем и критерии их различия // Научные доклады высшей школы: филологические науки. Филол. Науки. 1988, 5. – С. 66-73.

143. Леденев Ю.И. Состав и функциональные особенности класса неполнозначных слов в современном русском литературном языке. // Неполнозначные слова (Материалы в помощь студентам филологического факультета). Ставрополь, 1974. - С. 3-23.

144. Лекант П.А. Семантика вводных компонентов в тексте // Семантика слова и словоформы в тексте. -М.: Моск. Обл. пед. ин-т, 1988. - С. 3-7.

145. Лекант П.А. Семантика членов предложения // Семантика слова и семантика высказывания. - М.: Моск. обл. пед. ин-т, 1989. - С. 3-15.

146. Лекомцев Ю.К. К проблеме компонентного членения // Гипотеза в современной лингвистике, М., 1980. - С. 142-216.

147. Лещенко В. Л. К изучению вопроса о семантической структуре функционально-семантического поля цели в русском и белорусском языкознании // Семантика языковых единиц: Доклады V Международ. конференции.-Т.2.-М., 1996. - С. 51-52.

148. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. - С.

380.

149. Лич Дж. К теории и практике семантического эксперимента // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983, 14. – С.108-132.

150. Логический анализ языка. Знание и мнение. – М., 1988. – С. 207.

151. Логический словарь. – М.: ДЕФОРТ, 1994. – С. 634.

152. Ломтев Т.П. Общее и русское языкознание. - М., 1976.

153. Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – С. 199.

154. Ломтев Т.П. Структура и парадигматика предложений на основе свойств грамматической категории модальности // Вопросы филологии. Уч.зап. МГПИ им. Ленина. - 1969 - № 341. - С. 205-232.

155. Лосев А.Ф. Философия имени. - М.: Изд-во МГУ, 1990. – С. 269.

156. Ляпон М.В. К вопросу о языковой специфике модальности // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. - 1971. - Т. 30, вып. 3. - С. 230-239.

157. Маковский М.М. «Картина мира» и миры образов (Лингвокультурологические этюды) // ВЯ, 1992. - № 6. - С. 14-20.

158. Маковский М.М. Лингвистическая комбинаторика. - М., 1988.

159. Маковский М.М. Опыт типологической характеристики лексико-семантической системы // ВЯ, 1970. - № 2. - С. 24-34.

160. Маковский М.М. Теория лексической аттракции (Опыт функциональной типологии лексико-семантических систем). М.: Наука, 1971. – С. 252.

161. Малюткина А.Г. Лексико-грамматические средства выражения модальных значений в современном русском языке (на материале предложений с именным сказуемым): Автореф. дисс. канд. филол. наук / Ленингр. гос. ун-т.-Л., 1970. – С. 26.

162. Мещанинов И.И. Понятийные категории в языке // Труды Военного института иностранных языков. Ленинград, 1945. №1 – С. 17.

163. Милосердова Е.В. Семантика и прагматика модальности. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1991. – С. 194.

164. Миронова Н.Н. К вопросу о реализации субъективно-модальных значений в научном тексте // Научные доклады высшей школы: филологические науки, 1983, 3. – С. 130-142.

165. Морозова Е.Н. К вопросу о семантических полях // Вопросы лингвистики: Межвуз. сб. научн. тр. - М: Изд-во МГУ, 1997. - Вып. I. - С. 20-30.

166. Москальская О.И. Грамматика текста. – М., 1981. - С.186.

167. Москович В.А. Статистика и семантика. Опыт статистического анализа семантического поля. - М.: Наука, 1969. – С. 304.

168. Ниёзмухаммадов Б. Забони адабии ҳозираи тоҷик. Қисми I Лексикология, фонетика ва морфология. - Душанбе 1973. – С. 452.

169. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М.,1988. – С. 268.

170. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М., Высшая школа, 1991. - С.3.

171. Новиков Л.А. Семантическое поле как текстовая структура // Теория поля в современном языкознании. - Уфа, 1997. - С. 3-6.

172. Носирова Ф. Х. Компоненты функционально-семантического поля модальности в таджикском и английском языках. Автореф. канд. дис. Душанбе, 2002. – С. 25.

173. Панфилов В.З. Роль модальности в конструкции предложения и суждения // ВЯ, 1977. - № 4. - С. 40.

174. Панфилов В.З. Взаимоотношения языка и мышления. - М., 1971. - С. 232.

175. Панфилов В.З. Грамматика и логика. - М.- Л., 1963. – С. 80.

176. Панфилов В.З. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения // Вопросы языкознания, 1977. №4. – С. 37-48.

177. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. - М., 1956. – С. 479.

178. Плоткин В.Я. О связи вводных элементов с предложением и его частями (на материале английского языка): Автореф, дис. канд.

филол. наук,- Л., 1959. – С. 17.

179. Полежаева Ж.Ю. Типология классификации глагольной лексики // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков и страноведения. Вып. 2.-Великий Новгород, 1999. - С. 134-141.

180. Порциг В. Членение индоевропейской языковой области / В. Порциг. М.: Прогресс, 1964. – С. 332.

181. Потехня А.А. Из записок по русской грамматике. – М., 1958. – С. 424.

182. Почепцов О.Г. и др. Теоретическая грамматика английского языка. – М., 1971. – С. 267.

183. Почепцов О.Г. Языковая ментальность // ВЯ, 1990. - № 6. - С. 110- 122.

184. Проблемы лингвистического анализа текста: [Сб. ст.] /Головной иркут. гос. пед. ун-т.; [Отв. ред. Денисова О.К., Малинович Ю.М.] - Иркутск: ИГПИ, 1982. – С. 111.

185. Проблемы теории текста. Реферат, сборник. М.: 1978. – С. 189. - (АН СССР. ИНИОН)

186. Радзиховская В.К. Оценка как способ определения семантических полей // Семантика языковых единиц: Доклады V Международ. конференции. - Т. 1. - М., 1996. - С. 32-35.

187. Распопов И.П. Очерки по теории синтаксиса. - Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 1970. – С. 350.

188. Распопов И.П., Ломов А.М. Основы русской грамматики. - Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 1984. – С. 243-244.

189. Расторгуева В.С. К вопросу о неочевидных или повествовательных формах таджикского глагола. - Сталинабад: Изд-во АН Тадж. ССР, 1953. – С. 28.

190. Расторгуева В.С. О формах конъюнктива (сослагательного наклонения) в современном таджикском литературном языке. - Сталинабад: Изд-во АН Тадж. ССР, 1953. – С. 42.

191. Расторгуева В. С., Керимова А. А. Система таджикского глагола. М.: Наука, 1964. - С. 152-159.

192. Розенфельд А. 3. Глагол. Выпуск 4. Сталинабад: Изд-во АН Тадж. ССР, 1954. – С. 80.
193. Русская грамматика 1980, - С. 285.
194. Русская грамматика. Т. II. –М.: Наука, 1980. – С. 673.
195. Селиверстова О.Н. Компонентный анализ многозначных слов (на материале некоторых русских глаголов). - М., 1975. – С. 185.
196. Сиёев Б.С. Очеркҳо дойр ба таърихи феъли забони адабии тоҷик. - Душанбе: Дониш, 1968. – С. 88.
197. Слюсарева Н.А. Проблемы лингвистической семантики // ВЯ, 1973. - №5. - С. 13-23.
198. Смирницкий А.И. К вопросу о слове. (Проблема «отдельности слова») // Вопросы теории и истории языка. - М., 1952. - С. 182-303.
199. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М., 1956. - С. 276.
200. Смирницкий А.И. Лексическое и грамматическое в слове. // Вопросы грамматического строя языка. - М., 1955. - С. 52.
201. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. – М., 1959. – С. 327.
202. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. – М., 1957. – С. 224.
203. Смулаковская Р.Л. Лексико-семантические отношения в тексте. Л, 1987. – С. 264.
204. Собир А.М. Сравнительно-сопоставительная типология синтаксиса и структуры простого предложения в разносистемных языках (на материале таджикского и английского языков). - Душанбе, 2000. – С. 252.
205. Современный русский язык. М., 2001. – С. 529.
206. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц. –Ч. 2: Морфология. Синтаксис / В.В. Бабайцева, Н.А. Николина, Л.Д. Чеснокова и др.; Под ред. Е.И. Дибровой. М.: Издательский центр «Академия», 2001. – С. 704.
207. Солодуб Ю.П. Структура лексического значения // Филол.

науки. -М., 1997. - №2. - С. 54-66.

208. Соссюр Ф.де. Курс общей лингвистики // Фердинанд де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977. – С.31-285.

209. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. - М., 1975. – С.315.

210. Степанов Ю.С. Язык и метод: К современной философии языка. - М.: Языки рус. культуры, 1998. – С. 779.

211. Степанова М.Д. Методы синхронного анализа лексики. - М., 1968. – С. 205.

212. Столярова И.В. Модальная характеристика вводного компонента в предложении // Модальность в ее связях с другими категориями. Новосибирск, 1992. - С. 113-121.

213. Сухотин В.П. Синтаксическая роль инфинитива в современном русском языке // Ученые записки Кабардино-Балкарского госпединститута. Вып. 1, 1940. – С. 92.

214. Таджиев Д.Т. Причастия в современном таджикском литературном языке. Сталинабад, 1954. – С. 55.

215. Тарасенко В.Н. Структура модальности и модальной семантики в языке. - М., 1974. – С. 197.

216. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. - М: Наука, 1986. – С. 141.

217. Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. - СПб: Наука, 1991. – С. 369.

218. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. - Л.: Наука, 1990. – С. 262.

219. Тимофеев В.П. Язык как явление. Языковые единицы // Вестн. Челябин. ун-та. Сер. 2, Филология - Челябинск, 1996. - № 1. - С. 142-152

220. Туева И.А. Из истории модальных слов // Русский язык в школе, 1966. - № 2 - С. 100.

221. Тураева З.Я. Лингвистика текста: (текст: структура, семантика): Учеб. пособие для педагогических институтов по специальности № 2103 «Иностранный язык». - М.: Просвещение, 1986. – С. 126.

222. Уфимцева А.А. Теории семантического поля и возможности их применения при изучении словарного состава языка // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1961. – С.30-63.
215. Уфимцева А.А. Опыт изучения лексики как системы. (На материале англ. яз.) / А.А. Уфимцева. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – С. 287.
216. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов / Ф.П. Филин // Езиковедски исследования в чест на акад. Ст. Младенов. София 1957. - С. 537-558.
217. Филипповская И.А. Модальность предложения. - Душанбе, 1978. – С. 51.
218. Филичева Н.И. Синтаксические поля. - М., 1977. - С. 212.
219. Филмор Ч.Дж. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. – С. 23, 52-92.
220. Фурашов В.И., Чернышева М.М. Субъективная модальность и обособление // Рус. язык в шк. - 1983 - № 1. - С. 68 -75.
221. Хамроалиев Н. Глагольный вид в современном английском и таджикском языках. - Душанбе: Дониш, 1979. – С. 182.
222. Харитончик З.А. Способы концептуальной организации знаний в лексике языка // Язык и структура представления знаний. М., 1992. – С. 98-123.
223. Хочиева Сураё. Ибораҳои феъли бо муносибати объектӣ дар забони тоҷикӣ ва англисӣ. - Душанбе, 2002. – С. 130.
224. Хрисонопуло Е.О. О характере лингвистических противопоставлений в структуре ФСП // Квантитативная лингвистика и семантика. Вып. 2. - Новосибирск, 2000. - С. 237 - 243.
225. Хрычиков Б.В. Категория модальности, ее объем и средства выражения в современном русском языке: Автореф. д-ра филол. наук / Днепропетровск, гос. ун-т. - Днепропетровск, 1986. – С. 36.
226. Цейтлин С.Н. Некоторые типы модальных ситуаций в современном русском языке // Функциональный анализ грамматических

аспектов высказывания. - Л., 1985. - С. 16-25.

227. Черткова М.С. О функционально-семантическом соотношении модальных слов с частицами и союзами // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та. - М, 1970. - № 332. - С. 261-278.

228. Чесноков П.В. О двух типах функционально-семантического поля // Языковые единицы. Семантика, грамматика, функции. - Ростов-на-Дону: Гефест, 1998. - С. 85-93.

229. Шафиков С.Г. Некоторые аспекты изучения тематических групп лексики // Семантические и прагматические аспекты анализа основных языковых единиц. Барнаул, 1982. – С.90-101.

230. Шахматов Л.Л. Очерк современного русского литературного языка. Изд-е 4-е.-М.: Учпедгиз, 1941. – С. 285.

231. Шахобова М.Б. Опыт сопоставительного исследования строя таджикского и английского языков. - Душанбе: Дониш, 1985. – С. 252.

232. Шведова Н.Ю. Парадигматика простого предложения.//Русская грамматика. Т. 2: Синтаксис. - М., 1980.

233. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису разговорной речи. М., 1960. – С. 274.

234. Шмалькова Н.А. Выражение значения предположения в русском и английском языках. – Калинин, 1985. – С. 184.

235. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) - М.: Наука, 1973. – С. 280.

236. Шмелев Д.Н. Семантические признаки слов // Русский язык в национальной школе – 1968. С. 5, 15-2 I.

237. Шмелева Т.В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. - М., 1984. - С. 78-101.

Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. - М.: Наука, 1974. – С. 286.

Б. Литература на иностранных языках

238. Alan K. Linguistic meaning, 1.-London. 1986.

239. Coseriu E., Geckelcr G. Trends in structural semantics. - Tbbingen, 1981.
240. Goodenough W. Componential analysis and the study of meaning // *Language*, 32, 1: 195-216.
241. Ipsen G. Der alte Orient und die Indogermanen // *Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft // Festschrift &r W. Streiberg. Heidelberg, 1924:200-237.*
242. Ipsen G. Der neue Sprachbegriff // *Zeitschrift &r Deutschkunde, 1932, 46: 1-18.*
243. Jakobson R. Beitrag zur allgememen Kasuslehre // *Travaux du Cercle linguistique de Prague, 1936, 6: 240-2 88.*
244. Katz J. *The philosophy of language.* - N.Y., 1972.
245. Lehrer A. *Semantic fields and lexical structure.* - Amsterdam, 1974.
246. Lyons J. *Linguistic semantics. An introduction.* - Cambridge, 1995.
247. Meyer R.M. *Bedeutungssysteme // Zeitschrift for vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprache. Guttingen, 1910,434.*
248. Newman P. *Common lexicons for machine translation systems // Proceedings of the ELC Conference on Computational Linguistics. Oslo, 1988.*
249. Palmer F. *Semantics. A New Outline.* - M., 1982
250. Porzig W. *Das Wunder des Sprache. Probleme, Methoden und Ergebnisse der modemen Sprachwissenschaft - Bei^^nche^ 1967.*
251. Porzig W. *Wesenhafte Bedeutungbeziehungen // Beih^ge zur Geschichte der deutschen Sprache imd Literatur, 1934, 58: 70-97.*
252. Pottier B. *Recherches sur l'analyse semantique et traduction mncanique.* - Nancy, 1963.
253. Raskin V. *Script-based semantic theory // Contemporary Issues in Language and Processes. Hillsdale, 1986: 23-61.*
254. Reuning K. *Joy and Freude. A comparative study of the linguistic*

field of pleasurable emotions in English and German. - Swarthmore, 1941.

255. Schneider E. Semantic features and feature dimensions // Proceedings of the 14th International Congress of Linguists. Berlin. 1990, 2: 1250-1253.

256. Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Die Geschichte eines sprachlichen Feldes. - Heidelberg, 1931.

257. Trier J. Sprachliche Felder / J. Trier. Zeitschrift für deutsche Bildung, 1932. H. 9.-S. 417-427.

258. Uhman S. Theories of the linguistic field // Word, 1953, 9, 2:123-134.

259. Weinreich U. Lexicographic definition in descriptive semantics // International Journal of American Linguistics, 1962, 28, 2:25-43.

260. Weinreich U. On the semantic structure of language // Universals of Language. Cambridge, 1963: 114-171.

261. Weisgerber L. Die Bedeutungslehre - ein Irrweg der Sprachwissenschaft? // Germanisch-Romanische Monatsschrift, 1927, 15, 5/6: 161-183.

262. Weisgerber L. Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik. - DMseldorf, 1962.

В. Справочная литература

Золотова Г.А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М, 1988. – С. 489.

Касаткин Л.Л. Краткий словарь-справочник по современному русскому языку / Л.Л. Касаткин, Е.В. Клобуков, П.А. Лекант. Под ред. П.А. Леканта. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: Высшая школа, 1995. – С. 382.

Лингвистический энциклопедический словарь. / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Совет, энцикл., 1990. – С. 684.

Логический словарь. ДЕФОРТ. / Под ред. А.А. Ивина и др. - М.: Мысль, 1994. – С. 269.

Новейший энциклопедический словарь. / Ред. Е.А. Варшавская. М.: АСТ «Астрель. Транзиткнига», 2004. - 1424 с.

Томахин Г.Д. США. Лингвострановедческий словарь. 2-е изд. стереотип. - М.: Русский язык, 2000. – С. 576.

Г. Словари

Англо-русский и русско-английский словари под редакцией В.В. Аракина и В.М. Мюллера. М.: Совет. энцикл., 1972. – С. 882.

Большой англо-русский словарь. / Под рук. И.Р. Гальперина. В 2 т. Т.1.- М.: Совет. энцикл., 1972. – С. 882.

Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб: «Норинт», 2000. – С. 1536.

Мюллер В.К. Новый большой англо-русский словарь. Изд-во «Русский язык», В.К.Мюллер, В.Л.Дашевская, В.А.Каплан и др. - 9-е изд. - М.: Русский язык, 2002. – С. 831.

Мюллер В.К. Новый большой англо-русский словарь. Изд-во «Русский язык», В.К.Мюллер, В.Л.Дашевская, В.А.Каплан и др. - 9-е изд. - М.: Русский язык, 2002. – С. 831.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений // Российская Академия Наук. Институт русского языка им. В.Виноградова. 4-е изд., дополненное. - М.: Азбуковник, 1999. – С. 944.

Словарь иностранных слов русского языка. – М.: Советская энциклопедия, 1996. – С. 678.

Словарь русского языка: в 4 т. [Гл. ред. А.П. Евгеньева]. - 2-е изд. испр. и доп. - М.: Рус. яз., 1981.

Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985-1988. Т.4С-Я. 1988. – С. 800.

Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985-

1988.Т.3П-Р. 1987. – С. 752.

Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985 -1988. Т.2 К - 0.1986. – С. 736.

Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985-1988.Т.1 А-Й. 1985. – С. 696.

Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. (АН СССР, Ин-т рус. яз.). 2-е изд., перер. и доп. М.: Рус. яз., 1991.

Словарь структурных слов русского языка. / Под ред. проф. В.В. Морковкина. - М.: Лазурь, 1997. – С. 422.

Словарь структурных слов русского языка, 1997.

Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ҷилди 1. М.: Советская энциклопедия, 1969. – С. 951.

Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ. Таджикско-русский словарь. Душанбе: Дониш, 2006. – С. 784.

Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ҷилди 2. М.: Советская энциклопедия, 1969. – С. 949.

Jamghedov P., Rozy T. English Tajik dictionary. - Dushanbe: Paivand, 2005. - 800 p.

Longman Dictionary of Contemporary English. Longman Corpus Network, 1995. - 1596 p.

Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman Group UK Limited, 1992. - 1528 p.

Macmillan English Dictionary. Macmillan Publishes Limited, 2002. - 1692 p.

The Newsbury House Dictionary of American English. Heinle & Heinle, 2000. - 1004 p.

Webster's New World Dictionary of American English. Third Colledge Edition. New York, 1988. - 1557 p.

Д. Использованная художественная литература

Гранин Д. Чужой дневник: Повести и рассказы. / Д. Гранин. М.: Современник, 1988. – С. 432.

Каверин В. Два капитана: роман в 2-х томах. / В. Каверин. Том 1. - М.: Центр «Новый мир», 1993. – С. 342.

Каверин В. Два капитана: роман в 2-х томах. / В. Каверин. Том 2. - М.: Центр «Новый мир», 1993. – С. 315.

Куприн А. Юнкера: повесть. /А. Куприн. Том 6. – М: Гос. Изд-во Художественной литературы, ПСС, 1958. – С. 187, 214.

Маринина А. Закон трех отрицаний: роман в 2-х томах / А. Маринина. Том 2. - М.: Эксмо, 2004. – С. 320.

Маринина А. Закон трех отрицаний: роман в 2-х томах / А. Маринина. Том 1. - М.: Эксмо, 2004. – С. 320.

Маринина А. Пружина для мышеловки: роман / А. Маринина. М.: Эксмо, 2005. – С. 412.

Пушкин А. Дубровский: повесть / А. Пушкин. М: Издательство Академии наук, 1957. – С. 257, 294.

Солженицын А. Рассказы. / А. Солженицын. М.: Центр «Новый мир», 1990. – С. 398.

Толстой Л. Война и мир: роман /Л. Толстой, М: Гос. изд-во Художественной литературы, 1958. – С. 118, 275.

Тургенев И. Рудин: роман / И. Тургенев, М: Гос. изд-во Художественной литературы, ПСС, 1951. - С. 57, 72, 112.

Тургенев И. Дворянское гнездо: роман / И. Тургенев, М: Гос. изд-во Художественной литературы, ПСС, 1951. - С. 154, 247.

Шукшин В. Беседы при ясной луне. Рассказы. / В. Шукшин. Киев: «Вэсэлка», 1991. – С. 424.

Edgar A. Poe. The murders in the Rue Morgue.

Edward McBain. Cop Hater.

Mario Puzo. The Godfather.

Ray Bradbury The messiah. 146

Ray Bradbury, A Story of Love.

Ray Bradbury. The April Witch

William S. Maugham. The Force of Circumstance.